

Часть 10. «Странный» день на «непонятной» войне

- ...Ну что, командир, выспался? – В кабинет начальника станции, который Михайлов занял под свой НП, а заодно и «спальню», заглянул Будунов.

- Да разве тут уснешь, в такой тишине? – проворчал Вадим.

- У меня такая же фигня. Пытался заснуть, но только замучился – представляешь, часы не дали! Раньше как-то не замечал, чтоб мои «Командирские» тикали так громко и нудно, – с грустной улыбкой ответил Борис. – Ладно, пойдём новости послушаем, я «Маяк» поймал.

Прислушиваясь к отдаленному, еле слышному вдалеке густому шелесту автоматных очередей, Вадим повернулся к окну за заметно полегчавшим со вчерашнего вечера подсушком, лежавшим на подоконнике, и привычно забросив на плечо автомат, сгрёб со стола «лифчик» – разгрузочный жилет с множеством кармашков для магазинов и гранат – для войны вещь весьма необходимая. Да и при отсутствии «броников», хоть какая-то, но защита. А то, что назывался так игриво, то к этому хоть и привыкли, но всё же находили повод пошутить... Серийных солдатских, известных ещё с «Афгана», почти не было, а те, кто разжился этими «разгрузками», говорили, что уж очень они грубые и неудобные, в них ужасно жарко, и преешь. А вот подобная продукция бендерских и тираспольских швейников защитникам Приднестровья пришлась по вкусу. Но и они были не у всех. Некоторые под «лифчик» приспособили найденные на водной станции спасательные жилеты – почему-то синего цвета? – вытащив из них бруски пенопласта...

Через приоткрытую створку окна, откуда тянуло доменным жаром, попытался было вдохнуть хоть немного свежего воздуха, но из этой затеи ничего не вышло. Уже макушка дня – жарко! Еще раз, просто так, на всякий случай, Вадим взглянул через тюль, прикрывавшую покоцанные пулями и осколками стёкла, на зеркало «заднего вида», установленное, подобно автомобильному, за оконной рамой. Ну что там мог увидеть? Безлюдный, прожаренный солнцем асфальт привокзальной площади, крыши домов да бурную зелень южного города... Несколько таких зеркал с видом во все стороны, на окнах «базы» установил «Лях» – Саша Шляхтуров, после того, как, высунувшись однажды наружу, чуть было не «схватил» явно не шальную пулю. Эту «придумку», увидев, переняли и бендерские ополченцы, занявшие соседнее здание. Удобно и безопасно.

Сейчас огонь был так себе – если по пятибалльной шкале, то на слабенькую «троечку», не больше. И не прицельный, а так, лишь бы не давать покоя...

На «базе» мертвая тишина – почти все отдыхают после «ночного». Полусумрачные коридоры, куда не проникали прямые солнечные лучи, пусты и чуть прохладны, по ним бегают еле заметный сквознячок. Оконный проём в конце коридора с выбитыми напрочь близким взрывом стёклами и рамой из-за палящего снаружи солнца казался охваченным пламенем, и смотреть в ту сторону, не щурясь, было невозможно.

Не спеша подходя к кабинету станционной бухгалтерии, где были обустроены пункт связи и своеобразная «кают-компания» группы, Михайлов успел заметить на полу лестничной площадки россыпь угольков, тлеющих в металлическом поддоне. «Значит, Боря уже успел что-то сварганить...»

- Чайком взбодриться не хочешь? Настоящим!.. – с улыбкой и гордостью в голосе встретил он вошедшего Вадима.

И действительно, по комнате влажно расплывался терпкий аромат индийского чая, на столе стоял закопченный, где-то найденный алюминиевый чайник, а рядом – невероятно! – большая оранжевая пачка чая «со слоном».

- Откуда, Борис?.. – изумленно протянул Вадим.

- Да ведь задолбали уж эти компоты! ..И кислятина эта тоже, – Будунов раздраженно кивнул в сторону стоящих у стены двух небольших фляг с добротным домашним белым сухим вином, которым вместе с фруктами несколько дней назад угостили – привезли на тележке – старички-соседи. Они жили неподалёку в своём большом доме с садом и, из-за преклонного возраста были вынуждены остаться в городе, ставшим адом. Милые, добрые старички-супруги.

Узнали как-то, что рядом с ними позицию заняли казаки из Сибири, и во время затишья решились «нанести визит вежливости». Парни аж ахнули – дед пришел в парадно-выходном пиджаке, а там – медалей, что иконостас! Эмоции старика просто переполняли – с какой гордостью и воодушевлением рассказывал, что родова его с Енисея, и что во время Великой Отечественной воевал он в сибирской дивизии! Подружились с ними. Как и с Петровной – эта бабушка тоже неподалёку жила. Частенько делились со старичками сухпайком – разные консервы, в основном армейские каши с мясом, и главное – хлебом, который в городе был чуть ли не на вес золота.

- Раньше и понятия не имел, – продолжал свои сетования Будунов, – что в Молдавии почти не пьют чай. А я вот не могу без него! Вчера Татьяна, сестричка наша кубанская, в Тирасполь раненых отвозила, и ведь запомнила, что мы тут страдаем без чая, вот где-то в госпитале и раздобыла пачечку!.. – Борис был просто восхищен. – Заварился – зверь, а не чай!

А кто бы спорил? Обнимая ладонями кружку с горячим чаем, Вадим откровенно наслаждался его вкусом и терпким ароматом, от этого и настроение поднялось. Чай Боря заварил отменно, и по-особому, по-таёжному: с листочками смородины, малины и ещё чего-то, отдалённо отдающего мятой – получился густой, душистый, крепкий, но не горький. ▮

Борис Будунов намного старше Михайлова, уже потёртый жизнью, но всё же оставшийся человеком чутким и отзывчивым, с острым чувством справедливости, но когда требуется, то мог быть весьма жестким, безапелляционным. В своё время, когда Михайлов был ещё Вадиком и ходил в начальную школу, Борис уже «понюхал пороха» – в 68-м году «освобождал» Чехословакию... *«Когда пронеслись первые пули и громыхнули мины, я вдруг на какие-то секунды оцепенел. Память мгновенно перенесла в Чехословакию 68-го года. Но там было проще. Мы – воинская часть, занимали определённые позиции. Помню, на нас было нападение диверсионной группы. Отбились автоматами. Тут же, в Бендерах, по нам бьют миномёты, БТРы, зенитные установки. Позиции перемешались. Пожалуй, это самое трудное – определить, кто где...»* («Новый отсчет времени». «Усть-Илимская правда», №137 (2511).

Будунов был одним из первых, кто, помня о своих родовых корнях, взялся возродить Иркутское казачье войско. В станице «Илимской» он – заместитель походного атамана, да и здесь, в Бендерах, Вадим был без него, что комвзвода без «замка» – как без рук. «Голова – хорошо, а две с половиной – лучше», – как-то шутя сказал Иосиф. Намёк Вадим понял. Крепкий и атлетически сложенный, мужественные черты лица и цепкий взгляд, чуть опущенная «тальковская» бородка и короткая причёска с густой сединой, степенность и чувствовавшаяся внутренняя основательность – одним своим видом Борис вызывал уважение окружающих. Уже через пару дней пребывания в Бендерах к Будунову, с лёгкого словца какого-то казака, приклеилось прозвище «Шатун». И нет ничего странного, что Борису, по роду племени истинному сибиряку, оно понравилось. Как боевая кличка, как позывной. И действительно, было впечатление, что к его годам, внешности и манере поведения не идут ни имя-отчество, ни обращение по фамилии – «Шатун» и всё!

- Почему «Шатун»? – спросил кто-то из бендерских ополченцев. – Шатун – это медведь, что зимой не спит. А сейчас июнь...

- Шатун – он злой, – по-своему объяснил Ивахно. – Злой, что его разбудили, потревожили, сбили с привычного образа жизни. А может, осенью людьми подраненный, от того и не смог к зиме сала нагулять да заснуть. Вот и шатается полубешеный по зимней тайге. То ли от обиды и боли, то ли от голодухи и бессонницы. Страшен шатун – на рану крепок и бьётся до конца. Осторожный, хитрый и смелый до наглости – никого и ничего не боится. Ни в тайге и нигде. Да что в тайге – к людскому жилью может пойти! Даже на огонь идёт. Я однажды я видел, как такой даже через «железку» переходил...

Этот разговор происходил без Бориса – он в это время ушел в дозор. ...За «железку».

Брагинович тоже получил прозвище – «Брат», Шляхтуров – «Лях», а Славка – очень удачно: одновременно по фамилии и профессии – «Лекарь». Правда, кто-то пытался было ему на американский манер «приклеить погоняло» «Док», но – сие не прижилось. А Саше Ивахно почему-то так вообще никто ничего не придумал...

Михайлову же кличку, не прошло и двух суток их пребывания в Бендерах, тоже «приклеили». Спасибо Притуле. И всё из-за одного случая.

...Поздно вечером Вадима срочно вызвали в штаб. Уже давно стемнело, и ночь, как черное покрывало, упала на город. Не было видно ни огонька, лишь сверху холодным светом на фоне белёсой полосы Млечного Пути сияла сумасшедшая россыпь звёзд. Было тревожно и ... романтично. Но подойдя к штабу, он вдруг, совершенно для себя неожиданно, нарвался на тираду «ласковых» от налетевшего коршуном сотника, да всё в «нефильтрованных» рабоче-крестьянских выражениях в самом «нелицензированном» их варианте, которые в переводе на великий и могучий русский литературный язык означали: ты что, в наживку для снайпера играешь?.. Я, мол, блеск твоих очков ещё издали приметил – сверкаешь своими стекляшками, как филин шарами!.. А снайпер в темноте за километр без промаха бьет на огонёк сигареты!.. Сотник был прав – тонированные линзы у Вадима действительно давали блик, и тогда ночью вместо очков – светящиеся круги. Как ночью в лесу у совы или филина. Всё это было произнесено Притулой в присутствии нескольких казаков. Впрочем, на следующий день наверно уже вся сотня знала, что «Филин» – это командир новой группы иркутян, так его сотник «окрестил».

Но не прошло и недели, как эта кличка странным образом трансформировалась в радиопозывной их группы – ну, не хотела она прилипнуть персонально к Вадиму! Для некоторых казаков, когда случайно узнают о его должности в станице, в обращении к нему он будет просто ...«походным».

И лишь Притула да приближенный к нему «Саид» упорно продолжали называть Вадима «Филином». Может, в память того лихого казачьего разведвзвода на Кошнице? – это так и осталось вопросом...

Кстати, после того ночного разноса командира сотни, и чтоб в дальнейшем не испытывать судьбу – как-то не очень хотелось получать пулю по «шарам», с непривычки-то можно и не выдержать! – Вадим порой стал использовать «паранджу» – вымоченный в зелёнке, а после тщательно выполосканный кусок марли, который подворачивал под повязку на лбу. Удобно и практично – и пот глаза не заливает, и лицо в кустах не отсвечивает, и его тонированные очки получились с «антибликом» – через марлю всё видно...

Уже позже, спустя недели три, произошла метаморфоза – «филинцами» станут называть всех иркутян 1-й Тираспольской сотни. Но об этом после...

Вскоре и иркутяне узнали, почему Притуле казаки дали такое «погоняло» – «Миксер». Оказалось, что ещё весной, под Дубоссарами, как-то на спор он одновременно выпил водку, коньяк, вино и пиво, то есть как в миксере всё смешал «в одном флаконе» – и ему хоть бы что!!! Здоров, малый! – смеясь, подивились тогда казаки...

Вообще, несмотря на «трудную судьбу», о которой говорили наколки на его руках, Притула оказался очень душевным человеком. Параграф Устава внутренней службы, касаемый взаимоотношений между военнослужащими, естественно, в боевых условиях не выполнялся – казаки обращались к нему на «ты», но и панибратства сотник не допускал. Конечно, порой он бывал очень резким, но никто никогда и не думал обижаться, наоборот – очень его уважали. Надо отдать должное, он был великолепным психологом: мог сначала похвалить, расслабить, окрылить, а потом сразу – бац! – и поставить тебя «в рамки». А если вдруг за что-то выговаривал – когда злился, то не повышая голоса, спокойно, – не смотря на гнетущую жару, всё равно, ощущение холодка за воротом... И ещё он, видимо, обладал тем, что многие называют магнетизмом – располагал к себе, ему хотелось верить.

- Как люди, Степаныч? – прихлёбывая из кружки чай, спросил Вадим. Будунов понял его с полуслова.

- На постах без происшествий – недавно на связь выходили. Другие отдыхают. Пятеро в «Тигине» пообедали. Остальные на сухпайке. Да и Петровна картошечки вареной прислала, вот... – Борис кивнул на кастрюльку, стоявшую на столе. – Святая бабулька! «Лях» говорил: Богу за нас молится, мол, вам-то сейчас некогда – вы другим богоугодным делом заняты. Он к

ней недавно за фруктами ходил, вон там, в корзине. А ей консервы и хлеба отнес. Сам-то пойдешь на обед?

Михайлов лишь мотнул головой. Идти в «Тигину» - привокзальное кафе, где расположился и штаб сотни, не очень хотелось, тем более что недавно кубанцы обедали, а для них точно уж готовили, как всегда, что-нибудь жирное и обжигающе острое. Иркутяне были к этому как-то не очень привыкшие. Для них порой варили борщ, рассольники, жарили картошку, котлеты. А однажды, как по спецзаказу, были сделаны даже пельмени – вот уж уважили, так уважили сибиряков! Да и какой сейчас обед – ужин скоро...

- Да, и ещё – чуть не забыл... Полчаса назад в «зелёнке» за Липканами в направлении Варницы наш дозор «канарейку» засек. «Миксеру» я доложил.

...«Канарейкой» прозвали неуловимый «румынский» желто-голубой милицейский УАЗик, неоднократно то там - то сям появлявшийся в паре с КАМАЗом, в кузове которого был установлен 82-мм миномет. УАЗик же перевозил расчет и боеприпасы. Кинут на город с десятком мин и тут же снимаются с позиции - очень уж они досаждали! Парки же, скверы, сады, гущи кустов – а они здесь повсюду! – на «афганский» манер называли «зелёнкой».

- Ты куда, Борис? ...Ну, тогда позови всех, кто не на вахте. Пусть тоже чайку попьют, «Маяк» послушаем, сейчас новости будут, да и посты скоро менять. Только «Лекаря» не буди – этой ночью опять вызывали, его Ивахно сопровождал. Славка и так уж больше двух суток не спал. Ходит уже как лунатик. Я сказал парням: без крайней надобности не будить! Не кантовать, и при пожаре выносить в первую очередь. Бог знает, что сегодня его ждет...

К Лекареву у казаков сотни было особое отношение. У бойцов к врачу на войне всегда внимание пристальное. Ведь он – лекарь. Он, в случае чего – их надежда, – справится ли?.. Но и всецелого признания, как полноправного бойца, военврач подразделения тоже должен заслужить. И Славка заслужил это! Где-то на третий день «Миксер» отправил «Лекаря» сопроводить раненых казаков в Тирасполь, а там, узнав кто он, чуть ли не в приказном порядке хотели оставить при госпитале. Категорически отказавшись: – Я там, на передовой, нужен! – Славка вернулся в сотню. Тогда казаки впервые посмотрели на него по-особому, уважительно. Он не захотел менять камуфляж на привычный белый халат, и после нередко боевая ситуация заставляла его, отложив в сторону медицинскую сумку, применять свой автомат по прямому назначению. Многие увидели, как он выполняет и свой профессиональный долг – работал так, будто поставил перед собой наивысочайшую «планку»: раненый просто не имел права погибнуть, пока он с ним! Славка осознавал свою значимость, и это даже во время затишья не позволяло ему расслабиться ни на минуту – он всегда был готов прийти на помощь! Вера в Лекарева среди казаков сотни была абсолютная. И его берегли – все! Притула командирам отдал негласный приказ подстраховывать, прикрывать «Лекаря» при нахождении его в их подразделениях, что они за него головой отвечают!

...Воздух в их «кают-компаниях» был тяжелым и неподвижным – душно! На столе тихонько, почти по-домашнему мурлыкало радио – старенький транзисторный «VEF», взятый в каком-то из кабинетов. Слушая и вполголоса лениво переговариваясь, парни из «цинка» набивали магазины патронами, другие в который уж раз протирали свои автоматы. Как гласит армейская аксиома: «Оружие любит ласку, чистоту и смазку». Так что, не лишне ещё раз приласкать оружие, проявить к нему заботу и внимание. И оно тебя не подведёт.

Закончив с автоматом и запасом боепитания, и щёлкнув магазином, будто точку поставил, Вадим, откинувшись к стене, занялся своей «оптикой». Потёр воспалённую до зелени окислившейся оправой переносицу, чуть прищурился. Как у всякого близорукого очкарика, снявшего очки, взгляд его стал мягким и вроде как беззащитным. Достал из нарукавного кармашка, где лежала и непочатая пачка стерильного бинта, застиранный и мятый носовой платок, и протирая стёкла в тонкой оправе, в который раз с ужасом подумал: как только за эти дни умудрился не разбить их – это была бы катастрофа. Всё казалось бы предусмотрел, а вот запасные очки не взял! Впрочем, и у Славки была та же беда.

- ...«Маяк» передавал легкую музыку», – приятным женским голосом извещал приемник. Ну, наконец-то слышали знакомые с детства позывные и сигналы точного времени. А вот и последние новости.

...Опять Ельцин встречался с каким-то премьером ...опять МВФ что-то там обещает России ...опять эти, мнящие себя президентскими преемниками, рыже-черняво-кучерявые «молодые реформаторы» с двойным гражданством через какую-то очередную, придуманную ими, программу, «грозят» народу всеобщим благоденствием... Вот пошли вести и из «горячих точек»: Таджикистан, Карабах, Южная Осетия... Интересно, что же скажут о Приднестровье? И вдруг, как ушат холодной воды на голову – равнодушно-мертвенный голос диктора: *«Сегодня в городе Бендеры незаконные вооруженные формирования приднестровских сепаратистов, вновь нарушив соглашение о прекращении огня, атаковали армейские части и силы полиции Республики Молдова, чем в очередной раз сорвали работу комиссии Организации Объединенных Наций по урегулированию вооруженного конфликта...»*

Вадим поднял на парней растерянный взгляд – это надо было видеть, как после этих слов у всех от удивления и возмущения вытянулись физиономии – шок!!!

Всё же кто-то нарушил затянувшееся молчание, растерянно проговорив в полголоса: – Вот видишь, что делают, сволочи... Мы же крайними и оказались. – И шутливо, но как-то уж очень хмуро добавил, обращаясь к Будунову: – Это всё ты, Борис, виноват – «накаркал» утром...

А «румыны» как будто бы ждали окончания передачи последних известий – огонь вдруг резко усилился, пули роем стали биться в торец здания. И почти также резко стрельба прекратилась. Создалось впечатление, что от радости за услышанное они так своеобразно отсалютовали Москве и «Маяку»...

...День этот незадался с самого начала. Рано утром – ещё только начало светать – со штаба от Притулы прибежал нарочный:

- Сегодня в Бендерах будет работать комиссия ООН. «Миксер» приказал: всякие боевые действия прекратить! Огонь открывать только в случаях непосредственной угрозы жизни!..

«Ну, наконец-то! – возбужденно и с нескрываемой радостью встретили парни эту весть. – ...Может, хоть закончится эта идиотская бойня». Наивные – тогда они ещё полагали, что комиссия ООН – это серьезно.

«...День опять будет жарким, душным», – глядя в прозрачно-голубое небо без единого клочка облаков, думал Михайлов по дороге из штаба, куда ходил с данными, полученными от ночного дозора. Бездонная голубизна неба располагает к спокойствию. И не хотелось думать, что идет война, а вся эта утренняя тишь-благодать – это как дар Божий, как кратковременное напоминание о той мирной поре, что отняла война, и, как видно, надолго... – «И тишина-то какая! Звенящая... Слышно даже, как птички пересвистываются. Какой-то странный сегодня день – после «горячки» почти непрерывных боев последних дней – это сколько мы здесь?.. – да неделю уж как! ...И вдруг такое непривычное безделье». На войне, как понял Вадим, время текло по своим законам: что было неделю назад – будто было вчера, а то, что происходит сейчас, сегодня – длится нескончаемо.

Из сообщений, переданных горожанами в штаб обороны г. Бендеры. 25 июня 1992 г.

...«06.50. Ул. Кишиневская (возле общежития машиностроительного завода) – группа полицейских ведет огонь.

08.10. В районе птицекомбината всю ночь работали электросварщицы – ремонтировали бронетранспортеры и обшивали их стальными листами.

11.13. На ул. Первомайской в общежитии хлопкопрядильной фабрики много ОПОНовцев, переодетых в гражданскую (?) одежду.

11.45. Возле УПТК стройтреста большое скопление ОПОНовцев.

12.00. Возле КПП на выезде из города в Кишиневском направлении идет эвакуация жителей. В город прошла колонна БТРов, машины с пушками и примерно 50-ю ОПОНовцами.

13.22. Средняя школа №2 занята ОПОНом.

14.10. На Каушанском направлении возле автозаправки много ОПОНовцев на грузовых машинах. Они спускаются с Суворовской горы в сторону леса, что недалеко от села Хаджимус.

14.20. В селе Кицканы ОПОН готовит плавсредства.

14.28. На машиностроительный завод к ополченцам пришли парламентарии-ОПОНовцы с требованием сложить оружие и покинуть предприятие.

15.10. Угол улиц Пушкина – Московская занят ОПОНовцами.

17.10. Из средней школы №1 стреляет снайпер.

*20.53. Из дома №29 по ул. Пушкина стреляет снайпер. В здание СШ №13 прибыло много ОПОНовцев»... [*1].*

«...На сегодня отдыхайте! Никакой «работы»! Это серьёзно», – застряли в голове, пророкотавшие, как рашпилем по жести, слова враз посуровевшего Притулы.

Ну какой уж тут «отдых»? Совсем недолго – каких-нибудь часа три и наслаждались тишиной. Как вдруг, взрезав тишину – казаки от неожиданности аж дёрнулись – где-то близ вокзала длинной очередью ударил «крупняк», следом затрещало несколько автоматов. И тут захлопали взрывы мин. Далековато. Все прислушались, насторожились. Да, ведь минометные обстрелы – дело нешуточное. Уже во второй день пребывания в Бендерах на собственной, чуть было не продырявленной, шкуре познали «игру» этих «балалаек». О расписании «работы» ОПОНовской батареи ещё не знали, вот и попали под «плановый» миномётный обстрел.

...Воздух рассекся над ними нарастающим, выворачивающим душу воем. По нему поняли: не одну-две, а, видать, целую жмень мин швырнули на них ОПОНовцы. Брякнулись на землю, кто где бежал. Мины рванули невдалеке, одна за другой, чуть ли не очередью. Впечатление: будто это не батарея была, а большущего калибра пулемёт. Взрывы взметали пыльные клочья земли, вырывая с корнями кусты, и всё это несло над их головами, потом падало, ещё сильнее вжимая их в сочную траву газона. От этого грохота казалось, что даже зубы крошились с противным песочным звуком. Поганейшее ощущение – просто лежать и ждать, пока тебя не разорвёт на куски – страшно было! Чувство подавленности, полной беспомощности тут и бывалого-то вояку охватывает. Хочется без остатка вжаться в землю, раствориться!.. А когда вокруг еще и стрёкот выстрелов, то вообще не слышно, как мина подлетает. Да и не усмотришь её. ...Но вот с большим интервалом в стороне чавкнули две мины, последние, и всё затихло. Но Вадиму поначалу показалось, что вокруг всё по-прежнему грохотало и рвалось, он сразу и не сообразил, что это кровь грохочет в его ушах. Парни, оглушенные и очумелые, не столь взрывами, как таким вот событием – «крещение» минами – медленно, как черепахи, и молча стали отползать назад. Выбрались, слава Богу, и даже без царапин. Уже на «базе» Славка с улыбкой признался, как под обстрелом в голове вдруг запрыгали вытряхнутые взрывами из закоулков памяти строчки, прочитанного ещё в школьные годы «Василия Тёркина»:

*...И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти черной
Только собственной спиной.*

– Да-а... Тут ещё не то вспомнишь!.. – с несколько вымученной улыбкой подметили парни, но как-то задумчиво, видно, каждый вспомнил своё ощущение непреодолимой жути.

Сейчас визгливый грохот слышен уже ближе. Ещё ближе! И вдруг сразу две серии – по три взрыва один за другим! – рядышком с торцом дома, одна из мин лупанула на крыше, сыпанув с потолка на парней белёсой пылью...

- Все по местам!!!

Казаки разлетелись к простенкам, присели под подоконники – хоть какое-то спасение от осколков. Мина, как известно, разрывается при минимальном соприкосновении с препятствием, стену или панель перекрытия ей не пробить, а вот через окно осколками может так стегануть!..

Парни сидели и, прислушиваясь к близким взрывам, с тревогой в голосе устало ворчали:

- Ну вот... Опять «дискотеку» устроили...
- Ой, и не говори! Веселья – полные штаны...
- И заметьте – нынче что-то вне всякого расписания!
- Это, видать, не обязательная программа, а показательное выступление – по случаю приезда «высоких гостей»...

И тут, после очередного «бух!», в одно мгновение, звякнув пробитым стеклом и взвизгнув рикошетом от стены, влетевший осколок, будто взрывом разметал лежавшую на столе колоду карт – вот это попадание, мля! – и уже на излёте своей убойной силы тыркнувшись о стену, осколок медленно крутанулся на полу и замер в метре от Ивахно. Впечатлило – иного не скажешь!.. Особенно Саню – этот небольшой рваный кусочек железки будто заморозил его.

Кто-то пытался было по этому поводу пошутить: – Глянь, чё деиться?! Так ведь и убить могут. И куда только милиция смотрит? – но шутки не получилось – настроение стало вдруг паршивое, да и обстоятельства что-то не те.

- Слышь, может, я их ведром пугану, а?.. – спросил, вдруг заглянувший в комнату «Махно».

- Я-тте пугану!.. – грозно откликнулся Будунов. – Что, давно не стрелял? Хлопчику скучно стало?.. Иди-ка на своё место и не дури!

Этот «фокус» применяли не раз, когда «румыны» уж слишком начинали «доставать». И был он весьма прост: взяли как-то ведро, в дне дырку сделали, а в неё – ствол автомата, и короткими очередями. Звук, как из «крупняка» – на той стороне сразу притихали...

- Что ж, эти с-суки ОПОНовские, делают-то? – сквозь зубы прошипел Будунов. – Ведь комиссия ООН же...

- А что ещё от этих «ментяр» хотел? – перебив его, пробурчал присевший у окна Тумаков.

- Ну, Виталя, ты «ментов»-то уж не обижай, – не отрываясь от дела, спешно набивая сумку бинтами, жгутами, тампонами и немногими оставшимися медикаментами, встрял в разговор Лекарев – ох, и балагур, но здесь показал себя таким отчаянным воякой! И, как шутил: ныне он только по совместительству хирург. – Как говорят в Одессе: «Я имею вам сказать»... что «менты» – пусть всякие-разные, но они всё же нашенские! А у «романештов»-то ныне «поллюцейские». «Отряд поллюции особого назначения» – красиво звучит, и с глубоким смыслом... – под общий смешок выдал он очередной перл.

- М-да, сейчас эти гады понатворят делов и опять, как под Кошницей, на нас все «стрелки переведут»... – пророчески высказал Борис. – Помнится, Сашка ещё рассказывал: когда на молдавские позиции прибыли ООНовские комиссары, и вдруг с правого берега был открыт шквальный пулеметный огонь. Свою работу они, естественно, свернули, то есть драпанули оттуда. Ну, казалось бы, с «поличным» поймали «румын»! Но не тут-то было! Молдавская сторона сразу же нашла «отмазку»: мол, это стреляли приднестровские провокаторы-диверсанты, скрытно перебравшиеся через Днестр. Угадайте с трёх раз: кому ООНовцы поверили? Вот то-то же...

- ...Потому приднестровцы и «терпеть не могут» этих ООНовцев! Не зря же здесь ходит такой анекдот:

«- Что такое два нуля и буква М? – Ну, это, наверное, мужской туалет.

- Правильно. А два нуля и буква Ж? – Женский туалет.

- Верно. Ну, а два нуля и буква Н? – Так это, видимо, ООН!

- Нет, не угадал. Это туалет для молдавских националистов.

- Почему?

- Да потому, что ср...и они на эту ООН!»

Из сообщений, переданных горожанами в штаб обороны г. Бендеры. 26 июня 1992 г.

...«07.05. Командир волонтеров из села Фарладаны предупредил исполком сельсовета с. Гиска, что их сегодня будут атаковать и предложил сдаться.

09.30. Автомобиль «Скорая помощь» №54-40 МВУ под белым флагом замечен возле СПТУ по ул. Дзержинского. Из него выгружали оружие.

- 11.46. На территории МЭЗа находится много боевой техники Молдовы.
- 13.00. В селе Хаджимус на бронетранспортеры Молдовы устанавливают российские флаги, сбоку – маленькие молдавские флажки.
- 19.10. Из окон медучилища периодически ведется автоматнo-пулеметный огонь.
- 19.15. С крыши магазина «Виктория» стреляет снайпер.
- 19.43. Через село Григорьевка в направлении Бендер идет большая колонна боевой техники.
- 20.24. На углу улиц Лазо и Кирова стреляет снайпер.
- 20.55. С крыши обувного объединения «Флоаре» ведется огонь из гранатометов в направлении СШ №15.
- 22.10. Недалеко от кинотеатра «Дружба» стоят три БТРа ОПОНовцев.
- 22.50. Со стороны села Гура-Быкулуй идет колонна грузовиков и боевой техники»... [*1].

...«Да что эти, находящиеся в зоне конфликта, эмиссары-международники сделают? – думал Михайлов. – Остановят войну? Назовут вещи своими именами и укажут на виновных? Да ни хрена! ...Если человек убивает человека ножом в подворотне, люди негодуют и суд называет его преступником и убийцей. На войнах, развязанных политиками, где все убивающие становятся просто лишь противниками - «нашими» и «чужими», погибают уже тысячи и тысячи – убийства становятся уже статистикой. Убийца-уголовник до суда платит деньги адвокату за науку лжи. Изобличенного преступника приговаривают к тюремному сроку. Солгавший на суде свидетель тоже несет уголовную ответственность. Политикам – легче. За них лгут президентские аппараты и СМИ. Президенты летают в женева и нью-йорки на саммиты и конференции по урегулированию конфликтов и прекращению войн, где не принято говорить друг другу в лицо «убийца». Ведь убивают-то и умирают другие. А «карманные» парламенты в угоду своим президентам принимают законы о их неподсудности и защите чести... И что, виноватых – нет?! ...Что они, эти пришлые ООНовские миссионеры, смогут понять в чужой стране, где по обе стороны фронта им чаще всего говорили слово «мир», где от каждого, с кем один на один беседовали, слышали: мне эта война не нужна... Недоумевали и наивно ждали ответа на свой вопрос: кому же тогда она нужна?.. Не дождавшись ответа, стали энергично выискивать некую «третью силу» - таинственную и неуловимую... Ну-ну, Бог в помощь, господа... Что они, эти заморские господа, могут здесь понять, когда и те, и другие после всё же продолжают ходить в атаки, стрелять и убивать, а во время коротких передышек чистят оружие и нещадно ругают политиков. Всех – и «чужих», и «своих». Но больше всех с обеих сторон звучало самое ненавистное имя - обожаемого Западом «мистера Горби». ...Которому, как стало известно, 1 июня 1990 года в Нью-Йорке главный раввин синагоги в Парк-Ист Артур Шнайдер вручил Хрустальную звезду Давида ...«За заслуги» (?!), заявив при этом: «Как создатель гласности и перестройки Вы явились инициатором политики, которая изменила ход мировых событий нашего времени **в нашу сторону**. ... Ваш опыт государственного деятеля, Ваш вклад в новую Россию более чем когда-либо, важен для нас...». [*www.na-front.narod.ru].

...Не смотря ни на какие благие намерения, нельзя с русским народом проводить необдуманных экспериментов – он этого не прощает, помнит всегда. Чем в его сознании закончилось это для всех советских правителей? – людская молва жестока, но верна: «Коридоры власти заканчиваются стенкой». Фигурально, конечно...

А. Солженицын, писатель.

*«Горбачевское правление поражает своей политической наивностью и безответственностью перед страной. Это была не власть, а бездумная капитуляция её. Ельцинская власть характеризовалась безответственностью перед народной жизнью не меньшей... - ...(*он) разнуздal в России массовое, многомиллиардное ограбление национальных достояний, ... прямыми призывами и действиями подкреплял, подталкивал сепаратизм, развал Российского государства. Одновременно лишая Россию и заслуженной ею исторической роли, её международного положения».*

...Что они: этот женоподобный бразильский дипломат с лицом бухгалтера, сухопарая чопорная английская леди да военный эксперт – расшитый золотыми позументами «чернослив» - конголезский полковник, смогут сделать? Да ведь, в конечном счете, по фигу им это всё! Ну посчитают количество свежих могил, раненых и искалеченных в госпиталях и больницах, зафиксируют разрушения, соберут жалобы и обращения в ОБСЕ и ООН, составят справочку о материальном ущербе... Её, конечно, обсудят на заседании ООН, поговорят о правах человека и, несомненно, призовут враждующих к миру. И всё?! А что толку рассуждать о правах человека, если человека уже убили, и у него нет больше никаких прав? Даже быть по-человечески похороненным, как это сейчас в Бендерах... Да и одни лишь пустые призывы ещё никогда войн не останавливали. Войну остановить может только сила. Пошлют сюда войска ООН? А на кой ляд они бы здесь были нужны? «Доблестные» ООНовские войска себя «прекрасно» уже в Югославии показали... Вот наша 14-я армия – чем не «голубые каски» на Днестре? Так в Приднестровье думали многие. Кстати, узнали, что позавчера Неткачева наконец-то сняли, а новый командующий – какой-то Лебедь - ещё неизвестно, что за «птица»... Но, по крайней мере, появилась хоть какая-то надежда. Это, если исходить из его ответов на вчерашней пресс-конференции, кусочек которого парни случайно услышали сквозь хрип изрешеченного пулями уличного репродуктора. Дай-то Бог!..».

Из сообщений, переданных горожанами в штаб обороны г. Бендеры. 27 июня 1992 г.

...«02.40. В районе вокзала Бендеры-2 стоят несколько грузовиков с вооруженными людьми, у с. Варница сосредотачивается бронетехника и машины с людьми.

07.00. Напротив магазина №30 с крыши дома «снят» снайпер.

07.10. Напротив здания вневедомственной охраны снайпер ведёт огонь.

08.45. В селе Гиска полицейские и волонтеры из с. Фарладаны вылавливают людей и увозят в неизвестном направлении.

11.00. В районе улиц Котовского и Кавриаго интенсивная стрельба – идет бой.

11.15. При выезде из города в сторону Каушан за КПП вкопаны по башни четыре бронетранспортера ОПОНа.

11.30. По ул. Кирова в районе улиц Комсомольская – Московская в ответ на пулеметную стрельбу ОПОН ведет огонь из минометов и гранатометов.

12.45. По улицам Коммунистической и Суворова в районе ул. Кавриаго – Комсомольская ведут огонь снайперы.

12.50. Из пулеметов и минометов начался обстрел здания ДОСААФ и СШ №15.

17.06. На ул. Победы напротив овощного и хлебного магазинов ОПОНавцами поставлены бетонные блоки, за ними стоит БТР. На девятиэтажном доме м/р-на «Ленинский» шесть человек с пулеметами, на крышах близлежащих домов тоже группы по шесть человек.

17.20. Из домов №№ 4 и 4«А» по ул. Победы ОПОНовцы выселяют всех жителей.

17.45. В микрорайоне «Ленинский» интенсивная стрельба.

18.25. Из дома №19 по ул. Комсомольской стреляет пулемет.

18.35. Со стороны с. Гиска в Бендеры идет колонна бронетехники и вооруженных людей на машинах.

18.55. У кинопроката из трех грузовиков высадились вооруженные люди в военной форме. Подошли пять единиц бронетехники.

19.35. Со стороны с. Липканы из пулеметов и минометов ведется стрельба по с. Парканы.

19.45. На железнодорожном переезде возле биохимзавода идет бой.

19.47. На углу улиц Коммунистической и Космонавтов стоят три БТР ОПОНа, автокраном разгружают бетонные плиты.

21.05. Со двора кинопроката ведется огонь из установки «Алазань» и артиллерийских орудий.

22.50. *Возле дома №209 по ул. Коммунистической из двух машин высадился ОПОН. В сквере напротив магазина «Южный» стоит орудие»... [*1].*

...Невдалеке почти одновременно дважды сильно рвануло. Третий взрыв ближе – видно, где-то за перроном. Здание трянуло, слышали, как в тот же миг на этажах правого крыла разом с треском и звоном вместе с рамами повывлетали остатки стекла.

- Это уже не мины... - настороженно проговорил кто-то из казаков. Все с тревогой посмотрели на потолок. И тут же с диким грохотом лупанул ещё один взрыв!

- Все вниз!!! На второй этаж! Быстро!..

Понятно – для снаряда или мины «покруче» калибром, нежели 82 миллиметра, плита потолочного перекрытия уже не станет для парней надёжной защитой. Сорвавшись с места, они выскочили в коридор, ломанулись в стороны лестничных пролётов. И слышали нарастающий невдалеке треск автоматного-пулемётного огня – за путями, у депо! – Все по местам!!!

Увидев, что выскочив в коридор, Борис, вдруг резко повернувшись, метнулся не к лестнице, а в другую сторону – в дальнее правое крыло, Вадима резануло: «Да там же Шляхтуров!!!»

...Из дверного проёма комнаты архива, поддуваемая сквозняком, чуть кружа, медленно сеялась пыль. Быстро подбежав туда, сквозь оседающую белёсую пелену в комнате увидели «вселенский» разгром: весь потолок изгрызан осколками, плафоны сорваны, один из них качается на проводе, повсюду валяются обломки стола и шкафа, которыми было заставлено одно из окон, сам шкаф – его раздолбанный остов – опрокинут на пол, один стеллаж завалился. Часть папок разодрана, пол усеян бумагами. В окнах стекло как не бывало, одну раму разнесло в куски и дрова, тюлевую штору сорвало, другая висела лохмотьями. Пахло кислотой взрывчатки...

«...Яко Ты, Господи, упование мое, вышняго положил еси прибежище твое...»

- Саня, ты где?.. Живой? – только и успели спросить, как пригнулись – где-то недалеко протараторил пулемет, и простучав по наружной стене, в стоявшие на ближнем к двери стеллаже туго набитые бухгалтерскими документами папки-скоросшиватели с характерным чмоканьем вонзились пули.

На полу, вжавшись в простенок у окна, осыпанный известковой пылью, и оттого казавшийся бледнее белого, сидел «Лях».

- А-а?! Н-не... Всё нормально! - Громко отозвался он, но голос был каким-то придушенным. Тряхнув головой и проморгавшись от сыпанувшей пыли, всё же попытался пошутить: - По четвергам я живучий...

- Михалыч! - окликнул показавшийся в дверном проёме «Лекарь». - Притула на связи! По рации...

...В первый же день, обследуя свою «базу», усть-илимские казаки в аккумуляторной к «нечаянной радости» обнаружили с три десятка радиостанций, которые используются сцепщиками вагонов и некоторыми другими работниками железной дороги. Всем эти рации были хороши, вот только дальность действия желала быть... Да аккумулятор несколько тяжеловат и на поясе неудобен. Но это лучше, чем ничего. Включив в организме русскую сообразилку, кое-как, но всё же приноровились подзаряжать аккумуляторы, потому как они почему-то умирали смертью храбрых, не прожив и суток. Почти столько же времени уходило и на их реанимацию. Радиостанции проверили, отбраковали несколько, часть оставили себе, а остальными через сотника поделились с другими группами. До этого-то вообще между подразделениями, кроме городских телефонов, связи не было – осуществлялась посылными, ну прямо как в Гражданскую...

- «Филин»?- услышал Вадим приглушенный шорохом эфира голос Притулы. - Как там у вас?

Коротко доложив, Михайлов, прокричав в микрофон, спросил: - А чем это по нам сейчас врезали? Гаубицы, что ли?..

- Да хрен его знает! Нас тут тоже не слабо накрыли! Похоже, что это мины-«стодвадцатки»!..

Про батарею 120-миллиметровых миномётов, расположившуюся где-то за горотделом полиции, казаки уже знали, но до сих пор к ним ещё ни разу не залетали такие вот «подарки».

Сказав на прощание: – Держитесь! – «Миксер» вновь напомнил: - Приказ остаётся в силе – огонь открывать лишь в крайнем случае!..

Вот вам и «отдыхайте сегодня»!.. После сеанса связи с Притулой группа уже четвертый час так «отдыхает» - не высовываясь, сидит на «базе», по ним бьют, а им – «низзя»!.. Правда, за это время ни снаряды, ни мины к ним больше не залетали, но пули время от времени да поклёвывали их стены и окна.

«Да, очень странный сегодня день»...

«Приднестровье: ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА». «Днестровская правда», 1 июля 1992 года, N 148 (7835).

«Тирасполь. Госсекретарь ПМР Валерий Лицкай выступил с заявлением по поводу срыва работы миссии ООН в Бендерах. По предварительной договоренности с главой миссии Жильберто Шлиттером, встреча была назначена на 15.00 29 июня. В рабочую группу были включены представители руководства ПМР и командования 14-й армии. Миссия прибыла в Бендеры после 16.00 и остановилась в полицейском участке. «Сразу же,- говорится в заявлении,- зазвучали автоматные очереди, с каушанского и варницкого направлений «заговорили» минометы и артиллерия. До 17.00 велись переговоры о том, как доставить миссию в горсовет. Безопасность гарантировало командование 14-й армии. Члены миссии на это не пошли. Таким образом, провокационным открытием огня работа миссии была фактически блокирована»...

Сейчас стрельба уже особо не беспокоила. Да и вообще, к ней в Бендерах давно уж привыкли, она стала такой же неотъемлемой частью, как щебетанье птиц и шорох листвы в лесу... Так что, всё нормально. Смена на постах, другие готовятся к ночному дозору – кто с оружием возится, кто отсыпается, а остальные сегодня вообще «балду бьют» да от безделья в «кают-компаниии» дебаты разводят...

- ...В набат бить надо, во все колокола – как можно быстрее остановить эту бойню! А в газетах что?.. Журналисты только и делают, что мусолят одну и ту же тему, – видимо, самую главную для них! – что за конфликт в Приднестровье: межнациональный или идеологический? Или это война? Если война, то какая: гражданская или уже третья мировая, начавшаяся с Югославии? А Кремль посредством своего главного МИДовца-иудушки Козырева так вообще нёс какой-то дипломатический бред!

Да, можно и запутаться во всём этом множестве словоблуднических терминов, предназначенных для того, чтобы политики и «независимые» журналисты могли замаскировать очевидное. ...Да война это, война! Пусть странная, непривычная, или, как её называют: «бешенная», «сумасшедшая», и для стороннего обывателя абсолютно непонятная, но это война. Война против собственного народа.

А.С. Боговид, историк, писатель.

*«До настоящего времени идут споры по поводу терминов, характеризующих события в Приднестровье весной-летом 1992 года, – «конфликт» или «война». Сам конфликт между Молдовой и Приднестровьем явился следствием национальной политики, активно насаждаемой и проводимой в союзных республиках руководством советского государства, возник задолго до распада СССР, который лишь ускорил его переход в новую, более агрессивную стадию развития. По определению Военного энциклопедического словаря, война – это «... общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами...» (ВЭС. М., 1983. С. 151). Не вдаваясь в подробности, можно сделать вывод, что события 1992 года в Приднестровье имеют лишь одно название – **Приднестровская война**». [*3].*

...«Ну что за война такая?»- разводил руками генерал Неткачев, посмотрев на формирования приднестровцев. - *Дилетантство одно. Непрофессионалы же воюют. Настоящей армии здесь дел часа на два – не больше...*» Война непрофессионалов?.. Пожалуй, можно согласиться. Генерала и его подчиненных военному делу учили. Как завещал «вечно живой»: «...*настоящим образом*». Но что делать рабочим, учителям, виноградарям, если в их дом пришла беда, а «профессионалы войны», как забором, отгородились приказом и сидят в штабах да при казармах?.. А как умеют воевать непрофессионалы – о том все знают. Вспомним хотя бы партизан Великой Отечественной... Или, что - «*кадровые офицеры нужны для парадов, а когда нужно лежать в окопах и стрелять, то это делают купцы, бухгалтера, учителя, музыканты и дантисты*», - прав был Э. Хемингуэй? Да и, если на то пошло, «Титаник»-то строили профессионалы, а Ковчег – дилетант. С Божьей помощью. А в итоге?..

«*Да, для людей с генеральскими погонами, начитавшихся книг о крупномасштабных военных операциях, трагедия в Приднестровье является всего лишь военным конфликтом, но для левобережья Днестра это была самая настоящая война. ... Война в условиях безвластия, безволия, беспомощности и упрямства практически всей ветвей власти и в Москве, и в Кишинёве, и в Тирасполе! Война в условиях расплывающейся к низу анархии...*», - так, очень точно охарактеризовал её военный комендант Приднестровья, полковник 14-й армии Михаил Бергман. [*17].

Официальный Кишинёв само слово «война» отрицал в принципе. «*Это не война – это путч. Вооруженный путч против конституционных органов власти Молдовы*», - убеждал журналистов начальник управления МВД Дмитрий Корлэтяну. «*Говорить о войне – гражданской или ещё какой-то – нельзя ни в коем случае*», - вторил ему зам.министра обороны Николай Туртуряну. - *Пока что республиканские силы правопорядка и армейские части устанавливают конституционный порядок и ликвидируют бандитские вооруженные формирования, которые пытаются совершить государственный переворот...*»

Мятеж? Государственный переворот? Тоже что-то не вяжется...

На левом берегу Днестра всё это, наоборот, считали войной. Однозначно. Все – и правительство, и народ. И сдаваться в этой войне не собирались.

Г.Воловой, депутат парламента Республики Молдова и Бендерского горсовета ПМР.

«...*В Приднестровье, как и в Бендерах, тогда сложилось впечатление, что оно воюет не с молдаванами, а с румынами, или с теми, кто желает объединить Молдову с Румынией. А вообще-то, это была гражданская война, одной из причин возникновения которой был вопрос объединения Молдовы с Румынией... Даже, если и говорили, что сегодня этот вопрос не столь важен, трофейные бронетранспортеры, автоматы и патроны с румынским клеймом действовали лучше любого доказательства...*» [*1].

...Ну, может быть, это всё же межнациональный конфликт? Молдаване против русских? Опять не получается. Например, комиссар Бендерского горотдела полиции полковник Виктор Гусляков – русский, а его заместитель Л.Ника – молдаванин. Начальник же управления обороны ПМР Штефан Кицак – буковинский румын, которого национал-радикалы в Кишиневе называли не иначе, как национал-предателем, а подчиненный ему командир республиканской гвардии полковник В.Лосев – русский.

Так из-за чего же всё-таки люди здесь стреляют друг в друга? Из-за того, что не могут сойтись в том, война это или не война? Глупо.

Из-за того, что на левом берегу окопались приднестровские «коммуняки» - сторонники тоталитарного режима, апологеты распадающейся империи, а на правом – молдавские сторонники демократических преобразований, европейского образа жизни с его многовековыми духовными ценностями христианства? Да, именно такой простой и удобной формулой некоторые московские газетчики не раз пытались представить дело, намекая на религиозно-идеологическую сущность конфликта. Но и эта схема при всей соблазнительной простоте ну

никак не срабатывает! Почему недавнего первого секретаря ЦК Компартии Молдавии Мирчу Снегура считают демократом, а недавнего директора одного из тираспольских заводов Игоря Смирнова, исключенного тем же Снегуром из партии – отъявленным коммунистом? Тот же Хадыркэ, один из лидеров Народного Фронта Молдовы, до последнего возглавлял партийную организацию Союза писателей Молдавии. Почему НФМ, которым он сейчас руководит, свою программу чуть ли не под копирку взявший вкуче у Антонеску и Геббельса, они считают демократическим, а жителей Приднестровья, независимо от национальностей, не пожелавших по этой программе жить – сплошь коммунистами?.. Что, приднестровцы тянут свою республику в коммунистическое «вчера»? Тоже не стыкуется. Потому как лидеры Приднестровья в своих демократических реформах, кажется, готовы обойти даже Россию...

А руководители Республики Молдова – кто они? – да сплошь бывшие функционеры бодюловского ЦК!.. Госаппарат которых, как и нынешнего «Христианско-демократического Народного фронта Молдовы», скроен по образу и подобию не только «руководящей и направляющей силы» Третьего рейха, но и КПСС. На словах-то они категорически «открещиваются» от былой коммунистической идеологии и методов управления, а на деле? Как рассказывали бендерчане, самый большой и помпезный портрет вождя мирового пролетариата висит в кабинете комиссара полиции Гусякова. Но ведь он, вроде бы, борется с «коммунистическим путчем»?..

Александр Тхоров, «На западном рубеже», www.proza.ru.

«Перебирая факты драматичной истории ПМР, наталкиваешься на удивительный парадокс: ославленная ее недругами как «заповедник партократов», она уже у самых истоков своего становления оказалась никак не связанной с партийными структурами. И дело здесь не в каком-то сознательном фрондировании: просто подобной эмансипации потребовал сам процесс сопротивления агрессии прорумынского шовинизма — сопротивления, здесь всеми воспринимавшегося как продолжение битв пятидесятилетней давности...»

Такой государственно-пропагандистской машине для промывания мозгов, как кишиневский «Месаджер», позавидовали бы и Сулов, и Геббельс... В одной из передач национального телевидения Молдовы показали возмущенных односельчан «предателя народа» Штефана (Стефана) Кицака, затем его мать и родного брата, публично на всю республику заклеивших и отрекшихся от самого близкого человека. ...Кажется, однажды это уже было. Где-то в 37-м...

Спустя годы тот же Ион Косташ, уже отставной бригадный генерал, этот, с задатками мании величия самовлюбленный «наполеончик», обиженный и непонятый «мировой общественностью», в своём интервью признается что это действительно «была война, необъявленная война. Я это констатирую как военный специалист, которому посчастливилось закончить Академию ВВС и Академию Генерального штаба СССР. Таких профи, каких там воспитывали, к сожалению, в Молдове сейчас нет. Союз был нашей общей родиной, но он распался. И Россия начала необъявленную войну против молодого государства Молдовы. Это не была гражданская война, как пытаются представить сегодня молдавские большевики и их адепты. Такой взгляд на приднестровские события 1990-1992 годов не выдерживает серьезной критики. Тот, кто начал эту войну, планировал дойти до Прута. Мы этого не допустили. Если бы Молдова не стала независимой, не исключено, что она лишилась бы статуса республики и получила бы старый статус губернии...» (**«Была война!» www.baza.md**) Да-да, не надо удивляться, это тот самый Косташ, бывший руководитель ДОСААФ Молдавской ССР, которому во времена перестройки парторганы в характеристике написали: «Делу КПСС и Советской Родине предан», который «в феврале 1990-го, накануне выборов в парламент республики, заявил журналисту газеты «Советский патриот», что «целиком стоит на платформе ЦК КПСС по национальному вопросу»... [*9].

...Как ни прискорбно, но с обеих сторон воюют вроде бы православные христиане. Это по своему роду-племени. Мало того – под одним покровительством – Молдавской митрополии

Московской Патриархии Русской православной церкви. И в бой часто шли с одним благословением. Да и Румыния тоже, между прочим, православная. Так что – на правом берегу «православнее»? Но это просто бред. Да и в отличие от «цивилизованных» «защитников конституционного строя» приднестровские «варвары» и «коммуняки» не только не стреляют по храмам из гаубиц, но на своей земле восстанавливают и строят новые храмы! Если почитать кишиневские газеты того времени, то можно найти ещё одно существенное отличие – там часто трусливо и лицемерно вся ответственность за происходящее перекладывалась на Бога, мол, всё что ни случается, случается по воле и замыслу Его...

Нет, причислить эту войну к межрелигиозной тоже никак не получается.

Так как же докопаться до истины?

Подлинная причина, думается, лежит не так уж и глубоко, и гораздо шире – в различиях двух цивилизаций: восточнославянской и цивилизации Запада, в их культурном слое. Народ Приднестровья отверг присоединение к Румынии, тем самым желая сохранить за собой русскую, восточнославянскую культуру, образ жизни и нравственности, что подспудно вело его к стремлению остаться в геополитическом поле России. Это одно. А второе – конфликт этот классовый. Так же исторически истекающий из разницы культуры, менталитета и мироощущения народов Бессарабии и Приднестровья. *«Дело не в нации, а в том, что уязвленное национальное самосознание группы людей родило мысль разделить жителей берегов Днестра на коренных и некоренных, хотя в Приднестровье все коренные – и молдаване, и русские, и украинцы, и евреи, и болгары, и немцы, и представители множества других национальностей. Такова особенность всех бывших новороссийских земель. Именно поэтому война не была межнациональной. Приднестровцы абсолютно убеждены, что воевали против национализма и румынизации. И убедить их в обратном невозможно».* [*9].

Вобщем, размышлений и разговоров об этой «непонятной» войне тогда было много. На обеих сторонах. Но, в конечном плане, для солдат в бою не было никакой разницы, война это или «просто» вооруженный конфликт – у тех, и у других кровь-то одного цвета...

А.Ханцевич, А.Хохлов. «Убитый город». «Комсомольская правда», 2 июля 1992 г., N 119.

«...Офицер полиции Молдовы тщательно и придирчиво проверял наши документы. Так же долго ругал радио Приднестровья: «Всё неправда». А потом мы вместе сели в тенечке, закурили. У офицера – жена и двое детей. Он ловил жуликов и разнимал пьяные драки. Теперь – воюет.

- Это не моя война,- сказал он.- И не моего народа. Молдаване любят землю и песни, и не любят стрелять. Сегодня идет война между Россией и Румынией. Но руками молдаван. Когда воюют мирные люди, получается кровавая бойня.

Именно бойней, и только бойней, можно назвать то, что произошло в Бендерах 19-22 июня...»

- ...Я нисколько не удивлюсь, если через много лет вдруг станет известно, что в этой войне за спиной Румынии в тени стояли Соединенные Штаты, - сказал однажды казакам один врач, пока их машина «скорой помощи» пережидала в укрытии неожиданный артобстрел. - Ведь, как пить дать, что к событиям в Тимишоаре в 89-м свою руку ЦРУ приложило. И Чаушеску румыны «завалили» явно не без их помощи... Ведь смотри, что они сделали: уже на третий день после вторжения в Бендеры Штаты объявили – демонстративно, на весь мир! - о предоставлении Молдове кредитов и условий наибольшего благоприятствования в торговле. Ну, так на чьей же стороне «цивилизованный Запад» и «всё прогрессивное человечество»?..

Об этом, как об одном из самых вопиющих примеров политики двойных стандартов, парни уже знали: слышали радио и прочитали в газете. 21 июня 1992 года на заседании Конгресса США выступил сенатор Ларри Пресслер, который в духе самых дремучих, маккартистских выражений времён «холодной войны», не удосужившись даже сугубо протокольных соболезнований безвинным жертвам Бендерской бойни, обрушился на приднестровскую сторону, типа: «коммунисты – убийцы» и тому подобное, и на российскую

14-ю армию, на которую возложил всю ответственность за обострение конфликта. Это выступление означало, что на международном уровне «единственной сверхдержавой» действия президента Снегура были поддержаны. То есть – открытое поощрение открытой же агрессии!..

- ...Да-а, времена наступили тяжкие, - сказал кто-то из казаков. – Военные. И кто бы подумал, что и на нашу долю выпадут...

- Они не сейчас наступили, - вновь заговорил врач. – Война-то давно шла. Против СССР. Против нас с вами. Даже когда мы с вами ещё голоногими октябрятами бегали...

- Н-не понял... Какая война?.. С кем это? Чего-й-то мы тогда и не слышали никаких взрывов.

- Ну, ты даёшь!!! – изумление было искренним. – Конечно же с Западом! С США во главе. Но то была тихая война. Без выстрелов и взрывов. Называлась она «холодной». Что, никогда не слышал? – с улыбкой поддел он казака. И уже серьёзно: - И это была не только демонстрация мускулов и провокации. Гонка вооружений – это война на изматывание экономики. А идеологические диверсии? Они ведь были направлены не сколько против коммунистической идеологии – коммунизм для них был уже безопасен из-за своей полной непривлекательности. Главное – Западу досаждало великодержавие нашей страны, поэтому и вели дело на подрыв духовности, нравственности народа. Духовная агрессия – она ведь намного опасней, нежели военная. Да, это была настоящая война. Пусть мы и не слышали тогда разрывов бомб. Войну ведь можно вести, не бросая бомб на города, и не объявляя её. А результат – точно такой же: Миллионы погибших: разруха, потерянные территории, сломленный дух, закабаление...

Аллен Даллес, генерал, шеф политической разведки США в Европе, впоследствии – директор ЦРУ. Из речи на совещании в Берлине, 1945 год.

«...Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозное по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино – все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдальбивать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не будут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать...

*И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмеище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества»... [*14].*

...Где-то поодаль, за домами, опять вдруг глухо и густо захлопали мины. Следом длинно прострочил «крупняк» и затих. Тотчас же, уже невдалеке – более громко, но как-то нестройно, заработал другой. Остановился, будто прислушался, и, точно заканчивая базарную перебранку, напоследок коротко плюнул и тоже замолк. Быстро и вразнобой прострекотало несколько автоматов... Казаки, расслаблено сидевшие на мягкой мураве у обочины дороги за вычурнототлитыми плитами бетонного заборчика, прислушались, настороженно повернув головы.

- Вот, черти! Никак успокоиться не могут, - тихо, будто про себя, врач ругнулся на «румын». – Так и до темноты здесь просидишь, - и мельком взглянув на часы, посмотрел ввысь. В зелени нависавших ветвей кровавыми сгустками бурела спелая, налитая солнцем вишня. В небе же ни облачка. Но сильно парило. И опять обманчиво - дождя-то, явно, не будет. В этом убеждали не только безмятежность небесной голубизны и мегаваттность палящего солнца, своеобразным подтверждением были и толстые пушистые шмели, деловито перебиравшие своими мохнатыми лапками яркие соцветия придорожных цветов.

Этот обстрел долго не прекращался. Начался же он довольно неожиданно – вне графика, как пошутили казаки. Шутка, но, как известно, в каждой шутке есть только лишь доля шутки. Казаки шли дворами со стороны рабочего комитета, как вдруг сыпанули мины. Да так часто, что загнали их в какой-то узкий проулок, в сухую канаву под защиту бетонного заборчика. Короче, попали, как в тиски, или под вилку – участки спереди и сзади «румыны» просто тупо обрабатывали из миномётов. Следом, застигнутая обстрелом на улице, к их укрытию, вильнув, притёрлась «скорая». Всё – как говорится: суши вёсла и кури бамбук... А что ещё в такое время делать, как ни гутарить? Вот и сейчас, поговорив о том - о сём, казаки завели долгий и жаркий, как этот июньский день, разговор о дне сегодняшнем и этой «непонятной» войне, о политике, истории...

- ...Нет, братцы, я более чем уверен – здесь иное, тут всё дело в Православии, - высказал свою мысль Саша Селянинов – тираспольчанин, черноморский казак «притуловской» сотни. Был он когда-то мастером на заводе, но вот на родную землю черной нежитью полез враг, и Саня стал бойцом, как и многие в Приднестровье. Их группа ещё с весны «давала жару» «румынам» и под Дубоссарами, и «на Кошнице», в Глинном, в Дороцком, и... по всему левому берегу! Саня вообще был похож на молдаванина, даже на югослава: высокий, чернявый, с орлиным носом – вылитый Гойко Митич, который в ГДРовских вестернах всё индейцев играл. Но Селянинов был русский, а волнисто-черные волосы и пронзительные карие, аж вишнёво-черные, глаза, видимо, достались от отца – терского казака, в жилах которого, была и толика крови какого-то далёкого «горячего» предка. Видно от отца же и перенял он мудрую неторопливость суждений, а когда надо – и звериную беспощадную быстроту, несущую смерть врагу, и от смерти же не раз спасавшую в боях его и товарищей. Речь его всегда была неторопливой, веской, и порой насыщена таким богатым содержанием... И никогда не утомляла. Слушать Саню – одно удовольствие. Рассказывал он не только увлекательно, но и красиво. Крепко держа тему разговора, в линию привычных в обиходе фраз совершенно естественно и непринужденно для себя он мог яркими нитями вплести то подзабытые ныне слова старорусскославянской речи, тут же перемежая её с величавыми, почти книжно-классическими оборотами завязанного филолога-русофила. То, интригуяюще удерживая слушателя, к месту ставил многозначительные театральные паузы – жаль, Станиславского рядом не было. Знал множество поговорок, мог вкратце процитировать и классика, и Библию...

...И тут, словно утверждая Санины слова, и что было весьма символично, в Преображенском соборе робко ударили в колокол. И звук его – медленный, чистый и совсем не грустный – несмотря на грохот и трескотню очередей, поплыл в ясной глубине и, растворившись в ней, ушел в вышину. Что ж, война – войной, но в храме службы всё же идут.

- ...Даже и доказывать нечего, в чём суть-причина этой войны, откуда всё пошло-поехало, – продолжил Саня. – Хотя... Посудите сами: я тут намеренно почитал кое-что... Вот в Евангелие от Матфея что Сказано: **«Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть. Ибо восстанет народ на народ и царство на царство»**. Это ведь и наших днях, о нас с вами сказано, и о времени грядущем. Посмотрите: так же, как и нас «мули» и румыны, объединившиеся вдруг католики и мусульмане убивают православных сербов. И похоже, что католическая Европа с Америкой вновь объявили «крестовый поход» на славян. Я сначала и не понимал, почему такая жестокость к сербам у всех этих боснийцев, албанцев, хорватов? Жестокость, сравнимая, разве что, с жестокостью «крестоносцев» и фашистов. Потом дошло, сербы ведь тоже православные, и единственные, кто в Европе остался верен России. Ведь как сербы говорят: *«Нас с русскими – двести миллионов!»* Они такие же, как русские, мы с ними –

братья. А Ельцин предал Сербию, тем и Россию в позор ввёл. Сербов не просто убивают – прикрываясь своими богами, их приносят в жертву дьяволу. Так что, этот их объединенный вкуче с зелёным знаменем ислама «крестовый поход» не столь против сербов, как в первую очередь против Православия. И это доказуемо.

Казаки замерли и притихли, внимая Саниным словам.

- ...Давайте порассуждаем вместе. Почему с древних времен и поныне Западный мир славян хлещет? Отчего такое постоянство его натиска на Восток? Что толкало этих «цивилизованных», «демократичных» и в общем-то богатых западных европейцев, прикрывающих свои деяния рассуждениями об «истинности веры», грабить и убивать якобы нищих варваров? Многие утверждают, что причина в том, что западный и славянский мир принадлежат к разным цивилизациям. В общем-то, да. Но истинная причина чуть глубже – чтоб уничтожить Православный мир. А ныне вот – чтоб мы, десятилетия прожившие при богоборческих режимах, вновь не обратились к Православию, не вернулись к его духовным ценностям. А что есть Православие? Это истинное, неискаженное и не извращенное Слово Божие! Помните пророчество: *«Москва – Третий Рим. Четвёртому не быть!»* Первый-то Рим, ранне-христианский, отпал в гордыню католицизма, второй Рим – названная так Константином Византия – как кара за тщеславие, был отдан Богом на попрание мусульманам. Россия же – есть последний оплот апостольского Православия в страшные предантихристовы времена всеобщего хаоса и всемирной смуты. Иными словами, христианский мир раскололся на две цивилизации: Западную и Православную. А что ныне есть Запад, хвастливо именующий себя «цивилизованным»? Он кичится своей многовековой христианской культурой, но на самом-то деле являет собой жуткое зрелище тупого, животного равнодушия к духовности и вере. Католики, протестанты, лютеране обмануты своей верой. Ведь, как известно, самая большая ложь – неправильно понятая, неправильно истолкованная правда. Но не понимая того, обмануты до такой степени, что кичатся «истинностью» своей веры. Мало того, любую другую считают враждебной. А Православие и её культуру так вообще – варварской. С известными всем последствиями. Самые безобидные из них – это словесные нападки. Мол, докажите, почему считаете Православную веру истинной? А тут и доказывать не нужно – доказательств великое множество! Самое яркое и убедительное то, что Благодатный огонь сходит только на Православную Пасху – Сам Господь даёт нам возможность убедиться в абсолютной истинности веры. Да и в само название Православия вложен смысл словосочетания – правильно славить! А на Западе что? Там ведь уже не христианская культура, а жесточайшая антихристианская диктатура. Их сытый, благополучный «свободный мир» - это лишь ширма, за которую загляни, а там - беспредельный цинизм и разнузданное бесстыдство! Александр Блок ещё в начале века дал этому обществу точный и беспощадный диагноз: *«цивилизованное одичание»*. Католики, поди уж, в папу своего больше верят, нежели в Христа. И молят себе, в большинстве, лишь богатства, не думая о спасении души. Иудеи – так те вообще в открытую золоту молятся, про них Иисус и Сказал: *«Ваши отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего»*; баптисты-иеговисты всякие – раз принял их веру, то уже будешь в раю, и нечего, живя на земле даже и дёргаться защищать, заботиться о ком-то, думать...- есть кому за тебя решать и думать. Видите, какой обман везде! И лишь православие твёрдо! Прошло через гонения и даже раскол, но стоит. Жива наша вера! От того-то и беснуются предтечи антихриста, от того-то, маскируя под разные личины, развязывают войны, смуты, революции разные. Чтоб раздавить славян, вытравить из него сам дух апостольского Православия. Помните вышедшую в январе 1919 года директиву Свердлова-Янкеля о казачестве? А приказы «кровавого демона революции» Троцкого-Бронштейна? Они в первую очередь были направлены не столь против казачества, как против славян – хранителей истинной Веры, и живущих по её законам. Вторя своим единокровкам и «партайгеноссе», ближайший соратник Сталина-Джугашвили Лазарь Каганович был не менее категоричен: *«Славяне, а особенно казачество, как рудимент человеческого сообщества, не имеют ни физиологического, ни политического и даже религиозного права проживать на этой прекрасной земле»*. Не только той кучке красных иудеев-сионистов, захвативших в России власть, славяне стояли поперёк горла – многим, кто

чувствовал «скрытую угрозу» извращенному «цивилизованному, свободному миру» со стороны общности человечества, живущего по законам Православия. Ох, как бы им всем хотелось видеть славян лишь в качестве рабов! Вот недавно премьер-министр Великобритании Джон Мейджер выдал миру: *«Задача России после проигрыша «холодной войны» - обеспечить ресурсами благополучные страны. ...Для этого им нужно всего 50-60 миллионов человек...»* Кстати, его слова, понял он сам это или нет, но четко перекликаются не только с высказываниями большевиков, но и фашистов. Ведь Гитлер ещё в «Mein Kampf» откровенно заявил: *«Славянская человеческая масса, как расовый отброс, недостойна владеть своими землями... Кто может оспаривать моё право уничтожить миллионы славян? Мы должны большую часть русских и славян уничтожить, часть превратить в рабочий скот...»*. ...Я думаю, не только война – претенденты на единое мировое господство никакими способами не гнушаются. Вот судите сами: ныне – не вдруг же: экономические кризисы, политические реформы, перевороты, «бархатные» революции, «перестройки»... Стоит ли кто за этим? И что всегда в их итоге? – разгром или ослабление национальной государственности, единства народа, крушение границ, политический хаос, попрание общечеловеческой морали, законов и христианских святынь... Для чего? – очистить дорогу антихристу. Чтоб он пришел – под видом Христа-Спасителя пришел! – и враз всё утихомирил. И над миром властвовал. И пока «архитекторы» «общемирового дома» не разрушат этого «фундамента»: не оторвут души от веры, исказив Евангельские истины, не уничтожат православную Церковь и её ограду – русскую государственность, ничего они не смогут «построить». В дьявольской Европе сербы, как бельмо в глазу. Как и мы, русские. Так вот на примере сербов и Приднестровья всей России, видимо, хотели урок дать, чтоб заткнулась, смирилась и покорно дожидалась «нового мирового порядка»... Но! – Саня намеренно сделал паузу, стараясь подчеркнуть важность, глубину своих выводов. - Тут-то у них и произошла осечка – в Приднестровье впервые получили по зелёной от злобы рогатой морде! Маленькое Приднестровье встало за Русскую Честь, клич бросили – со всей России казаки и добровольцы приехали! За что воюют? Я раньше думал – за Приднестровье. Нет! За Русскую Землю – за Веру и Отечество! Не только русские, но и молдаване, украинцы, болгары, немцы - все, кто родился и вырос на этой земле... Это - Русские люди – с большой буквы Русские! ..Преданные в сотый раз всей шкурной сволочью: правителями, политиками, военными. Значит жив ещё Русский дух! ...И крепко держаться нам надо! Это ведь и про нас тоже Сказано: *«Будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за Имя Моё...; претерпевший же до конца спасётся»*. И надо быть готовым: главная-то война – с самим антихристом – ещё впереди! Слуги дьявола не оставят Россию в покое. Либо мы их, либо они нас. [*13, 14, 16].

Арнольд Тойнби, доктор историософии, Великобритания, 1947 г.

«На Западе бытует понятие, что Россия – агрессор... Сторонний наблюдатель, если бы таковой существовал, сказал бы, что победы русских – это лишь контрнаступление... Верно, что русские армии воевали на западных землях, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада – агрессорами... Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации». [*14].

– ...Так что судите сами, какая же в Югославии идёт война? Гражданская?.. Из-за территорий? Межрелигиозная? – продолжал рассуждать Селянинов. – Да, всё вкуче. Но цель-то более глобальная – сломить сам дух славянский! А он испокон веков на чём держится? На триединстве: Соборности, Державности, Православии! Православие – ведь оно как наша Бендерская крепость: не сокрушить, ни стены пробить. Главное, чтобы у народа, у каждого славянина Вера вновь появилась. Сейчас только казаки за Веру и Отечество, а придёт время – весь народ поднимется! Потому как Православие для нас – самая сердцевина, хребет, основа всей жизни. Обопрись на неё, как на монолит – и вновь на ноги встанет Россия! Этого-то до

смерти и боятся все те деятели, кто руками Буша, да такие, как Снегур, строят «новый мировой порядок» - расчищают дорогу антихристу. А что есть антихрист, приход которого предсказан нам Святым Писанием? Это ведь не мифическое рогатое чудище, нет! Это – заедино и индивид, и целое понятие, которым апостол Павел дал точное определение: *«тайна беззакония»*. И истоки этого – со времён Христа, когда Он перед народом в прах разбил миф иудейских «законников» о богоизбранности и исключительности израильского народа, обличил сатанинское начало безмерной гордости этих самозванных претендентов на мировое господство. Простить Ему этого иудейские книжники и фарисеи не могли, предали Его смерти. Но и распятым Он оказался для них ещё страшнее. А Учение Его – христианство, стремительно завоевав мир, ой как далеко отбросило их мечту о мировом господстве. И тогда христианской Церкви была объявлена война – тайная и подлая. В те времена - через различные псевдомонашеские и рыцарские ордены, тайные общества, масонские ложи – ведь помните же по истории? – а ныне – через международные фонды, банки, комитеты, клубы, типа «Ротари Интернэшнл» – вон сколько их развелось! - которые за своей внешне благовидной деятельностью скрывают главную цель - уничтожить христианство, ликвидировать границы государств, лишить народы их национальной самобытности. Для чего? ...А чтобы провести «добровольное» объединение мира в *единую* политическую и экономическую структуру – «единое мировое сообщество», под власть *единого* мирового правительства. А глава его будет поставлен самим сатаной. Этого-то грядущего мирового диктатора христиане и называли антихристом. И вот план его уже в действии - он уже захватывает страны, народы, их души. Ведь христианский мир когда-то был единым, но прошёл раскол, и вот уже: католики, протестанты, лютеране... Каких только церквей на Западе нет! И все называют себя христианами, считают себя правыми, веру свою самой истинной, оттого и враждуют меж собой. И это – тоже результат промысла масоно-сатанистов. А уж Россия, как никакая другая страна – «удерживающая», давно не давала им покоя. Боевой аппарат масонства здесь был создан уже в начале 1800-х годов. Помните ведь декабристов? Только этих разгромили, как следом поперли другие: народовольцы, бундовцы, марксисты... [*14].

Альберт Пайк, вождь международного масонства. Париж, 15 августа 1871 года.

*«Когда самодержавная Россия останется последней цитаделью христианства, мы спустим с цепи революционеров-нигилистов и безбожников, и вызовем сокрушительную социальную катастрофу, которая покажет всему миру во всём его ужасе абсолютный атеизм, как причину одичания и самого кровавого беспорядка... Тогда всё бесчисленное множество разочарованных в христианстве, жаждущее в душе своей божественного идеала, примет просвещение через всемирную проповедь чистейшего люциферанского учения, к тому времени уже открытую и всенародную». [*14].*

- ...То есть, Саня, ты хочешь сказать, что и революция в России – тоже дело рук масонов?

На лице Селянинова отобразилось искреннее изумление: - Знамо дело... Против фактов не попрешь. Факты?.. Вот хотя бы такой: ведь красная, или как её называли, «марсовая», пламенеющая пятиконечная звезда – один из символов, так называемого, второго градуса масонских лож. Знал об этом? А кто принес её в Россию? И вспомни-ка, кем были все эти вожди революции и их ближайшие подручные? Тот же Ленин. Надо отдать должное: был образованным, талантливым и целеустремленным организатором, но и – безжалостен, беспринципен, воинствующий атеист. Это уже потом его образ до нельзя отретушировали, романтизировали, в книжках для детей представили прям ангелом во плоти – ах, какой «самый человечный человек»! Но его высказывания и поступки не оставляют сомнений: он категорически отторгал всё, что составляло красоту и правду русской православной христианской жизни – это просто выводило его из себя, как чёрта ладанка. Отчего же? Откуда в нём такое? ...Как в «Джентльменах удачи» спрашивал у «Доцента» Василий Алибабаевич: «Мама был? Папа был? Почему злой, как собака?» Да, и братья-сестры были, и папа-чуваш – размазня и подкаблучник, и мама – жесткий семейный диктатор, еврейка с варяжских берегов, в

девичество носившая фамилию Бланк, ненавидящая всё русское, оттого её и убрали с глаз подальше от Двора из Петербурга. И все её дети были воспитаны в духе этой ненависти. Отсюда и с позором повешенный террорист Саша Ульянов, поднявший руку на Помазанника Божия, и брат его Володенька... Но он, как помните, пошел уже «другим путём». Кстати, одна интересная странность: как некрещеный сын варяжской еврейки и чуваша стал вдруг считаться русским? ...Или вот Троцкий со Свердловым. Они же – Бронштейн и Аптекман. Почему они считали «архиважным» главный удар в России нанести по крестьянству и казачеству? Потому, что эти два сословия – главные хранители и носители национального и, что важно, православного сознания. Для этих, и иже с ними, революционеров главным была стратегическая идея, – какая? – а народ этой страны – только расходный материал, средство. Пусть погибнут десятки миллионов, но мы этот мир – *«до основанья, а затем...»* А зачем? *«... Мы наши, мы новый мир построим...»* Через мировую революцию. Опять же: вот он – «новый мировой порядок» и «единое мировое сообщество»... И здесь возникают вопросы: а кто же это «мы»? Большевики-коммунисты? Они же – масоны. Даже, если некоторые и не знали этого – они их пособники. И чей же это «наш»?.. Вы знаете, что в составе первого, ленинского, ВЦИКа порядка семидесяти процентов составляли иудеи?..

- Ну, знаете ли!.. Такая «охота на ведьм» может, однако, далеко завести...

Саня чесанул пятерней, как граблями процарапал, смоль своей густой шевелюры, и как-то особо внимательно посмотрев на перебившего его, спросил: - Мне продолжать, или ты сам?.. Тогда, рассуждая логически, ответ: против чего была та революция? Заметь: готовили её задолго до Первой мировой, изрядно пошатнувшей экономику России? Против нищеты и голода? Как это говорили большевики? Бред – Россия была одной из процветающих держав, русский рубль был тверже всех иных валют мира, а русского хлеба экспортировали столько, что весь мир кормили. И сами никогда не голодали. А нищих, бродяг и голытьбы хватало не только в России – везде и во все времена, и при совдепии – тоже. Потому – как говаривала моя бабушка: «Как потопаешь – так и полопаешь». ...Против бескультурья? Но русский народ при всём трагизме своей истории создал высочайшую культуру мирового значения, причем во всех областях: литература, живопись, философия, театр... А образование? Не говоря о массе учебных заведений в городах - в деревнях, даже самых зачуханных, и в станицах для детворы были открыты начальные, церковно-приходские школы. Россия славилась своими учеными, великими открытиями, передовой инженерной мыслью... Да, не всё было гладко, народ, как впрочем и в любой другой стране, хотел улучшения жизни – назрело. Россия требовала реформ – но не таких же, чтоб *«до основанья...»!* – и преобразования пошли! Но дали ли те же социалисты Столыпину развернуть и довести их до конца? ...Революция против царя? – «долой самодержавие!». Но пошли и политические реформы – Конституция, Дума... Или извечный русский бунт – «грабь награбленное!» - против буржуев-капиталистов, помещиков-аристократов? Но, задумайся, почему в итоге «революционных преобразований» самые большие жертвы в процентном соотношении понесло крестьянство, и, чуть ли не под корень – казачество и духовенство? Ну, смекаешь, чьи там ушки торчат? И подумай-ка сам, откуда и, главное, от кого социалистам много лет «на революционную сеть и пропаганду в России» шла львиная доля финансирования? Казначейство кайзеровской Германии во время войны было лишь посредником, перевалочным пунктом. А на что они жили в эмиграциях? И ещё вели оттуда подрывную идеологическую работу. Ведь это стоило денег, и не малых – с помощью одних только «экссов» столько не добудешь! Да это все давным-давно доказано и известно. Известно было всему миру, но только не нам. У нас такая информация считалась антисоветчиной и нещадно каралась. Прорывавшиеся же обрывки сведений о масонстве считались нелепицей, мол, это у них там, - Саня кивнул в сторону бухающих взрывов, - на Западе, взрослые дяди с жиру бесятся, играют в каких-то «свободных каменщиков». Но чтоб у нас?.. [*13, 14].

Неожиданно взрыв мины треснул совсем рядом – во дворике. Заборчик от ударной волны и влипшихся в него осколков аж крякнул, но бетон – да что ему будет? – выдержал. Лишь

сверху кроваво-красным градом на парней сыпанула переспелая вишня, да с шорохом вместе с листвой упало несколько веточек, срезанных осколками.

- Саня, ты бы говорил чуть потише, а то, видишь, услышали тебя – обиделись за масонов, - поднимая голову и отряхиваясь, сказал Андрей Колесников – нигде и никогда не терявший бодрости духа черноморский казак из Ближнего Хутора.

Ага...- ответом на его «поттише» был ещё один взрыв – хохота!..

Селянинов, погасив улыбку, и лёжа, лишь приподнявшись на локте, из растянутого надколенного кармана камуфляжных брюк вытащил потрёпанную и донельзя замусоленную книжонку. Увидев на лицах казаков интерес и удивление, извиняющееся сказал:

- Это на днях отец Михаил, наш войсковой священник, дал мне... Чтоб не говорить впустую, прочту-ка я из неё этому Фоме-неверующему кое-что... Сейчас... найду. А, вот!.. *«Масонская рука принимала участие и в разрушении России. Все принципы, все методы, которые применяли большевики для разрушения России, очень близки масонским. 15-летнее наблюдение над разрушением нашей Родины воочию показало всему миру, как поработители русского народа верны программе масонских лож по борьбе с христианской государственностью...»*. – И, подняв глаза от книжки, Саня со значением сказал: - Эти слова были сказаны ещё в 32-м году на православном Архиерейском Соборе, собравшемся в Сербии. Тогда масоны влезли к нам под маской большевиков, сегодня же они хозяйничают в маске демократов... [*14].

- Ну, начало-о-ось!.. И вновь – излюбленная тема: «поиск черной кошки в темной комнате»! - Саню вновь бесцеремонно перебил тот незнакомый иркутянам казак, с легкого словца прозванный Фомой-неверующим. – Послушать, так везде и всюду только жидо-масоны и виноваты. Как-то сразу вспоминается бессмертное из «Кавказской пленницы»: «-...И на развалинах часовни... - А что, часовню тоже я развалил?..». Не надо искать себе врагов и виноватых – надо находить способы не иметь их!

- Ты опять не понял. Речь идёт не о евреях. Не о нации. Среди них огромное количество искренне любящих Россию талантливых, добрых и честных людей. Думаю, не меньше, чем мрази и отъявленных подонков среди русских. Мы говорим об идеологии, порожденной религией...

- ...А разве масонство - идеология? Может, скажешь, что и Горбачев тоже масон, и Ельцин?

- Утверждать не буду. Но... - Селянинов сделал красивую паузу. - Помните, где-то в ноябре прошлого года – об этом писали, и даже по телику показывали – Ельцину было присвоено звание Рыцаря-командора Мальтийского ордена? Спрашивается: кому даётся сие звание и за что? За красивые глазки, иль сизый нос? Или всё же за август 91-го, и за развал Союза? ...Когда Буш публично заявил, что это - *«наша победа»*? А директор ЦРУ Роберт Гейтс, будучи вскоре в Москве, заявил телевизионщикам из Би-Би-Си: *«Тут, на Красной площади, возле Кремля и Мавзолея, я совершаю одиночный парад победы своей страны»* ...И вот наш «гарант» на экране позирует в полном масонском облачении рыцаря-командора. Так что, *«кто есть «ху»*, как изрёк «Горбач» – думайте сами. Ведь всему миру странно: что - для того, чтобы могли вернуться диссиденты, чтобы распространять порнографию и печатать похабные анекдоты, дать свободу геям и развивать проституцию – для этого надо было останавливать доменные печи и заводы, прекращать распаивать поля, уничтожать ведущие отрасли экономики и деморализовывать армию? Нет, братцы. Для того, чтобы первоначально развалив великое государство – Советский Союз, разграбить его природные богатства и, доведя народ до нищеты и, как следствие - морального разложения, посеять в нем безразличие к своему будущему. Всё это и должно обеспечить уничтожение, нет - самоуничтожение России... [*13, 14, 15].

- Вы знаете, - после нескольких секунд повисшего недоумения, обращаясь к Селянину, сказал врач, - я никогда не принимал всерьёз рассуждения о пресловутых жидо-масонов, да и, честно говоря, разговоры эти мне были противны – до не могу! Но сейчас я, пожалуй, соглашусь с Вами. Даже поддержу. - И, повернувшись к «Фоме»: - А Вас - увы... Мне казалось, что все эти разговоры про жидо-масонов, вы уж извините – удел людей недалёких, религиозных

фанатиков-националистов. Но потом... Помнится, пару лет назад совершенно случайно попала в руки самиздатовская брошюрка. Поначалу, пока не дошло, посчитал это довольно-таки забавным чтивом – Нострадамус отдыхает! Но потом!.. Название этой книжки – «Протоколы сионских мудрецов». Я не знаю, какова история появления этих «Протоколов», кто их составил и когда, как они вообще попали в Россию, но у меня в руках было репринт-издание – перепечатка с книги, выпущенной, помню, Московской губернской типографией в конце прошлого века. Там ещё «еры» и «яти» были – трудновато было читать. Хотя я и далёк от церкви, но эта книжка дала такой обильный материал для размышления! - получается, что мировая история, словно повинувшись приказу невидимого диктатора, покорно прокладывает себе путь в точном соответствии с детальным и одновременно сжато изложенным планом – планом завоевания мирового господства. Читал и поражался – план столь циничный и подлый, преисполненный столь явного презрения к человеку и открытого поклонения злу, столь искусно составленный, что просто не хотелось верить в существование некоей тайной и могущественной организации, в чьих недрах могли найти своё воплощение эти страшные идеи. Было просто удивительно, что «Протоколы» на десятилетия вперёд с потрясающей точностью предсказали мировые войны, политические формы устройства государств, ход развития мировой экономики и множество других деталей жизни так называемого «мирового сообщества». Но самое потрясающее – тщательно спланированные принципы борьбы с моральными устоями семьи, с христианской верой, нравственностью, с культурой и образованием. Становилось страшно – будто это было написано самим сатаной! Помню, читал и всё больше и больше находил сходства с деяниями «строителей светлого будущего». И лишь после, не так давно, понял, что те принципы не только не устарели, а на годы вперёд стали программой действий – вспомните берлинскую речь Аллена Даллеса! Мало того – те принципы действуют и поныне, получают уточнения и дальнейшее развитие...

«Протоколы сионских мудрецов» (выдержки). Впервые опубликовано в 1895 году; подлинность доказана Бернским судом 14 мая 1936 года, апелляционным судом в Цюрихе 1 ноября 1937 года; первое издание на русском языке хранится в Рукописном отделе Государственной библиотеки (имени Ленина) в Москве.

«...Наш пароль – сила и лицемерие. Насилие должно быть принципом, хитрость и лицемерие – правилом... Чтобы скорее достигнуть цели, нам необходимо притвориться сторонниками и ревнителями вопросов социальных... особенно тех, которые имеют задачей улучшение участи бедных; но в действительности наши стремления должны тяготеть к овладению и управлению движением общественного мнения... Действуя таким образом, мы сможем, когда пожелаем, возбудить массы. Мы употребим их в качестве орудия для ниспровержения престолов ... и для революции, и каждая из этих катастроф гигантским шагом будет подвигать наше дело и приближать к цели – владычеству над всей землёй.

...Нам необходимо подорвать веру, вырвать из ума людей принцип Божества и Духа и всё это заменить арифметическими расчётами, материальными потребностями и интересами... Священничество мы позаботились дискредитировать... С каждым годом влияние священников на народы надаёт – повсюду провозглашаются свободы: следовательно, только какие-нибудь годы отделяют нас от момента полного крушения христианской веры, самой опасной для нас противницы...

...Если золото первая сила в мире, то пресса – вторая. Мы достигнем нашей цели только тогда, когда пресса будет в наших руках. Наши люди должны руководить ежедневными изданиями. Мы хитры, ловки и владеем деньгами, которыми умеем пользоваться для достижения наших целей. Нам нудны большие политические издания – газеты, которые образуют общественное мнение, уличная литература и сцена. Этим путём мы шаг за шагом вытесним христианство и продиктуем миру, во что он должен верить, что уважать, что проклинать. С прессой в руках мы можем неправое обратить в правое, бесчестное в честное.

Мы можем нанести первый удар тому, до сего дня ещё священному учреждению – семейному началу, которое необходимо довести до разложения. Мы тогда уже будем в

состоянии вырвать с корнем веру в то, пред чем до сего времени благоговели... и взамен этого воспитать армию увлечённых страстями... Мы можем открыто объявить войну всему тому, что теперь уважают и перед чем благоговейт ещё наши враги.

Мы создали безумную, грязную, отвратительную литературу, особенно в странах, называемых передовыми... Мы затронули образование и воспитание, как краеугольные камни общественного быта. Мы одурачили, одурманили и развратили молодёжь...

...Когда мы ввели в государственный организм яд либерализма, вся его политическая комплекция изменилась: государства заболели смертельной болезнью – разложением крови. Остаётся ожидать конца их агонии. От либерализма родились конституционные государства..., а конституция, как вам хорошо известно, есть нечто иное, как школа раздоров, разлада, споров, несогласий, бесплодных партийных агитаций – одним словом, школа всего того, что обезличивает деятельность государства. Парламентская трибуна не хуже прессы приговорила правительства к бездействию и бессилию... Тогда мы заменили правительство его карикатурой – президентом, взятым из толпы, из среды наших креатур...

*...Все государства замучены, они взывают к покою, готовы ради мира жертвовать всем; но мы не дадим им мира, пока они не признают нашего интернационального Сверхправительства открыто, с покорностью». [*14].*

Казачи были несколько придавлены услышанным, притихли.

- Конечно, эти таинственные планы масштабны, устрашающи, - задумчиво сказал Колесников. – Но, как я думаю, с нами им конечной цели не достигнуть. Нет, я просто уверен! – встрепенулся он. – Ну и что с того, что Советский Союз развалился? Треснул его фундамент – нельзя было его на крови «красного террора» замешивать, на костях народа ставить! СССР и рухнул. «Совдеп» – лишь малый этап истории России. Россия же – вечна! Будет вечна своим народом, своим менталитетом, в основе которого – правильно сейчас Саня сказал! – духовность. Конечно, было у нас при Советах и величие, и, вроде бы, стабильность, счастливая жизнь. Но счастливы-то были, как мне кажется, лишь оттого, что не знали, насколько мы несчастны! Так что, стоит ли сожалеть об ушедшей власти, о большевиках-коммунистах, которые – согласно их же лозунга! – железной рукой загоняли человечество к счастью?..

«...И построят они на своих просторах царство тьмы, второй ад, не скрытый в земном провале, а раскинувшийся бесстыдно, как блудница на ложе, меж двух океанов. Появятся там поддельные пророки, чудотворцы волею Сатаны. Христос накормил двумя рыбами и пятью хлебами пять тысяч человек, эти будут кормить тем же количеством пищи, не преумножающейся тайно, трехсотмиллионный народ, порождая мор и глад. А один лжечудотворец превратит всё вино в воду, иссушит, изломает, изведёт лозу, кою воспитывали бесчисленные поколения виноградарей, дабы обратила она вложенный в неё заботливый нежный труд в благодатный сок. И подведёт он смиренный народ, утративший своё исконное веселие, возносившее дух горе, под власть Змея-Полоза, подручного Сатаны...» (Ю. Нагибин. «Любимый ученик»).

Андрей вслед за Саней лишь чуть затронул тему, интересовавшую тогда многих. Тогда – это было время переоценки и осмысления того мощного пласта новейшей истории, что зовется историей канувшего в лету СССР, и события начала 90-х невольно сравнивали с временами великого исторического перелома начала века. Поэтому и неудивительно, что этот спор-разговор, проходивший под бухавше-визжащий аккомпанемент минометного обстрела, вспыхнул с новой силой, захватив всех, сидевших в той канаве у забора. Почему? – да потому что то, что называют «великой революцией», стало началом великой трагедии казачества, и, пройдя через поколения, это до сих пор острой болью отзывается в каждой казачьей семье.

- Да, нам есть за что не любить власть Октября 17-го, - после череды эмоциональных высказываний сотоварищей начал говорить Лекарев. Все притихли. – За богоборчество, нигилизм, отрицание Веры, Отечества, семейных устоев и абсолютной морали – помните воплощаемую было бредовую идею коммунии, где всё общее: пища, одежда, скот, женщины?.. Народ «безмолствовал»? Или сознательно сделал свой исторический выбор? И в чём именно

состоял этот выбор? Есть над чем подумать... Мне – я ещё пацаном был – дед рассказывал об этом – что творилось у нас в Забайкалье! Кстати, то что творили эти радетели «мировой революции» отлично сочетается с деяниями из Уголовного кодекса. И пресловутого «срока давности» по тем преступлениям быть не может! Тогда перевернулось само представление о добре и зле. Почему произошло такое? Что – холуйское начало, желание беззаботного равенства в нищете - и народ враз отупел, превратился в быдло? Из-за низкого уровня образованности, общей культуры? Я думаю, эти утопические, фантастические идеи периода военного коммунизма, что претворялись в жизнь воинствующими космополитами-большевиками самыми жесточайшими способами, возобладали в уже подготовленной среде подавленного чувства достоинства, самосознания и гражданственности большинства масс. Посему и поверили болтунам, предали Веру, свою страну, свою семью, свои идеалы. И подняли руку на ближнего своего. А в итоге? Кто-то из прозревших к 30-м годам интеллигентов советской России сказал: *«Победа в гражданской войне была достигнута при помощи оккупационной армии, сформированной из самого оккупированного населения»* - абсолютно точно! Надо было прислушиваться не к лозунгам, а к своей совести – это урок и нам, нашему времени. Ведь сегодняшние события – это следствие неизвлеченных нами из истории уроков... - Перехватив погруженные взгляды казаков, Лекарев осторожно спросил: - Не поняли? Тогда скажу проще. Мы хотим понять истоки событий прошлого? Для этого давайте проведём аналогию – события тех лет сравним с нашими. Фактически, как и в 17-м году, сейчас страна повержена в хаос. Из-за чего? – из-за насаждения нам заимствованных западных конструкций в формах, мало сопряженных с российскими традициями, но облаченных в яркую, привлекательную обёртку. Кем или чем? – проамериканизмом былых диссидентов и западничеством коммунистов-«новомышленников», пришедших к власти. И вот – под видом свободы, демократии, «рынка», «общечеловеческих ценностей европейской культуры» у нас произошло обрушение, годами прививаемой «моральным кодексом строителей коммунизма», нравственности, что дало «отмашку» на затаптывание традиционных ценностей, разнуздывание низменных инстинктов – хаос! Отчего? Опять ссылаться на «неподготовленность народа», который в силу «невежества» вновь оказался не в состоянии усвоить «прекрасные», задуманные постсоветскими либерал-демократами, проекты построения «социализма с человеческим лицом»? Ответ, я думаю, прост: за время безбожной жизни при советской власти в сознании народа был изрядно подстёрт духовный стержень русскости. В эту пустоту и вползли «ценности», диктуемые извне. Нужно быть верующим, с Верой придет и нравственность. Сейчас же, что нам нужно – не совершая греха библейского Хама, не глумиться над жизнью отцов, а сознавая преступления и заблуждения тех лет, научиться правильному осмыслению нашей истории. А не безоглядному поруганию её...

- Вы правы, коллега. Смотрите, как ныне все кинулись чернить советские времена! Охаивать легко, когда разрешают хаять. Но ведь это наша история, сотворенная нами! И мы должны хранить её и почитать. Даже несмотря на тёмные страницы. А не сдавать на поругание отеческие гробы не только советской, но и трехсотлетней русской истории. Ещё Александр Сергеевич писал: *«Клянусь, я не хотел бы иметь другой истории, кроме истории наших предков»*... [*13].

- ...Но тогда российская история ещё не знала Октября 17-го!..

- Да, молодой человек, но она уже прошла через иго Золотой Орды, страх опричнины Ивана Грозного, сквозь «смутное время» безвластия и иностранной оккупации, через крестьянские бунты, разбойничий поход Разина и кровавое пугачевское восстание. Мы можем и не любить советскую власть, но мы должны признать её историческую значимость!..

- Верно! В народе-то нынче как говорят: кто не сожалеет о распаде Союза, у того нет сердца, а кто сожалеет – головы...

- ...Кроме всего, нам надо низко поклониться военному поколению. Потому как Май 45-го значительно изменил идеологический акцент жизни народа - небывалый взрыв патриотизма в Великую Отечественную вернул подорванное «пролетарским интернационализмом»

национальное чувство, восстановил, казалось бы, навек разорванную нить русской и советской истории...

*«Русские люди сражаются как всегда за своё Отечество, а не за нас, большевиков...» (Из беседы И.Сталина с А. Гарриманом – спецпосланником президента США, 7 сентября 1941 г.) [*14a].*

- ...И что самое драматичное – произошло сие не только у нас – в Союзе. Русские эмигранты, потерявшие Родину из-за большевиков, в массе своей сочувствовали Красной Армии, воевавшей с фашистами – почему? Да потому что для них сохранить Отечество для русских было важнее краха ненавистного режима – вспомните-ка ответ генерала Деникина на предложение немцев возглавить «русский экспедиционный корпус»...

- ...Это ли не высшая степень национального сознания! Сознания своей неразрывности с тысячелетней историей России! – чуть ли не перебив на полуслове своего коллегу, в разговор вихрем ворвался Славка. И куда только девалось его спокойствие? – Для них – белоэмигрантов – Россия даже под Лениным, Сталиным, с кровавым ГУЛАГом – оставалась Россией. Они, как мать в притче о Соломоновом суде, предпочли её живой в руках большевиков, чем растерзанной фашистами, после «крестового похода» которых для России уже не было бы никакого «потом». Вдали от России, в изгнании, но своей верностью Отчизне они и там продолжали писать её историю...

«На страже Родины», 26 апреля 1991 г.

«...Причины благоволения Ватикана к гитлеризму следует искать не в необходимости «антибольшевистской акции» - они глубже. Ещё в 1147 году папа Евгений II благословил «первый крестовый поход германцев против славян». Его эстафету перенял Пий XII. Первым договором, заключённым 20 июля 1933 г. правительством Гитлера, был конкордат с Ватиканом. ... В связи с подписанием конкордата с гитлеровским правительством римский корреспондент парижской газеты «Тан» писал: «...Папа готов поощрить самые ужасные преступные авантюры. Для того, чтобы подчинить себе русскую церковь, папа, само собой разумеется, готов благословить любое кровавое избиение...» 24 июня 1941 года посол Германии в Ватикане сообщал в Берлин, что «в кругах Ватикана с известным облегчением приветствуют новую фазу войны против русского нигилизма во всех его формах и с особым интересом следят за её ходом». ... Позже, через 24 часа после Победы, папа Пий XII «отпустит все грехи нацистов за всю Вторую мировую войну...»

- ...Да-а, братушки. Вот так, наверное, и мы - сидим в этой канаве под обстрелом, и даже не осознаем себя летописцами... - Договорить не дал дружный смешок, шуточные реплики, прерванные трескучим хлопком мины где-то недалеко.

- А вы зря смеётесь. Историю страны пишут каждый день, и каждый человек. Мы с вами, живя в советском обществе, тоже писали историю страны. И признайтесь, хотя бы сами себе, что не всё, как ныне говорят, было плохо при той власти. За многое мы могли бы сказать ей «спасибо». Хотя бы за то, что выросли в народном государстве, в сознании того, что мы – все национальности – равны, жили в безопасном обществе, стали образованными, а нашей бесплатной медицине завидовал весь мир. Мы гордились освоением космоса, подняли промышленность, укрепили оборону и жили в мире. Осваивая природные богатства, отцы наши и мы построили города в таких широтах, где никакие америкосы и япошки не смогли бы. Мы создали Великую Державу!..

- ...И кто бы знал, что после всего этого будет. То, что она рухнула – тоже мы?.. Пусть рухнула система - «совдеп» так или иначе обязан был рухнуть. Но Державе - ведущей мировой, пусть даже с болячками – не должно было падать, разваливаясь на куски. Винить за это только народ – «это были неправильные пчёлы, и они делали неправильный мёд» - ни в коем разе нельзя. Её извне развалили? Возможно. Но только помогли, подтолкнули. Дело не только в качестве фундамента, и что его извне подточили. Мне кажется, для «лучшего скольжения» всё

же предварительно «подмазали» кое-кого у нас там «наверху». Когда-нибудь правда не только о «беловежском предательстве», но и о том, что было «до» - станет известно всем...

«Последние десять лет наша политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать Президент Трумэн с Советами посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство. Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов... Когда в начале 1991 года сотрудники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов первые пятьдесят миллионов, а затем и ещё такие же суммы, многие из политиков, а также военные, не верили в успех дела. Теперь же ... видно, что наши планы начали реализовываться. Однако, это не значит, что нам не над чем думать...», -
Б.Клинтон, президент США. Речь на совещании Начальников штабов Вооруженных Сил США, Вашингтон, 24 октября 1995 г.

«Советского Союза больше нет. Это победа демократии и свободы. Это победа нравственной силы, наших ценностей. ... Несмотря на потенциальную возможность нестабильности и хаоса, это событие – распад СССР – отвечает нашим национальным интересам», -
Дж. Буш (старший), президент США, 1992 г.

«Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения её в единое, крепкое, централизованное государство. Россия будет раздробленной и под опекой...», -
Г.Киссинджер, бывший госсекретарь США, «шеф» масонской ложи «Бнай Брит», 1992 г.

«Сейчас не надо подпитывать иллюзий о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия – лишняя страна, которую нужно расчлениить», -
Збигнев Бжезинский, советник президента США. Из интервью «Le Nouvel Observateur», янв. 1998 г.

«Сейчас мы, наконец, добрались до самого лакомого кусочка, до России. На кон поставлен главный куш – всё государство в целом...», -
Дж. Сорос, миллиардер, США, руководитель МВ Фонда-Сорос, 1993 г.

Если «в России произойдёт откат реформ, то США применит к ней «военный фактор», -
Уильям Пери, министр обороны США, 1995 г.

И, конечно же, не могли не подпеть своим заокеанским друзьям и российские «демократы»: *«Не думайте, что если мы (*опять: «мы» – кто, догадываетесь?) уйдём из России, то кто-то здесь останется жить при социализме. Если для того, чтобы стереть с лица земли коммунистов и фашистов, нужно стереть с лица земли Россию со всем её населением – мы не дрогнем», -* заявила, как прошипела, известная «антикоммуняка» и русофобствующая «демократка» **Валерия Новодворская. [*www.iamik.ru].** Комментарии нужны?

- ...Возможно, буржуины захотят дорунуть и эти руины, - продолжал свою мысль Андрей, - руины былого Союза. Ведь они не остановятся на достигнутом. Возьмутся и за Россию. И не удовлетворятся её унижением, и даже расщеплением. Они захотят её уничтожить, точно так же, как сейчас, тренировки ради, они убивают православную Сербию. Тогда вновь прольётся большая кровь, и опять погибнут миллионы... Как ни кощунственно прозвучит, но эта жертва лишь очистит Россию. Укрепит её духовно. И выкристаллизует её. Даже превращенную ими в пыль. Финал всё равно будет непредсказуемым и – абсолютно плачевным для них. Конечно, американцы, вся эта этническая помесь под звездануто-матрасовочным флагом, очень умны, а вернее, хитры со всеми своими еврейско-ирландскими аналитиками и банкирами, но они ведь напрочь лишены абстрактного взгляда в будущее, космического, если хотите, предчувствия его... А этим качеством как раз и отмечен русский народ. Качеством природным, лежащим вне пределов интеллекта – «умом Россию не понять»!.. В первое же мгновение своего явления на

свет мы принимаем в себя не только излучение космоса, но и излучение земли – Русской земли – особую мистическую частицу её сути... Божественную. Спасительную. Вы понимаете?

- В общем-то, да... – Казаки были откровенно поражены речью Андрея – таким они его не знали.

- ...Это качество спасало его всегда, спасёт и на этот раз. В чём-то оно сродни интуиции. Интуиции Божественного предназначения. Оно помогает выжить в рабстве, оно же помогает спокойно умереть, оно – противоядие от каких бы то ни было лишений, от вымирания... За триста лет татарского ига внутри народа сформировался и сохранился неповторимый, абсолютно оригинальный душевный склад. В основании его – Православная культура, терпимость, если хотите. Но – дающая силу. В ней и растворяется всякое иго. Вот Ленин-Сталин всю землю кровью залили, людей голодом морили, страну в концлагерь превратили. Да ещё через какую кровь перешли, покуда гадину фашистскую раздавили. Потом стройки, сплошные «битвы за урожай»... Работа, работа и работа – жили, чтоб работать! А надо – работать, чтоб жить!.. Но даже в этих условиях приспособился народ, выжил при строе, где под крики «Одобрям-с!», под вечным лозунгом: «Мы придём к победе кому-нести-чего-куда!» создал – не только потому, что жизнь заставила, но и чисто интуитивно! – параллельно с официальной государственной идеологией, вторую, так сказать, систему моральных и духовных ценностей, подспудную, которая и помогла ему не только выжить, но и построить сильное, великое государство, которым гордился. Ценности эти, я думаю, были не ложными, а напротив – во многом были близки учению Христа. И мы с вами эти ценности впитали с молоком матери. За что мы сейчас воюем? За нашу Землю, за Родину – это наш долг, завещанный нам через века. Помните, в Конституции СССР было сказано о защите Отечества, как о священном долге и почетной обязанности каждого гражданина. Но ведь это не выдумка ЦК коммунистов, а взято от народа. Как говорили наши предки-казаки: исполнить этот свой долг – трудно, не исполнять его – постыдно, не исполнить – зело грешно. ...Это их завет нам. И он у нас в крови. И в крови детей наших. И не вытравить его ни перестройщикам, ни америкосам!..

*«...Если вы подумаете, что некоторые приведённые в книге разговоры слишком заумны или политизированы, что люди не могли тогда столько понимать, так думать и говорить, вы ошибаетесь. Тогда о политике говорили больше, чем в окончательно разуверившемся времени нынешнем». [*18].*

- ...Андрюха, а тебе не кажется, что американцы ныне – большевики ничуть не меньше, чем те – времен начала XX века? Даже превзошли их. Во много раз. Лишь лозунги видоизменили. Но суть-то осталась та же! И это – не великодержавный шовинизм, а нечто более глобальное. – Вновь вступил в разговор Селянинов. – ...Ну, чего вы на меня так смотрите? Если не верите, то давайте хоть чуть-чуть, навскидку, сравним – убедитесь. Вспомните марксистов с их идиотским призывом «Голодранці усіх країн, гоп до кучи!», и «Интернационалом» - гимном беспредельщиков. Вспомните Коминтерн - международных провокаторов с болезненной – ведь «*кипит наш разум!*...» - мечтой о мировой революции, которую «освободители угнетенных» хотели разнести «на кончиках штыков». И ведь несли, и много раз пытались. А в экономике: от противоестественной коллективизации и обобществления средств производства до всеобщей госмонополии и международной социалистической интеграции... - это у нас. У них же: евро-американский «общий рынок» - как стартовая площадка к глобализации экономики, унификации и стиранию границ. В политике: по всему миру усиленно пропагандируется «американский образ жизни», идет насаждение «демократических ценностей». Особо «непонятливые» объявляются «тоталитарными режимами», и «пропаганду» в этих странах продолжают Б-52, морская пехота и «миротворцы» НАТО ...С согласия ли ООН, или нет – всё равно... они имеют право «наносить превентивные удары по любой стране, включая Россию» (*директива №13 Минобороны США, февраль 1992г.). Видите – всё в строгом соответствии с ленинским лозунгом «на чужой земле защищать свою землю». Всё та же фигня, вот только наездники, оседлавшие её, сменились – вместо красных буденовцев ныне в бой брошены тexasские ковбои... Или, вот вам ещё один вопрос, на засыпку, уже по истории: говорят, что Ленин, Сталин, Гитлер – «великие диктаторы», вышедшие из-под контроля. Суть не в их

национальностях: грузин или русский, немец, еврей или австрийский полукровка, а в самой богоборческой идее. Кто это говорил, явно знал, из-под чьего контроля они вышли, и кто их изначально «вскормил». Догадываетесь? Ничего не могу сказать о Сталине, но вот то, что Гитлер был масоном – факт. Историки раскопали, что ещё в 1919 году его, свежедемобилизованного ефрейтора рейхсвера, в одну из масонских лож ввел католический «брат-иезуит» Бернанд Штемпфер, его друг, и будущий редактор «Mein Kampf». После в эту ложу вошел и Геббельс. Так что, парни, видите: что «мировая революция», что «новый мировой порядок» или «мировая демократия» - те же яйца, только вид сбоку. «Полководцы» и «войска» - то иные, да и тактика разная, а вот «генштаб», у которого, похоже, стратегическая цель неизменна, явно просматривается один... Попомните: придёт время и об этом вскоре заговорят не только богословы, и как мы ныне – в узком кругу да за закрытыми дверями, или на кухне за бутылкой, но и политики...

Л.Г. Ивашов, генерал-полковник, доктор исторических наук, Президент Академии геополитических наук. «Аргументы недели», №14, 2006 г.

«...По сути дела, балканский опыт был перенесён и на этот регион. Цель – создать ситуацию хаоса и на этом фоне переформатировать государственные границы. Но самое главное – сменить хозяев. ...А это – контроль не только над экономикой, но и мировой политикой. С уходом СССР образовался однополярный мир во главе с Соединёнными Штатами. Вот там и посчитали, что глупо не использовать военную мощь для установления диктатуры в интересах своей финансовой олигархии. Они пользуются моментом, потому что завтра будет поздно. ...Посмотрите – на Балканах, по сути дела, конфликтная зона. Что далее – Украина, Кавказ, Средняя Азия?..

То, что сегодня происходит в мире, - это страшнее, чем гитлеровский фашизм. Тот всё же имел какую-то локальную, территориально-пространственную ограниченность. Сегодня границ нет. Вся планета – зона такого воздействия».

Войну в Приднестровье остановить могла только Россия. Одного её движения плечом хватило бы, чтоб это безумие прекратилось. Все надеялись и ждали этого.

На всю жизнь усть-илимские казаки запомнили первую встречу со своей «соседкой» Петровной – её домик с садом был рядышком с их «базой».

- ...При Гитлере - да чтоб ему в аду гореть! - при румынской оккупации не было такого, - по южнославянски характерно гыхая, причитала старушка,- Людей стреляют, хаты жгут, взрывают!.. У нас снаряд в церкву попал, теперичя и помолиться-то негде...

Воскликая через слово: «Где ты, Господи!..», старушка нещадно ругала Москву и всех московских начальников, которые отдали её землю на поругание. Понять, что Москва теперь столица совсем другого государства и «начальникам» вроде бы и не с руки лезть сюда, она не могла, как ни объясняй. Она и не хотела знать про то, что огромный материк под названием СССР раскололся ныне на зазубренные куски – она продолжала жить в единой стране... [*9].

- ...Неужто Господь совесть у неё напрочь забрал?- со всхлипываниями вопрошала Петровна, имея в виду то ли Москву, то ли «Расею»...

- Москва, бабушка,- с суровым лицом, играя желваками на скулах, ответил тогда ей Лекарев,- это еще не Россия. Вон нас здесь сколько, **вот мы и есть – совесть России!..**

Тогда всех кто был рядом, как током, пронзили его слова. Петровна, с округлившимися, вмиг просохшими глазами, моментально прекратив всхлипывания, как-то очень внимательно посмотрела на казаков, и вдруг... поклонилась им в пояс.

Да разве такое забудешь?

Вообще, несмотря на странности нейтралитета 14-й российской армии, большинство населения Бендер да и всего Приднестровья, тяготело к России (как и сейчас!). Случай, наиболее ярко характеризующий это настроение, рассказал Влад Смолин:

- ...Утром проводил ребят, возвращаюсь в штаб. Вдруг вижу – над одной пятиэтажкой развевается трехцветный российский флаг. Огромное полотнище! Тут же большая толпа. И, знаешь, люди, глядя на флаг, плакали. Говорили: **«Всё равно с Россией будем!»**

«Будет шторм. И Русский корабль будет разбит. Но ведь и на щепках и обломках люди спасаются. Явлено будет великое чудо Божие... И все щепки и обломки, волею Божией и силой Его, соберутся и соединятся и воссоздастся корабль в своей красе и пойдёт своим путём, Богом предназначенным. Так это и будет явное всем чудо». (Предсказание Старца Анатолия Оптинского.) [*14].

...А пока шла война. Война на уничтожение. Жестокая до беспредельности.

Давно подмечено, что самые тяжкие времена – в переломные моменты истории, а самые жестокие из войн – гражданские. В период безвластия, политического бессилия и хаоса народной крови проливается во много раз больше, нежели во времена властвования «сильных личностей»: диктаторов и самых жестоких тиранов.

В Бендерах шла настоящая бойня. До тупости беспощадная, изуверская.

...Остановив в районе улицы Котовского машину «скорой помощи», ОПОНовцы расстреляли, находившихся в ней, двух тяжелораненых гвардейцев, фельдшера и водителя.

...В ночь на 29 июня по согласованию с полицией пожарный расчет на двух автомашинах с включенными фарами и проблесковыми маячками выехал для тушения пожара. Однако на перекрестке улиц Херсонской и Коммунистической полицейские и волонтеры безоружных пожарных расстреляли из гранатометов и автоматического оружия. Одна пожарная машина сгорела, другая выведена из строя. Сержант И.Чечельницкий убит, двое пожарных ранено.

...Трое раненых ополченцев завода «Молдавкабель», которых в кузове машины везли в больницу, были расстреляны ОПОНовцами. Убит и водитель. Один из убийц установлен – Василий Шефаль.

...15-летнего юношу, подвозившего на мотоцикле гвардейца, полицейские выследили и схватили в микрорайоне «Ленинский». Привязали к столбу и, угрожая расстрелом, зверски избивали прикладами. Парня сделали калекой. Выбили зубы, глаз, вырвали губу, сломали челюсть, нос, ребра. [*2].

...Фотография милиционера Сердюкова была растиражирована многими газетами. Его на окраине Бендер подобрали гвардейцы. *«...Милиционер лежал совершенно обессиленный, весь в крови. Мы сами задрали ему рубаху. На животе была вырезана звезда, на спине – неприличное слово, на руках и ногах – большие буквы «V»... «V» - виктория! Победа! Вот она – «их» победа!..* Полицейские остановили его 19 июня в Варнице, куда он заехал за женой. Долго били. Потом ножом вырезали буквы и знаки, раны залили тушью – «тату на память»... Сами пьяные, связали его, бросили в кузов машины и повезли в сторону Новых Анен. Он сумел перегрызть зубами проволоку на запястьях и развязаться. Воспользовавшись темнотой, перевалился через кузов и уполз в Гербовецкий лес. Затем как-то добрался до Бендер.

И это - лишь малая толика их зверств, террора и преступлений. Сколько убитых и искалеченных детей и стариков! Сколько изнасилованных бендерчанок! Сколько унижений и издевательств!.. За первую неделю пребывания в Бендерах парни увидели столько трупов, что хватит на кошмарные сны до конца жизни.

Особенным отношением «румын» было к казакам. Фашисты в войну в плен не брали моряков, здесь – казаков. Казаков боялись и люто ненавидели. Для них казак – вне закона.

...И какую только фигню ни писал и ни рассказывал Кишинёв о зверствах казаков, запугивая граждан, и «укрепляя дух» своих бойцов.

А. Мунтяну, полковник Национальной армии Республики Молдова.

«Жертвоприношение и предательство. Война на разделение Республики Молдова (1990 - 1992). Изд.: Румыния, Бухарест, 2005 г. Перевод И.Днестрянского.

«...Взятые в плен казаки и российские добровольцы рассказывали нам, что использованные в Тигине как «пушечное мясо», получали порцию водки или спирта, а потом их

оправляли в первые ряды атаки. ...Признания пленных говорят о ряде нарушений военных конвенций со стороны противника. Казаки и русские наемники вели себя как уголовники по отношению к раненым и пленникам. Их допрашивали и пытали, иногда избивая до потери сознания, если не говорили, то резали пальцы, руки, иногда пытали электрошоками и т.д. ... Молдавских военных и полицейских пытали, завязывали их на кресты и бросали в Днестр. ... Когда проигрывали бой, сепаратисты становились злыми и жестокими. На улицах кровоточили множество раненных бойцов, которые, вместо оказания первой помощи, получали по пуле в лоб...»

...Да чтоб попасть в плен, даже будучи раненым – ни у кого и в мыслях не возникало! Знали, попасться живым – себе дорожке выйдет. Вначале с изуверством попытают, как римляне первых христиан, а потом всё равно убьют. Вернувшийся как-то из Тирасполя Михайлов рассказал парням об увиденных в штабе ЧКВ фотографиях, сделанных ещё весной, на них растерзанные, распиленные на пилораме, разорванные бронетехникой на части казаки, попавшие в плен к «полицаям»...

Потому-то в нагрудном кармашке «камуфляжа» у каждого казака находилась граната Ф-1. Для себя. Казаки – люди православные, и самоубийство – грех великий. Но тут-то дело иное – не только себя чтоб, но и их покончить заодно...

Ю.Голотюк. «На юго-западном фронте без перемен». «Неделя», май 1992 года.

«Тем временем война делает противников всё более ожесточенными. «Как мы поступаем с пленными казаками? – удивленно переспрашивают меня на молдавской стороне. - Да мы их просто в плен не берем». Эту незамысловатую философию подтверждает и лозунг, начертанный на ОПОНовских баррикадах. Крупными буквами, так, чтобы его могли прочитать и с той стороны: «ПМР – не государство, а казак – не человек». Впрочем, переходив линию фронта и слышишь примерно то же самое. Жестокость порождает жестокость. На кровь отвечают ещё большей кровью. Это был безысходный замкнутый круг».

...Оборотная же сторона этой «медали» такова, что в ответ казаки «румын» в плен тоже не брали. Не брали принципиально. Ни волонтёров, ни полицейских. И уж снайперов особенно – эти вообще «вне конкурса». Таковы реалии, как говаривал последний советский генсек...

Возможно, кто-то и ныне, как и те перестроечные горлопаны-«демократы», завопит о нарушении Женевской конвенции, что, мол, подобные вещи именуют военными преступлениями. Да, принцип её незыблем: во время боёв между вооружёнными силами двух государств пленных военнослужащих расстреливать запрещено. Но это – применительно к «правильной» войне. Здесь же – «неправильная», «странная»: тут тебе и иностранная интервенция, и гражданская, неонацизмом, и... вообще непонятно что. Главное же – «та сторона» принесла неисчислимые бедствия ...своему же народу! Тех, кто был на «той стороне» с оружием в руках, приднестровцы не без оснований считали не только врагами, впитавшими в себя новую местечковую форму человеконенавистнической фашистской идеологии – молдовенизм, или пришедшими по разным «шкурным» причинам в услужение ему, в большей мере они рассматривали их как ...предателей – предателей Родины. Так что, шлёпали этих так называемых «мулей» и «румын» в полном соответствии с Женевской конвенцией, которая на предателей, всецело ответственных за преступления против своего же народа – сограждан ещё совсем недавно огромной и единой страны – своих положений не распространяет.

Конечно, казаки этого не афишировали, но особо и не скрывали. Бывало, в бою добивали и раненых – слышали о таком. А что с ними надо было делать? Вылечить и через ООНовских наблюдателей передать «той стороне»? Чтоб после всего, что совершили, эти нелюди продолжали наслаждаться жизнью? Или, в одночасье став «героями», прошедшими «тираспольские застенки», опять взяли в руки оружие и вернулись в Бендеры? Нет уж – фиг им!

...И как была удивлена вся сотня, когда после одного боя привели пленного полицейского – совсем молодой парень. Впрочем, пленный – это несколько неточно. Говорили, сам сдался, при этом магазин его автомата был полный, и ствол в масле... Так уж и быть – живи, но в контрразведку его всё же передали. Слышали, что в каком-то из подразделений наших соседей слева – гвардейцев батальона Ю.Костенко воюет перебежчик «с той стороны»...

И. Днестрянский. «Рожденные в Р.С.С.С.» WWW. ArtOfWar. RU.

«...В роте Горбатова есть даже перебежчик от молдаван - русский парень Юрик, которого все кличут Юран. Пятнадцатого июня его вызвали в военкомат, и он, по простоте душевной, пришел. Под угрозой тюрьмы, держа за руки и толкая в спину, его замели в национальную армию, три дня продержали на огороженном колючей проволокой с часовыми плацу, и девятнадцатого числа послали в Бендеры. Двадцать второго июня он с оружием перебежал к нам. Автомат Юрану вернули. Оказанное ему доверие он уже много раз оправдал».

...А вот уж кого были просто обязаны взять живьем, так это настоящих румын: военных инструкторов, советников и волонтеров из Румынии. Понимали: это дело политически важное. Сколько бы после этого было шума – ого-го-о!.. Слышали, что доказательства непосредственного участия в боях румын находили, и неоднократно. Как-то тираспольским ополченцам, что стояли где-то за кинотеатром «Дружба», в одном из боёв попал на мушку такой – шлёпнули. После боя забрали его оружие: румынский «калаш» и диковинку – итальянский автоматический пистолет «Беретта», обшарили труп. И поняли: был этот покойничек румыном! Потому как нашли удостоверение военного советника, письмо латиницей из дома от его мамы, а на конверте штампель – «Букурешти»! В кармане лежало и его неоконченное письмо: «...Как я устал в этой варварской стране! Когда становится совсем противно, вспоминаю наш Бухарест – культурный город, против которого здешняя столица – деревня. И народ здесь ленивый. Ничего не делают, но хотят получать много денег. При этом молдаване бескультурные, наглые, а крестьяне и солдаты не уважают офицера – господина. Когда Россия с Украиной совсем развалятся, мы заберём обратно свою Бессарабию, заставим их работать как следует, и вылечим от лени и глупости палкой. Мы победим, потому что русские трусливы и покорны. Везде совсем безопасно, а с трансднестрянскими мятежниками мы скоро справимся. И это хорошо, потому что земля здесь богатая. Я присмотрел нам несколько хороших земель, которые можно купить дешево, даже даром, после того как развалятся их колхозы. И другое хорошо: мне здесь действительно платят большие деньги. Я уже могу купить большой дом с землёй, но не хочу рисковать, и зачем платить больше, когда скоро возьму даром? И ещё есть люди, с которыми можно заработать ещё больше денег. Всё это весьма годится для нас, дорогая мама...».[*18].

Военные инструктора и волонтеры из Румынии были гораздо опаснее, чем молдавские полицейские, ОПОНовцы или местные националисты-волонтеры. Иногда они брали командование на себя – тогда жди большой пакости! Казаки вздыхали: вот бы самим живого румына взять, да с оружием в руках! Но такие что-то вот никак не попадались. Хотя однажды, где-то в середине июля, на улице Лазо, недалеко от штаба – и совершенно случайно! – задержали одного румына – настоящего!

В тот день Михайлов с двумя казаками-иркутянами находились в патруле. Особо проверялись гражданские. Во-первых, так вычислялись мародеры. И ещё: под видом мирных жителей на нашу сторону часто пробирались вражеские наблюдатели-корректировщики, которых здесь почему-то называли по-немецки беобахтерами. Это по их наводкам приднестровские позиции часто накрывали миномёты. К патрулю подошел Притула, и только заговорил, как обратили внимание на двух проходящих невдалеке мужчин. «Стойте! Ваши документы!» Один из них – житель Кишинёва, хирург, русский, предъявил паспорт гражданина СССР, а другой – невиданную доселе иркутянам «корочку» на латинице, где разобрали лишь одно знакомое слово – «Romania», и на фото он ...в военной форме! Во удача!!! Но... Отнести

его к военным можно было с большой натяжкой – оказался военным врачом армии Румынии. В контрразведку их всё же сдали – так, на всякий случай.

*Из сообщений, переданных горожанами в штаб обороны г. Бендеры. 28 июня 1992 г.
...«05.55. В районе кинотеатра «Дружба» сосредоточились около двухсот человек из воинских формирований Молдовы.*

5.30. Начался артиллерийский обстрел района «Борисовка».

5.55. Из с.Фарладаны в Бендеры перебрасывается около двухсот ОПОНовцев и техника.

9.0. Со стороны с. Варница из стрелкового оружия обстреливается м/р-он «Северный».

11.30. С крыши овощного магазина в м/р-не «Ленинский» ведет огонь снайпер, с крыши девятиэтажного дома напротив бьет пулемет.

13.40. В котельную МЭЗа ОПОНовцы завезли ящики со взрывчаткой.

15.50. В доме на углу улиц Комсомольская и Академика Федорова около 30 полицейских заняли подвал.

15.55. С крыши городской библиотеки ведет огонь снайпер.

16.07. Возле домов №№ 203, 205, 207 окапываются подразделения Молдовы.

21.00. К кинопрокату прошел БТР с ОПОНовом и три крытых грузовика.

21.25. Из района кинопроката ведется минометный обстрел города.

*21.50. Из села Гиска сообщили, что в районе совхоза-техникума расположилась бронетехника ОПОНа, которую моют, на бортах пишут «ПМР» и вывешивают флаги ПМР»... [*1].*

Кроме формирований ПМР и казаков, в этой войне участвовали и добровольцы, - и много! - прибывшие в Приднестровье буквально со всех уголков бывшего Советского Союза. Это были не пресловутые наемники, как кричал «Месаджер» и вторящие ему всякие «московские новости» и «...комсомольцы»... Это те, для кого слово «Родина» – с большой буквы! В день приезда усть-илимской группы Тирасполь прощался с защитниками Бендер, погибшими в те первые трагические дни, среди них был Александр Недашковский – героический парень, казак-доброволец из Москвы.

Начальником штаба сотни, которой командовал Притула, был «Морпех» – кадровый офицер-капитан, начальник штаба батальона морской пехоты Балтийского флота из-под Калининграда, находившийся в очередном отпуске. Или вот у соседей – бендерских ополченцев, командиром был майор Владимир Суслов, «афганец», приехавший в Тирасполь с Дальнего Востока, где служил, в отпуск к родителям. Вечером 19 июня он пришел в штаб бригады Республиканской гвардии, предложил свою помощь. И уже 23-го числа возглавил батальон ополчения, вставший в Бендерах на Кишиневском направлении. Они надежно закрыли свой участок, несмотря на то, что в тылу у них была Варница. И стояли там до 29 июля, вплоть до приказа об отводе войск. И как подгадали, что в этот же день у Сусллова закончился отпуск... «Морпех» и Суслов были не одни - в других подразделениях, знали, тоже были отпускники-офицеры и российской, и украинской армий и флотов, по зову сердца пришедшие на помощь сражающемуся Приднестровью. Помощь их была бесценна!

В сотне «Миксера» было десятка три добровольцев - интернационал! Ион - молдаванин, приехавший на малую родину из Саратова, Юрчик – болгарин из Феодосии, Стас – поляк из Белоруссии, а сердечно привязанный к иркутянам, как к братьям, могучий хлопец с оторванным «румынской» пулей пальцем Толик Чалый – украинец из Запорожья, Сеня – один из разведчиков сотни – еврей из Одессы. Но, чем он гордился – православный. Слышали, что где-то в Бендерах против «румын» воевал, вроде бы, эстонец из Нарвы...

Среди добровольцев встречались просто уникамы. Например, «Иван Иваныч», как его звали – снайпер сотни – якут, охотник-промысловик. Лет тридцати, немногословный, надежный, доброжелательный и бесхитростный, но отнюдь не наивный. Таёжник, одним словом. Удивлял он вообще многим. Начиная с того, что приехал сюда со своим оружием – старинной

винтовкой-«трёхлинейкой». Да, с ней, родимой, мосинской, образца 1891-го дробь 30-го года! Как он провез её через две страны и три кордона? - вот в чем загадка! Винтовка была без «оптики», но у него что ни выстрел – в цель. «Румына» бил, как соболя или белку в тайге... Странно, но этот незнакомый ему южный город он «читал», как свежую, только что «отпечатанную» книгу тайги – ориентировался так легко, будто вырос не среди сопок Якутии, а здесь. Перед каждым своим выходом, повернув замусоленную бейсболку козырьком назад, повязывал на лоб поясок с молитвой *«Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...»*. «Работал» он в одиночку. Уходил перед рассветом, возвращался уже затемно. Бывало, не видели его и суток по двое. Иногда забирался в тыл к «румынам», там и «охотился». В сотне не помнили, чтоб хоть раз «Иван Иваныч» вернулся пустым...

Или вот «Поручик Голицын» - Михаил Георгиевич Устинов из Латвии. Якобы потомок древнего дворянского рода, ярый монархист и патриот-идеалист, командир и ...подчиненный в одном лице, им же «возрожденного 11-го Рижского драгунского полка». В сотню он прибыл с привезённым из-за тридевять земель довольно интересным российским флагом – казаки этот бело-сине-красный триколор со старым чёрным имперским орлом в углу полотнища вывешивали над каждым с боем отбитым у румын домом. «Поручик» был весьма интересным, образованным, незаурядным человеком - философ, поэт, бард. Кстати, это его песня-марш стала в Приднестровье своеобразным боевым казачьим гимном. Но... «их благородие» был у казаков объектом для постоянных шуток и «приколов». Потому как среди общей массы казаков он, интеллигент «до мозга костей» с поставленной речью и светскими манерами придворных офицеров лейб-гвардии Его императорского величества, резко выделялся. «Поручик» принципиально не носил «камуфляжку», а ходил в демаскирующей его форме офицера русской армии времён Александра III: чуть удлинённый китель с красной выпушкой и высоким воротником-«стоечкой», золотые погоны, фуражка с широким красным околышем и низкой тульей, всегда начищенные до блеска хромовые сапоги со шпорами – драгун, да и только! «... Только сабли на боку не хватает», - смеялись казаки. Но «драгунку» ему с лихвой заменили «Калашников» и пара «Мух»... Не смотря на странности, его всё же очень уважали. А как он пел! Помните фронтовое: *«Кто сказал, что надо бросить песню на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне!..»* Мощный баритон Поручика не резал слуха. Серенады, романсы белогвардейские песни... - заслушаешься! *«Не надо грустить, господа офицеры...»*, или *«Всё теперь против нас, будто мы и креста не носили...»* - медленно перебирая струны своей гитары, меланхолично-выразительным голосом пел он для боевых друзей.

- ...Душевная песня! Спой ещё, Поручик, - просили его. И если позволяла обстановка, он никогда не отказывался. И часто что-нибудь старинное и озорное - *«Что за ветер в степи молдаванской... И легко мне с душою цыганской танцевать, никого не любя»...* [*7].

Но что-то в нём, этом «латышском стрелке»-романтике, было и от уличного забияки. И воевал он – дай Бог каждому!

Одного интересного «кадра» Вадим заметил во взводе полусотни, что дислоцировалась за мебельной фабрикой. В синей донской фуражке с красным околышем, но на кокарду поверху была пришпиlena... «мертвая голова» - что-то подобное видел в книжке об истории русских ударных «батальонов смерти». Потом рассмотрел и его странную нашивку на рукаве «комбеза» - яркий разноцветный рыцарский щиток с готическими буквами «DON» - что это? После уж узнал об этом парне: мол, донской казак откуда-то из-под Воронежа, в Приднестровье воюет давно, ещё с первой «волной» прибыл. Говорили, что до одурения «болеет» историей «восточных легионов» в составе вермахта, особенно казачьих частей, воевавших в Отечественную против Красной Армии, свято веровавших, что воюют *«за освобождение России от жидов и комиссаров»*, и называвших ту войну Второй гражданской. Рассказывал, что написал об этом несколько статей, но, увы, не напечатали.

Встречались, чего скрывать, и просто дураки, коих, видимо, сжигала чахотка тщеславия. Наслышаны о таких изрядно. Некоторые приезжали сюда в надежде подзаработать, наивно полагая, что их тут ждут с распростёртыми объятиями и тугими кошельками. Такими были не только «добровольцы»-одиночки из гражданских, но и казаки. Ведь в начальный период

возрождения и становления казачества кто только ни хлынул в их ряды! Тут тебе и, так называемые, люмпен-«шариковы», и просто идиоты, «от большого ума» пришедшие «работать казаками». «Деклассированный элемент» - так, кажется, говорил наш «вечно живой...» А иркутский «батька» Меринов этому отребью дал ещё более краткую и точную характеристику: «комбедовцы». Да и бывших уголовников тогда хватало. Такая вот шваль и здесь объявлялась. Без разрешений и направлений от войсковых атаманов. И «без царя в голове». Хоть и были их единицы, но вреда казачеству принесли они много. И жителям Приднестровья тоже. Таких гнали отсюда и карали нещадно! Карали сами же казаки. По законам военного времени...

Были и авантюристы-«сорви-головы», эдакие искатели «экстрима» и приключений, считавшие себя чуть ли ни «Рэмбо»... Да, есть такой пласт мужеского народца. Ради чего воевать или погибнуть за что – для них, казалось, дело десятое.

Нечто подобным был, приданный группе «Филин», Гриня «Махно» с обалденной фамилией – Неходидомолодиц – мордастый парень с плотным объёмистым животиком, бесповоротно утратившим мускулатуру, но при этом, как ни странно, довольно-таки резвый. И, как оказалось, никакой он не запорожец – обычный хлопец из-под Кременчуга. Но и не обычный. Как о себе говорил: анархист по убеждению. Фанат батьки Махно. Про Нестора Ивановича он, наверное, знал всё, мог бы рассказывать о нём часами – и в книжки не заглядывай! Даже внешне – хоть длинными патлами, но он старался походить на своего кумира. В меру странный, несколько врун, да и с чувством юмора у него явно имелись проблемы. В поисках себя он старался казаться выше и лучше, чем на самом деле. Гриня, этот «перекати-поле» со славянско-националистическим душком, где и с кем только не побывал, пытаясь реализовать свои жизненные воззрения. Однажды, рассказывал, приболудился было даже к УНА-УНСО, но ушел от них – не то... Воевал «Махно» «безбашенно» и очень жестко, если не сказать жестоко. В бою, где, как он понял, всё, кроме малодушия, сходило с рук, не признавал ни Бога, ни дьявола. От некоторых его поступков, возможно, даже у Фантомаса встали бы волосы дыбом. И, казалось, Гриня просто жаждал в драку влезть да пострелять вдоволь! Видимо, как наркоман-вампир, раз глотнувший кровушки, он уже не мог остановиться... И всё с какой-то легковесностью, будто в «войнушку» играет, всё с какой-то напускной бравадой, якобы ему всё это привычно и ничегошеньки-то он не боится...

Но в группе у илимцев «Махно» всё же остался. Вернее, сами его оставили. «...Dura necessitous, - как сказал, блеснув латынью, Лекарев. - Жестокая необходимость». А вот нескольких казаков по разным причинам, тем паче, что и надобность в такой численности группы отпала, и ради слаженности – не только боевой, но и психологической – пришлось убрать. Даже одного иркутянина. «Миксер» этому, честно говоря, был только рад – людей на других позициях катастрофически не хватало, а группа Михайлова, как увидел, за это время уже довольно твердо «встала на ноги»...

И. Днестрянский. «Рожденные в Р.С.С.С.» WWW. ArtOfWar. RU.

«Приднестровские формирования были различны по происхождению, боевому опыту, и частями одной и той же среды, с общими мыслями, не являлись, и являться не могли. Да и вообще, тому суровому и неопределенному времени был присущ такой разбег личных мнений, что бок о бок часто воевали сторонники противоположных идей. Понять, как судьба свела их в одном окопе, у одного оконного проема, с направленным в одну сторону оружием в руках, можно было, лишь уловив их общее отношение к человеческой жизни, приверженность таким её глубинным ценностям, которые разделяющая людей и разъедающая мораль политика не смогла поколебать».

В боевых условиях, когда жизнь измеряется одной формулой: «жив – убит», где время течет быстро, и сама жизнь, кажется, спрессовывается – опыт приходит быстрее. Но просто так, со временем, он не давался. Конечно, уроки выживания на войне, преподанные им на «сборах» в Усть-Илимске, даром не прошли – добрым словом вспоминали они своего

«инструктора» Игоря, капитана спецназа. Но всё же, из-за своей неосторожности и непредусмотрительности парни несколько раз попадали в такие переделки, что сами потом дивились, как живыми вышли. Уже несколько позже к ним пришло осознание, что это была не пресловутая военная фортуна, а некая Сила, что оберегала их группу...

Первоначально их группу предназначили было для разведки – ого! – парни были не только поражены (не без гордости, конечно), но и, честно говоря, несколько озадачены. Отчего, мол, такое доверие, мы же не «профи»?.. Действительно, что они знали о разведке и разведчиках? Только то, что с детства было почерпнуто из книг, кинофильмов, а после из рассказов друзей-«афганцев»... Истинно узнали лишь со временем. Как ни странно прозвучит, но лихие рейды в тыл противника с захватами «языков», засадами на дорогах и налетами на вражеские штабы – это лишь маленькая толика работы разведчиков, от силы процентов пять, не больше. Остальные девяносто пять – рутинные ночные дозоры в предполье и лёжки в «секретах» под палящим солнцем, и монотонные наблюдения, наблюдения... Выходы в тыл? – какие, если сплошной линии фронта не существовало, и как таковое понятие тыла было весьма условно?..

Обстановка каждый день менялась. Честно говоря, на той войне, а тем паче в условиях города, обстановка менялась через каждые полсотни метров и четверть часа. Посему их группу, уже через пару дней укрупненную Притулой до 18 человек, не освобождая от основной задачи, стали бросать с участка на участок, как обычную «махру» – пехоту. Назвали её 4-ой штурмовой, и влили в состав 4-го взвода...

Свой первый бой Вадим просто не понял. От него осталось лишь чувство недоумения. Ощущение, будто всё происходило под тройной порцией анальгина – в полудрёме или в бреду, но не наяву: что-то грохотало, пунктиром пролетало мимо, брызнуло каменной крошкой... И почему-то абсолютно не было страшно. Говорят, крещение боем – как детская болезнь, и каждый ею перебаливает по-своему... Помня рассказы друзей-«афганцев» о каком-то особом понимании жизни, доступном лишь настоящим участникам боевых действий, где-то в глубине души он ожидал чего-то гораздо большего, значительного, меняющего и его самого, и весь мир вокруг. Тогда же решительно ничего не изменилось. Всё придёт чуть позже, со временем...

С. Скрипник, полковник Вооруженных сил Молдовы.

*«В последней декаде июня положение в зоне вооруженного конфликта оставалось сложным. Протяженность линии соприкосновения противоборствующих сторон увеличилась вдвое и достигла примерно 70 километров. Интенсивность боевых действий приобрела всё больший размах. Росло количество погибших и раненых военнослужащих. ... В эти дни (*в Бендерах) молдавская сторона теряла 10-15 человек убитыми, до 40-50 ранеными...».[*10].*

... Два дня подряд, продвигаясь в сторону Комсомольской, и подбирая под себя ключевые позиции румын, сотня выбивала их то из одного, то из другого дома или «общаги». Мало выбить – надо ещё удержать, да территорию близ «зачистить»! Уличный бой – это что-то вроде таёжного бурелома – не ведаешь, когда, с какого боку и что на тебя свалится. А здесь, в этой горячке – кто, где и откуда стреляет, где свои, где «румыны» – можно запросто нарваться и под шальную очередь кого-нибудь из своих. Всяко бывало.

Тот бой запомнился тем, что никогда настолько близко они ещё не были от противника – близкое дыхание смерти ощутили в прямом и переносном смысле.

...Залегли. Огляделись. Сизые кустики взрывов мин отбежали в сторону и исчезли. Земля горяча, душиста, такая желанная... «А как она пахнет! Раньше этого не замечал. Так бы вот лежал и нюхал её. И эту буйную изумрудную зелень вокруг, эти цветы...» После первого смешанного чувства страха, недоумения и желания схватиться с противником – некое успокоение... Слепяще-матовое солнце уже вскарабкалось в зенит, и оттуда, из безоблачного испепеленно-голубого неба, нещадно палит. Природа будто компенсирует этим сырую духоту прошедшей ночи и промозглую утреннюю прохладу. Жарко. Одежду хоть отжимай. Лицо запорошено пылью, по нему с трудом пробивают себе русло струйки липкого пота. Его не

успеваешь смахивать со лба, и капли жидкой соли с бровей щиплют глаза. Тяжело вздымается грудь: вдох-выдох, вдох-выдох – дышать трудно. Проклятая влажность! ...Тишина. На секунды.

– ...Вашу мать! Казаки вы или нет?! Вперед!..

Душная, пыльная тишина опять взорвалась – снова атака. Вперед! Пошли! Пошли!!!

...Бегущие зигзагами, припадающие, ныряющие за деревья, и вновь бегущие вперёд злые потные парни, стреляющие короткими, как кинжал, очередями. Но в воздухе висит несмолкаемый треск – казалось, что всё пространство было до отказа насыщено резкими звуками очередей и разрывов. Дребезжащее эхо, шлёпая по ушам, бешено носится меж домов. ...Вперед! Только вперёд!!! Надо во что бы то ни стало пересечь этот двор. Или хоть бы дотянуться до той, стоящей посреди двора, разбитой будки ТП-шки!

Короткими перебежками, постоянно меняя позиции, – у «румын» это явно создавало впечатление, что казаков больше, чем на самом деле, продвигались молча, без всяких там «комиссарских» призывов и криков «ура!» Правда, крики были, но иного плана: короткие команды, да парни, предупреждая друг друга, перекрикивались. Ну и, конечно, мат – без него в бою никак!.. «Вперёд! В атаку! За Родину!..» – сколько раз Вадим слышал подобное в кино, с экранов ТВ. ...И вот теперь – надо же! – и на нашу долю выпало. А крик «ура!», как он понял, был ведь вовсе не для подъёма боевого духа во время атаки, а скорее для выдавливания собственного ужаса!

Если вам кто-нибудь из «героев былых времён» скажет, что в бою не страшно – не верьте! Страшно. До такой степени, что, кажется, полностью теряешься в происходящем вокруг. Просто, в какой-то момент, несмотря на звенящие на пределе нервы, динамика боя захватывает, отодвигает страх в сторону. Вадим не понял когда, но смертельный страх, только что владевший всем его существом, куда-то улетучился, уступая место распирающей нутро холодной ярости, видимо, вызванной приливом адреналина, появилось некое подобие азарта – «*Есть упоение в бою!*..» – и, заметил, что не только у него.

Боковым, даже каким-то задним зрением Вадим видел, нет – скорее чувствовал, что вся группа рядом. Все? – он всё же оглянулся по сторонам – вроде все, держатся вместе. Вот Саня Ивахно бежит и бьёт длинными очередями, будто ставит перед собой защитную стену огня. Слева от Вадима Будунов – как всегда сосредоточен, но глаза нервно горят, двигаясь перебежками, стреляет короткими очередями. А Славка?.. «Боря! Где Славка?!» Будунов в ответ что-то крикнул, мотнув головой назад. Ах, ну да – где медику при атаке и положено быть – чуть позади, вон его по глаза надвинутая каска маячит. Рядом с ним неотступно Туманов – прикрывает, согласно приказа. Чуть в стороне и Иосиф, в перепачканном землёй просторном комбезе «берёзка», в каске набекрень, лицо мокрое...

Каски были не у всех. В группе илимских казаков их было только три: у «Брата», «Ляха» и «Лекаря». То, что касок катастрофически не хватало, это одно. Но главное – ну, не любили их казаки-черноморцы, и всё тут! И не только из-за того, что при столбике термометра за 40 раскаленная на солнце тяжелая матово-зелёная железяка казалась изобретением испанской инквизиции. Каску Славке отдали безоговорочно и чуть ли не в приказном порядке – голова «Лекаря», его знания и руки ценились «вне конкурса». По этому поводу, относительно себя, Славка отшутился народной мудростью: «Плевать – по миру ошпаренных гораздо меньше, нежели обмороженных». Да, в такую жару да без каски можно было запросто в черепушку заполучить такую вентиляцию!.. Но основной причиной того, что у многих казаков каски «не

*«История хрупка, хрупки и мира грани,
А домнулы за мир лишь на словах...
А мне убитым быть на поле брани,
От дома, в двух каких-нибудь шагах.*

*Меня убьют, возможно, на рассвете
И АКаэМ мой выскользнет из рук.
Он за меня был в эти дни в ответе,
Его я слушал сердца дробный стук.
Я чувствовал холодный блеск металла,
А он – тепло на спусковом крючке.
И смерть моя нас в чем-то уравнила –
Мы с ним лежали оба на земле.*

*Мой автомат в других руках забьётся,
И, может быть, ловчее, чем в моих.
Пусть он никогда не ошибётся
И никогда не выстрелит в своих...»*

М. Меньшиков, г. Тирасполь, 1992 г.

прижились», был шик, как дань героической традиции. Вспомните, как в годы Великой Отечественной перед броском в атаку моряки-черноморцы ещё в окопе снимали каску, и надевали милую сердцу «беску» – трепещите, фрицы, «черная смерть» идёт!.. Здесь аналогично: мол, коль увидят «румыны» полевые фуражки казаков, знай – пощады не жди! Один лишь этот страх бьёт по ним сильнее батареи!

...Недалеко, примостившись за стволом поваленного дерева, и выцеливая кого-то, из своего РПК долбит «Филиппок». Даст очередь, внесёт поправку, снова стреляет. Было видно, как каждая третья пуля, «трассер», чиркнув красной ниткой, исчезала в окнах «общаги». Вадим тоже старался бить короткими очередями, прицельно, но ...попадал ли – хрен его знает!

Кровь не то что шумит – бурлит в голове, давя на уши, пот уже не градом, а рекой по спине, заливаясь под ремень камуфляжа, и в правом боку что-то стало покалывать. Гранаты в карманах брюк от бега натёрли ляжки, а сдвинутый назад подсумок, набитый магазинами и пачками патронов уже изрядно настучал по заднице... Плевать – это всё потом!.. Пока же – вперёд! Да вон он, тот дом, недалеко уж!

Дымящая правым крылом «общага»-пятиэтажка из зияющих провалов окон часто трещала-сверкала будто огоньками сварки, с её плоской крыши тоже поливали очередями не скупясь. Чужие пули свистели по бокам и над головой рассерженными осами – жуть! – противно подвизгивая, рикошетили от асфальта и стен домов, на утопанной волейбольной площадке строчками взбивали пыль, с хрустом отстригая ветки, сочно чмокая, впивались в деревья...

И вновь резкие хлопающие взрывы артиллерийских мин!.. Вновь плюхнулись на землю. Многоголосые выкрики враз захлебнулись. Коварный, щемящий душу короткий минометный обстрел то прекращался, то опять... Взбивая пыль, и расшвыривая во все стороны комья земли, мины с недолетом ухали чуть впереди. Вадим приподнял голову: «...Слава Богу, чуток не добежали, а то наши кишки – как пить дать! – уже бы висели на проводах новогодними гирляндами. И не дай Бог, коль зашвырнут какую-нибудь мину с перелётом, и она заденет крону вот того дерева... – тут всех, как шапкой, осколками накроет, такой дуршлаг сделает!!! Пока будут вводить поправку – надо рывком вперёд...» Огляделся – ага, все рядом, недалеко. Кто за мусорным баком или под покореженной металлической детской горкой, высившейся посреди двора скелетом ископаемого динозавра, кто в канавку нырнул, другой – из-за дерева выглядывает, кто так лежит, распластался, вжался в сухую жесткую землю. Вроде, все живые! Только кто вон там, чуть впереди, кто-то лежит... неловко подвернувшись, намертво сжав цевьё своего автомата.

...И почувствовал, как опять предательски начал бить мандраж. Это нервное. Хочется растечься, подобно жидкому киселю, по этой утрамбованной пыльной земле, всосаться сквозь неё. «...Ой, мамочка, милая, услышь меня, и помолись – одной моей молитвы здесь мало!» Лежи тут и гадай: попадут – не попадут. Честно говоря, представив, как те осколки, свиста которых ты уже не услышишь, эти малюсенькие ошмётки металла с острыми, зазубренными краями будут рвать тело, твою плоть, дробить кости, проламывать череп – бр-р-р! Нервы на пределе, кажется, уже каждая клеточка тела приготовилась испытать жуткую боль. Во рту пересохло, появился привкус железа. Даже дыхание его стало медленным, чуть прерывистым, сейчас в полную силу работали только органы чувств. Кровь молоточками стучала в висках, сердце колотилось так, будто норовило протиснуться сквозь клетку ребер и выпрыгнуть из груди, заставляя этим заметно подрагивать пальцы и выбрасывая на взмокшую поясницу очередной табун холодных мурашек.

...И – а вдруг там ещё и снайпер?! Отстреляет нас сейчас, как вальдшнепов на охоте... Холодными змейками страха по бокам потекли струйки холодного, не такого как от физического труда, пота. Его ещё называют смертным. И говорят, что с ним приходит облегчение – то, что называется «заново родился» Может быть... но Вадим как-то не акцентировал на этом внимания. Лишь теперь он физически понял, что означает крылатое армейское выражение «очко сжалось» – внизу живота начало холодеть и стало пусто. Но это не трусость, просто нормальная реакция на ненормальные обстоятельства. Но всё равно страшно – только полный кретин может

рассушивать о бесстрашии и романтике войны!!! Вмиг перебрал в памяти все свои последние грехи, мысленно начал шептать: *«Господи, спаси...»*.

...Справа свист – это «Беня» дал знать: по второму свисту – все броском вперед!

«Беня» - Володя Бенешук – командир полусотни, в состав которой входил 4-й взвод, где и были обе группы иркутян. Это по армейскому укладу во взводе человек 25, а здесь – 40-45. В сотне же, как у «Миксера», не сто бойцов, а больше трехсот... У Притулы «Беня» упротосил-выторговал иркутян к себе - земляки всё же. Оказалось, что Володя многие годы прожил в Иркутске, там же одним из первых пришел к «батьке» Меринову и, как родовой казак, восстановился в сословии. В Тирасполе же, где могилы его предков, живет почти год, до войны занимался коммерцией. Внешне он грузный, но на удивление резвый, весь как на шарнирах. И силы в нём, успели заметить, как у штангиста. Располагающий к себе, но в то же время за кажущейся мягкостью – твердый характер. Даже обыкновенная его просьба воспринималась казаками, как приказ, как закон. Он не профессионал-военный, его талант командира – от Бога. В бою он замечает всё вокруг, анализирует и непрерывно прокачивает все его варианты. Володя не только знал своё дело, но и переживал за всех и каждого. Казаки знали, что «Беня» всегда там, где тяжелее всего. Каждая потеря отзывалась в его душе ноющей раной. Это уже после боя кто-то из казаков-новичков скажет: - Да, братцы, с таким командиром можно в любой бой идти!

...И вот он - свист!

- Славяне! С Богом!!! – прокричал командир.

Автомат в правой руке, руки резко под себя, ноги подтянул – рефлекс, привитые «афганцем» Игорем на предвоенных сборах сработали, тело Вадима привычно сгруппировалось. «Ну, пошли! *Господи, спаси мя, сохрани нас, грешных!* Вперёд!» ...Сбоку в полуметре строчка из пуль прочертила пыльный след. «Мимо! ...Вперёд!!!»

Будто подброшенные пружиной, казаки – броском вперёд. Без всякого «ура». Перебежками от дерева к дереву, по ярким цветам и веткам, сбритым осколками и автоматными очередями, закладывая на бегу хитрые зигзаги, в надежде сбить прицел вражьи стрелкам... Но только вперед! Уже рядом!.. Выдержали бы нервы. Самое желанное сейчас – увидеть врага, навязать ему ближний бой, тогда будет понятно кто где. Да и мины тогда хоть перестанут сыпать.

Откуда-то из-за спины с характерным хлопком, шипанув и мелькнув распушенным огненным хвостом, к дверям обороняемого румынами здания рванул гранатометный выстрел. Попал!!! Грохот при взрыве был не так силен, но пылающий раскаленной плазмой клубок, вонзившись в забаррикадированную дверь, весьма эффектно в клочья разнес её, взрывной волной вышвырнув наружу щепки...

...Из-за дома, что стоял справа, к торцу «общаги» с фланга уже прорвалась другая группа – там, неистово нарастая, дробно сыпались автоматные очереди. По слуху можно было определить, что били в упор, потому что длинными, безостановочными очередями. Такими очередями не то что бой ведут – будто расстреливают. Ближний бой! Ох, и крепко же там сцепились! Это и помогло остальным...

«...Падет от страны твоя тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приблизится: обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников узриши...»

...Бой уже внутри. Не бой – грохочущая карусель! Сознание не успевало анализировать происходящее – адреналин бушевал, вбрасывал в мозг лишь впечатывавшуюся череду картинок. Перед глазами всё мелькало, как в крутой компьютерной «стрелялке» - сориентироваться трудно. Всюду мерцающие вспышки дульного пламени. ...Вдох, выдох, и кровь стучит в ушах, уже изрядно забитых стрекочущим грохотом, отчего, будто вытрясая его, произвольно трясешь головой.

Несколько секунд и, обработав первый лестничный пролёт – парни уже на втором этаже. Другие с боем стали прорываться выше. Первые, после взрывов зашвырнутых вправо-влево гранат, поливая огнем из автоматов, уже нырнули в коридор, раскинувшийся неровной буквой «Т». Вслед, пригнувшись, ввалились остальные.

...Им достался короткий коридорчик. Вдоль него справа и слева выходило несколько дверей. Из комнаты, что справа, по стене рядом с ними веером брызнула очередь. Над головами с присвистом разъяренных тупорылых шершней пронеслись пули. «...Вот только рикошетов нам тут не хватало!!!» - Вадим с ужасом представил последствия. – «Это же 5,45!!!..»

- ...Прикрою! – и по дверям да вдоль коридора ударила очередь, затем другая.

- В сторону!!! – рывкнул кто-то сзади, и тут же увидели, как из-за спины в коридор влетели две гранаты. Успели лишь отскочить – ж-жа-а-хнуло! По ушам ударило и со звоном заложило – забыл открыть рот, из коридора дунуло пылью и горячей кислотой...

Да, тактика тут была невероятно примитивной – кто первым шархнет из-за угла, тот и жив, а кто не спрятался – чур, не виноват. Даже если осколки и не достанут, в чём можно было усомниться, всё равно те, кто был в комнате, познакомятся с тем, что называется избыточным давлением при взрыве. Ну, а ежели это будет граната Ф-1, а не «хлопушка» РГД-5 – она там таких дел натворит! – как «взрослая» мина.

...Взрывы гранат, беготня по коридорам, этажам, автоматная трескотня, звон стекла, крики и ругань! Сквозь грохот автоматов Вадим слышал тяжелое дыхание парней. Да и у него самого с дыхалкой было тяжело – воздух загажен капитально. Короткая, буквально на миг тишина. ...И снова оглушительная пальба внутри гулкого здания, топот над головой, крики, мат-перемат!.. Уф-ф... - духотища! Мало этого, так ещё и в другом крыле «общаги», давя на горло, что-то прогоркло чадило...

Цевьё автомата в такт выстрелам коротко бьется на пылающей ладони Вадима – вчера в горячке боя нечаянно схватился за ствол – в момент вздулись и лопнули мозоли. После этого, уже на «базе», обработал болячки пихтовым маслом, перебинтовал, а в бытовке нашел защиту – старые дерматиновые перчатки, наделал в них дырок и обрезал пальцы. И всё равно в этих перчатках руки вспотели, бинт сполз, и обожженная ладонь сейчас саднит. Камуфляжка уже напрочь прилипла к спине, по бокам текут струйки пота, отчего хэбэшная куртка кажется холодной и колючей. От непрерывного грохота в ушах стоит звон, пыль запылила глаза и неприятно хрустит на зубах...

«Общага» трещала и грохотала – «румыны» сопротивлялись отчаянно и жестко. Но недолго – не выдержали. Устроив серию взрывов в лестничных пролётах, большинство их из дома отступило – через окна и по балконам, оставив на этажах нескольких своих убитых. Но наверху кто-то из более стойких ещё огрызнулся, видимо, те, кто для себя уже всё решил...

«Румыны» - это ведь не только прорумынски настроенные молдаване, наверняка, что среди ОПОНовцев здесь есть и русские. И это ужасно – ведь одной национальности, и жили в одной стране, и мы и они были пионерами и комсомольцами, и фильмы смотрели, и книги читали одни и те же. Стойкость и мужество воспитывали в нас на примерах одних героев... И тут вдруг – горбачевское «новое политическое мьшление», и – вот тебе!.. - эта мысль никогда не покидала Михайлова. - В одной же армии – Советской – служили, и ведь одну присягу принимали!.. *«Если же я нарушу эту торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара... всеобщая ненависть и презрение ... народа»*. Предатели! Получайте, гады!!!»

Казаки старательно «зачищали» «общагу» – комнату за комнатой. Схема простая: сорвал чеку, сбоку удар по двери ногой – и гранату в комнату. Из-за косяка. Присел. Взрыв – и туда же, в туманную смесь пыли и тротиловой гари, веером длинную очередь. Только магазины меняй.

...Следующий этаж. Опять короткий коридорчик. Прикрывая друг друга, непрерывно сканируя пространство стволами автоматов, и осторожно ступая, «Шатун», «Филин» и «Лекарь» медленно продвигались по этому «аппендиксу». «На всякий пожарный» закинули в пару комнат по «эРГэДэшке». Но там было пусто.

Вдруг с другого края коридора раздался истошный вопль, и на чисто русском языке, без акцента: – Братцы!.. Помилуйте!!! Братцы! Бес попутал!.. – «Русский, видимо... Из тех, кому всё равно, в кого стрелять...» – Не надо-а-а!!! – «...свою шкуру спасая, или зарабатывая... Опять, значит, русский... – треснула короткая очередь! – ...был».

По коридору к выходу, на ходу меняя магазины, спешно шли казаки:█

- Всё, здесь чисто! Пошли дальше...

...Казалось, что и здесь, в этом углу, тоже всё чисто. Но вот тут-то и «нарисовалось» то странное чувство, которое азартные охотники называют шестым – или что-то услышали? – в конце коридора, в комнатухе за поворотом, явно кто-то был...

- Что там?.. – и, не дожидаясь ответа, кто-то из подскочивших бендерских казаков, рванув чеку, швырнул гранату в сторону поворота. Известно, что угол падения равен углу отражения, но как он рассчитал – загадка: «ЭФка», ударившись о стену, рикошетом влетела за угол. ... Долбануло! Да ещё как!!! Даже стены колыхнулись. И по ушам опять врзало – не помог и приоткрытый рот. Вместе с частью визгливо рубанувших стену осколков в коридор вылетело белёсое облако пыли и кислого дыма. Вадим с Борисом, полуоглушенные звоном в ушах, сидя на корточках и втянув голову в плечи, ещё прижимались к стене, когда тот казак резко прыгнул вперёд и уже в прыжке, словно нож-выкидушка, выпрямился, боком шлёпнулся на пол, с шурушанием скользнув по кирпично-известковому крошеву, выбросил вперёд ствол и дал из своего АКаэМа одуряющее громкую длинную очередь...

- Порядок, – только и сказал он, встав на ноги и пару раз хлопнув рукой по бочине своего донельзя перепачканного комбеза. И как ни в чем не бывало, перестегнув спаренный магазин, побежал к выходу, догонять своих...

Парни заглянули за угол. На входе в комнату, покачиваясь, валялась каска с белой полосой. Пол завален кусками штукатурки. Толстый слой пыли, она ещё кружит, оседает. Стены выщерблены, посечены и... в багровых набрызгах! А среди вдребезги разбитой мебели и перевёрнутых стульев у стены лежало тело. ...Будто сломанное, в нелепой позе. Разорванное, нашипованное осколками. ...В лужице ещё подтекающей крови ...и какой-то желтеющей слизи. Голова, что месиво. Лица не видно... Всё это взгляд Вадима отметил в сознании за какие-то секунды. А дальше... – резким контрастом: через разодранный, уже бурый, пропитавшийся кровью комбез, из спины торчала вывороченная осколками какая-то острая как шип, сахарно-белая ...кость! И одна нога... – она мелко дрожала!!!

Вот с этим его психика справиться не смогла – дала резкую «отмашку» организму – комок тошноты резко подкатил к горлу, Вадим спиной ринулся назад, и успел лишь повернуться, как его начало рвать. Выворачивало наизнанку так, что, казалось, глаза выдавливало, кровь пульсировала в голове, разрывая голову на части. Долго не мог отдышаться, прийти в себя, во рту стояла горечь. Заметил, что и парням, выскочившим вслед, от увиденного тоже поплохело.

- Ничего, Вадим, со всяким бывает. Мы сами-то еле сдержались. Это даже не нервы...

- Ага, съел, наверно, что-то не то. Несварение... - отплёвываясь горечью, попытался сострить Вадим. На что Славка глубокомысленно ответил:

- Да нет, паря – это война. А она не переваривается. ...Ни в каком виде.

Почему-то потом, после всех пережитых и виденных ими ужасов войны, даже спустя годы, жутким ознобом из памяти Вадима будут всплывать именно эта, мелко дрожащая нога и та, торчащая среди крови, белая, неправдоподобно белая кость...

И. Днестрянский. «Рожденные в Р.С.С.С.» WWW. ArtOfWar. RU.

«...И не каждый убитый солдат противника своей смертью приносит нам удовлетворение. Как было бы просто, если бы каждый убитый или покалеченный с «той» стороны непременно был националистом, или хотя бы простым негодяем. Но стало понемногу открываться, что у мулей не все негодяи, националисты и мародёры. Много внутренне порядочных подневольных крестьян, призванных насильно через военкоматы. Часть кадровых, ещё с советского времени военных воюют не за идею, а по безнадёге, чтобы остаться на службе, без которой не на что будет кормить семью. В общем-то, ни тех, ни других мне тоже не жалко. Когда приходит момент, каждый человек должен уметь сделать выбор, а они этого не сумели. Но их смерть лишена смысла, как для Приднестровья, так и для Молдовы. Это просто вырванные из поля жизни достаточно здоровые ростки. Вырванные только потому, что в Кишинёве к власти пришли националисты».

На какое-то время наступила тишина. Неожиданная и гнетущая. Только где-то на этажах был слышан гулкий топот. Поддуваемый сквозняком, по коридору полз сизый дым – в левом крыле «общаги» что-то противно чадающее запылало ещё пуше...

- А-а, вы здесь... - услышали позади себя парни, только начавшие приходить в себя. Дёрнув стволами, оглянулись – из-за угла выходил Ивахно. Сплюнув, они аж матюгнулись. Сколько раз многие так шугались – никак не могли привыкнуть к его тихой кошачьей поступи. Но чему удивляться – родился, вырос и живёт в тайге, охотник.

- Как у вас?.. – спросил Сашка, заглянул за их спины в комнатушку, и отшатнувшись, сморщился – и его тоже чуть не вытошнило. От увиденного или от запаха. Из комнатушки несло кислятиной сгоревшего пороха и тротила. И ещё очень противно пахло парной кровью и ...разорванными внутренностями. В бою запахов не ощущаешь, но в затишье от них хочется блевать. И поверьте – сдержаться трудно. Но, может быть, и не только от них, но и от избытка адреналина. Да, собственно, какая разница от чего? Всё равно, было всё ещё муторно и колени предательски дрожали. А что до эмоций по поводу лежащего здесь «румына» - когда умирают те, кто пришел убивать, кто и тебя хотел убить, душевного дискомфорта как-то особо не испытывали. Не испытали даже при открытии личного счета!..

А. Мунтяну, полковник НА РМ. «Жертвоприношение и предательство. Война на разделение Республики Молдова (1990 - 1992)». Изд.: Румыния, Бухарест, 2005 г.

«...В Тигине, в уличных боях, уничтоженный пулями врага, погиб Сергей Кулацки, зять бесстрашного командира БПСН, который для Сергея был и отцом и командиром. «Он был хорошим парнем, отважным, преданным, доверял своим командирам и товарищам; уверенным в легальность борьбы, я не мог не разрешить ему пойти в разведку или на опасные задания», - вспоминает со слезами на глазах генерал Антон Гэмурар».

...Вдруг снова началась неистовая стрельба. На этажах и с улицы тоже. В стену, коротко подсвистнув, с чмоканьем впилося несколько пуль, влетевших через вышибленное окно. Казаки, втянув головы, в момент присели.

- Очухались, гады! Давай вниз!!! – крикнул Будунов, пристраиваясь с автоматом у оконного проёма.

- Славка! С Борей останься, – уже выбегая в коридор, Вадим придержал «Лекаря». Потому как его работа, пожалуй, самая нужная, будет потом...

Оборонять отбитое здание только изнутри – это значит позволить «румынам» перехватить инициативу. Захватят ключевые точки вблизи, подтянут силы, и... Потому-то и надо было контратаковать. «Мы не отбиваться должны, а бить!» - сказал как-то Бенещук.

- ...Со всех сторон попёрли. Уже вон из-за того желтого дома бьют, рядом! - на лестнице их догнали несколько черноморцев и иркутян, с ними и Смолин.

- Как у вас, Влад?.. – оказавшись рядом, на бегу спросил Михайлов.

- Иркутяне вроде все целы... Но у нас Юрку убили. Парни видели. ...И Иона тоже. Из пятого взвода они, с вокзала... - чуть запыхавшись, ответил он.

- Может, ранены? – неуверенно, будто выдохнув, спросил кто-то из бегущих рядом.

- Не!.. Чистый «груз-двухсотка»... - чуть ли не прокричал Смолин, уже вылетая на улицу.

«...К русским зарницам через границу

Вновь понесли ребятишек домой»...

Казаки выскочили во двор – пулевой веер туго разорвал воздух над их головами! – резко пригнулись, и на ходу разбившись на боевые двойки, страхуя друг друга, побежали, оглябая дом. С неприятным присвистом, у их ног взметнулись острые, как иглы, пыльные фонтанчики. Откуда-то из-за угла «сталинки» какой-то чёртов «румын», видимо, из «ручника» настырно продолжал палить и палить, не давая поднять головы. Да и подступившие «романешты» время от времени, видимо, покуда собирались с мыслями, нервно шмаляли короткими с двух сторон. Эх, отогнать бы их подальше!..

Да, парней засекали. Асфальт закипел, залохматился от ливня пуль. Словно невидимая, свистящая борона с грохотом и щелканьем волочилась, неслась по улице. Залегли... «Откуда же ты, гад, бьёшь-то?».

- ...Давай, ребята, с двух сторон! Вадим! Дядя Вася! Прикройте нас!!! Друженько, разом!.. И-и-эх-ма!..

Пригнувшись под огнем, Смолин отчаянно бросился через улицу, и петлял так – заяц бы позавидовал. В помощь ему разом длинными очередями ударили несколько автоматов. За Владом по двое и врассыпную кинулись и другие. Рванули так, будто это был их последний забег. А ведь действительно мог стать последним...

Вадим, уже после боя вспоминая тот забег, ухмыльнувшись сказал: - Мне кажется, так быстро я даже стометровку в училище не бегал – в глазах красные круги, и язык на плече... – Но это и понятно – от жары и жуткого напряжения.

Разбежались высматривать того «румына», так ловко менявшего позиции, залегли.

- Ох, казачков опять положили... ох, и положили! - не отрывая прищура глаз от прицела и коротко посылая очередь за очередью, сокрушенно, с ходящими желваками, проговорил пожилой казак-тираспольчанин, лежащий рядом с Вадимом в небольшой канавке - «дядя Вася». Черноморский казак Василий Корабельников. Отец «Огонька». Когда он узнал о гибели своего Серёжки, то пришел в штаб ЧКВ, безоговорочно потребовал оружие и отправить его в Бендеры. В ту сотню, где воевал его сын. На его место. Притула определил Корабельникова-старшего в полусотню Бенещука, ближе к иркутянам. С кем вместе последние дни воевал Сергей. Вместе с иркутянином Олегом Халтуриным он и погиб. Погибли, пытаясь спасти, заслонить друг друга. Как брат брата. Так рядом, до сих пор не погребенными, они и лежат на том, прожженном солнцем, насквозь простреливаемом «румынами», пустыре. Породнившись кровью и самой смертью... «Какой же я вам «дядя»?..- говорил «дядя Вася» казакам-иркутянам, не скрывая наворачнувшихся слёз. - Вы же все сыны мои. Вон сколь ныне братьев у моего Серёжки!».

...Есть мудрая народная пословица: «Самое длинное путешествие начинается с первого шага». Жизненное путешествие Серёжки Корабельникова оказалось очень коротким. Но достойным! Ему было всего 20, когда этот путь оборвался.

Если бы в тот год Сергею предложили написать свою автобиографию, то для него, наверняка, такое задание было бы очень даже непростым. Ну и в самом деле, откуда бы у него взялась эта биография? Родился в 1971-м – спокойное время, без особых политических потрясений и каких-либо межнациональных распрей. Учился на «отлично», так что после окончания школы без особого труда поступил в Кишиневский университет. Но вынужден был бросить учебу – в то время полным цветом уже взошли ростки национал-молдовенизма. Среди непокорных «оккупантов» оказался и студент Корабельников. Потом призвали на срочную службу – прошёл через «горячие точки»: Грузию и Нагорный Карабах. Демобилизовавшись, собрался поступать в только что открывшийся Приднестровский университет на факультет программирования и информатизации. Но тут началась война...

Вот и всё. Впрочем, жил такой парень. Говорят, даже влюбиться не успел.

Но была в его характере одна черта: всё, что он делал, то, как правило, по уму. Хорошо, прочно, надёжно. И ещё – был человеком большой души. Души с большой буквы. Для всех. Друзей – хоть отбавляй. И в памяти их он будет жить вечно!

«Мой сын – потомственный казак». Днестровская правда», 9 октября 1993 г.

«...Всего 20 лет отмерила судьба моему сыну. Но он прожил их честно, достойно. И если бы у него были жена, дети, они могли бы гордиться его наградами: орденом «За веру, волю и Отечество», крестом «За оборону Приднестровья», медалью «Защитнику Приднестровья». Но, увы, Серёжа не успел жениться. Его награды переданы моему меньшему сыну, Серёжкиному братишке, с правом ношения.

Я всё время думаю, почему так случилось? И сама себе отвечаю: «Не мог Сережа прожить иначе», потому что он из казачьего рода. Кучерявцевы – коренные жители

Тирасполя, каша корни «верных казаков черноморских» уходят в глубь истории. Серёжкин прадедушка по маминей линии Павел Степанович Кучерявцев прожил тяжёлую жизнь, был репрессирован, прошёл сталинские лагеря и тюрьмы. Серёжина бабушка Кучерявцева Любовь Павловна в 1941 году в свои 17 лет, с висящим на ней позорным сталинским клеймом дочери врага народа, не задумываясь, ушла на фронт. Всю войну не подавала о себе вестей, а в 1945 году вернулась домой со множеством воинских наград. Дедушка по отцовской линии Корабельников Лаврентий – потомственный донской казак, а бабушка Корабельникова Анастасия – из терских казачек. И, наконец, Серёжин отец, мой муж – черноморский казак, тоже воевал в Бендерах.

Так мог ли Серёжа остаться в стороне, когда его родной земле угрожала опасность? Нет! Видно, такова его казачья участь – отдать жизнь за свободу и независимость родного края. Пусть будет ему земля пухом.

Лариса Владимировна Кучерявцева, мама Серёжи Корабельникова.

...Бой продолжался, грохот его значительно возрос. Частые взрывы гранат и интенсивная автоматнo-пулемётная стрельба прибавились откуда-то спереди и слева. Это на улице Кавриаго или Первомайской вступили в бой гвардейцы, а может быть, и их соседи – рота парканских ополченцев. Ополченцы из Паркан – это, в основном, братушки-болгары. Серьёзные мужики. Сражаются и стоят насмерть. Знают, если не удержат Бендеры – погибнет и их село, их семьи, весь их род. Их видно сразу – все крепкие, кряжистые, как на подбор, и у многих на лоб повязан православный охранный пояс «Живый в помощи». Это значит, что кто-то в их роду погиб.

...А потом вдруг всё закончилось – тот бой стих. Не рвались больше вокруг гранаты и мины с их, завывавшими злыми шершнями осколками, перестали свистеть пули. Получив «по полной программе», и смирившись с потерей не только дома, но, считай, почти половины квартала, «румыны» успокоились. В прогорклом от оседавшей копоти доме можно было на время укрыться, передохнуть. Казаки, глядя друг на друга, немного поржали – были чумазыми и грязными, ну прям как негры-механизаторы! И накатила усталость – словно мешком с цементом придавило.

Вышедшие из подвалов и убежищ, во дворе стали появляться жители. Вскоре они принесли еды, вина, воды, чистые простыни на бинты...

Закурили. Пачка вонючих молдавских сигарет «Дойна» «расстрелялась» вмиг. Ах, какой же вкусной оказалась после боя та сигарета – более восхитительного вкуса и не припомнить! Эх, а если б сюда сейчас хоть глоток холоденького пивка, родного «Жигулёвского», отдающего хмелем и солодом, да из запотевшей бутылочки!.. Но за неимением такового, была за счастье и пущенная по кругу чья-то пластиковая фляжка с тёплым молдавским бренди – благодатная, ароматная и чуть терпкая влага благородного напитка растекается по сухому рту, льётся в ободранное калёным, прогорклым воздухом горло – ...хлопцы, жить можно!

Пальцы и сигарета в них заметно дрожали. Предательски дрожало и правое колено Вадима, это не могла скрыть даже широкая штанина его камуфляжки. Чуть-чуть постукивали зубы. И вообще всего немного потряхивало. Но это ничего – привычный мандраж после боя – усталость и нервы...

- Виталя, а ты что, куришь?! Я что-то раньше и не замечал... – подметив, искренне удивился Малых, попыхивая своей неизменной трубкой, которую местные казаки по-южнорусски традиционно называли люлькой.

- А вот, «замечательный» ты наш, приеду домой – враз брошу... – пробурчал в ответ Туманов, беря протянутую ему фляжку.

- Да, будь ласкiв, здоровья и Бога ради. Главное, к коньячку, и аль что покрепче, не шибко привыкни, – хихикнув, парировал Толик, видя, как тот приложился к горлышку фляжки, делая большие глотки. – ...Да чтоб дома лишь в компании, и не пьянства ради, а здоровья для!

После боя некоторые были в состоянии, которое трудно назвать нормальным, адекватным. Улыбки, смех – это нервы «оттягивались». Потому, несколько дурачась и «прикалываясь», казаки стали наперебой вспоминать, казалось бы, смешные эпизоды минувшего боя.

- ...У меня все «рожки» порожние, лежу на боку, набиваю один из пачки, вижу, как тот «румын» вскочил, и удирать со всех ног! - блестя зубами во всю ширь своего чумазого лица, рассказывал молодой тираспольский казак Гена, имевший соответствующую кличку Крокодил. Ох, и шепутной же хлопец! – Я чуть ли не кричу Толику: «Бей! Ведь уйдёт же!». А он, уже прицелившись и ведя на мушке, еле слышно говорит «румыну», будто тот слышит: «Зачем же ты так бежишь? Ведь устанешь. Так и помрёшь, уставшим...» Ха-ха – юморист! И – та-тах по нему короткой... – есть! – того, как кувалдой, аж в сторону отшвырнуло!..

Кто-то, с улыбкой слушая весь этот трёп, «зализывался» – в горячке боя мало что чувствуешь, а после видишь, что у тебя сбитые колени, расцарапано плечо, до крови содраны руки, костяшки пальцев...

- ...«Кулачок» чуть сзади меня бежал, а я только за угол, и вот он – «румын»! Вдоль стены мне навстречу летит. Я на курок, а автомат – щёлк! ...Пустой, мля! Секунда, и – скачком я опять за угол! Чуть Сашку с ног не сбил, - стал рассказывать разгоряченный боем Смолин. - ...Во, мля, чуть не влип – не заметил, как патроны кончились! За пару секунд вставляю новый магазин, прежний просто под ноги упал, ...дёрнул затвор!.. Буквально миг на оценку ситуации: справа асфальт – укрыться негде, но ведь и «румыну» тоже негде – там тоже везде только асфальт да трава!.. Сашка рядом с автоматом наизготовку распластался у стены, спрашивает: «Что там?». «Румын», - говорю ему. - Держи угол. Прикрой». И тут из-за угла: «Э-э-э!.. Ты кто? Эй, слышишь?..». Мы с Саней аж опупели от такого любопытства! А этот всё кричит да спрашивает: «Ты кто такой?..». ...Да где ж он, думаю, там? Достаяю то Наташкино зеркальце, и аккуратно так пальчиками высовываю его за угол. «Ага, вот!..», - заметил я его. Метрах в двадцати от угла стоял, из-за небольшого выступа стены выглядывал, автомат – на угол под прицел... «Э-э!.. - опять кричит. - Ты чё там блестяшь? А ну выходи!». «Ага, счас-с! Разбежался уже...» - Когда Смолину хотелось съязвить, он всегда говорил «счас», чуть растягивая первое «с» и как бы произнося его с твердым знаком.

- Я сзади его стоял, - перебив Влада, продолжил его рассказ Кулаков, - сам весь «на измене», а он спокойненько так достал гранату, вынул из «эФки» чеку, и, не выглядывая, плавным движением – за угол её!.. «Э-э! – слышим, - ты чё там бро...?» Ба-бах!!! – рванула, милая!.. Выглядываем – всё, отчёкался, Аника-воин хренов. Влад у него хоть магазинами да патронами 7,62 для своей «дур-машинки» разжился. Обшарил я его – только красный «военник» в кармане, а автомат – с ручкой на цевье – румынский, и каску с белой полосой я «Бене» отдал. ...Видимо, только недавно на «вахту» приехал, а тут бой!.. Может, вообще его первый. «Комбез»-то на нём совсем свежий был. Впрочем, неопытный, абсолютно «сырой». Одним словом – «манекен». Хоть и не пацан уже, но растерялся, наверно. От того и загремел в «земотдел». Волонтер это был. Из Фарладан....

Про фарладанских волонтеров парни уже были наслышаны. Да и про других тоже. Молдавские фанатики-националисты – кто это, что из себя представляли? Хоть внешне все они напоминали людей, но порой казалось, что это совсем не люди, а абсолютно иной биологический вид, выведенный в каком-то таинственном инкубаторе, и вскормленный-взрощенный на наисекретнейшем политическом пастбище. Да, это были не люди – нелюди! Безжалостные убийцы – как они зверствовали! И мародёры. Нельзя сказать, что были очень уж опасны, но воевать с ними было трудно. Хотя... Фанатики в любом проявлении опасны. Даже фанатики сбора автографов знаменитостей и те опасны. А о религиозных и вот таких – и говорить нечего. Но откуда в этих, в основном деревенских парнях, столько патологической ненависти, жестокости? Не от тупости же. Куда девалось всё то светлое, что закладывалось все годы пионерии, в комсомоле, в школе и семье?

Некоторые из тех волонтеров прошли и познали, что есть настоящее братство – боевое. Это про «афганцев». И это особенно обидно и несправедливо, потому как сейчас льют кровь и своих братьев. А кровь-то у всех одинаково красная... Так почему? Зачем? Ведь все жили, как говорили у нас, в «единой братской семье народов»...

А. Мунтяну, полковник НА РМ. «Жертвоприношение и предательство. Война на разделение Республики Молдова (1990 - 1992)». Изд.: Румыния, Бухарест, 2005 г.

«...Там же, в этих местах, героически погиб и Григорий Выртосу, крестьянин-поэт, уроженец Каушанского района, патриот, доброволец. Друзья рассказывали, что он был отважным человеком, жизнелюбивым, богобоязненным, постоянно с мыслью об объединении с братьями-румынами с другого берега Прута. Вера в Бога означала для него веру в вечность румын на их древней земле».

...И как пристальней ни заглядывай ты в лицо Влада, пытаюсь увидеть в душе его неуловимую Каинову печать братоубийцы – не получится. Тщетно... В конечном счете, это ведь не Влад его убил. Это – ещё одно преступление Снегура и его «нациков» из «Народного фронта». Да будь они прокляты с их национальным самосознанием и гордостью!..

*«...У нас был один, общий мир, и он треснул, раскололся на части, на его мир и мой. Вон, двести метров пройти, и зияет та трещина... Он пришёл сюда, чтобы дотоптать до конца мой осколок мира, и я убил его» [*18].*

Обратив внимание на автомат, разбираемый Вадимом для чистки, громко хмыкнув, Смолин с улыбкой спросил: - Где это ты так пропахал? – И уже со смехом и долей иронии: – Или молдавскую флору на гербарий собирал? – Автомат был весь в земле, ствол забит, травинки и листики торчали отовсюду, даже из-под затворной рамы.

- О-о, это надо было видеть! – коротко хохотнув, своим звонким голосом на вопрос Влада откликнулся «Филиппок». – Как Вадим с Виталькой на пузе «рвали» – ну просто комедия! – Передав вскрытый «цинк» с пачками ЛПС 5,45, и засунув в кармашек перешитого «лифчика» длинный «рожок» милого его сердцу РПК, с не сходящей с лица улыбкой продолжил: - Смотрю, они в полусотне метров справа от меня под ветки поваленного клёна нырнули. И как только ты, Влад, ударил за «сталинкой» – уж голосок-то твоего АКМа ни с каким другим не спутаешь, - оттуда из-за угла «полицай» вылетает!.. В серой форме. Я только его на мушку, как из-под клёна по нему две короткие!.. Враз завалили! И тут... Слышь, «походный», а на фига вы по нему вдобавок, после как упал, ещё и «трассером»-то ударили? К тому же длинной очередью?..

- До него ж поди метров семьдесят было – не видно ж ни хрена... - ответил Вадим. – Да и упал он как-то странно. Вдруг его не «завалили», а только ранили? А может, просто испугали? Допускаешь такое? Ну, во-первых, Валера, обидно б было, да? А во-вторых: там же наши бежали, что если бы он потом им в спину?.. Помнишь, как в тот раз, когда притворился «румын»? А так – строчка «трассеров» упёрлась в него – гарантированно...

- Правильно – для контролю и душевного спокойствию! – громко сказал сидевший у стены «Махно». – Я бачив, як воны его зробылы – гарно! – Когда он волновался, то нещадно мешал русскую и украинскую речь.

Казаки покосились на него. Многие знали, видели, как Гриня мог мимоходом короткой очередью добить раненого – «**вказать перву помочь**», а то «для контролю и душевного спокойствию» второй раз убить убитого, так, на всякий случай... «...Мысль о том, что какой-то националист после знакомства с ним может остаться жив, для него была нестерпима и абсолютно неприемлема» [*18].

- ...А то я, как увидел длинную желтую «трассу», подумал: вот дурни! – продолжал Валерка. - Ведь «засветились», сейчас «балалайками» накроют! У «румын» всё ж пристреляно! Но – успели...

- ...Как только у Михалыча автомат пустым затвором клацнул, он мне: «Всё, Виталя, «линяем» отсюда!» - Это Тумаков включился в воспоминания. - ...Перекатом и быстренько попластунски. Прямо вовремя! Только мы броском вперед, а позади ка-а-к шарахнет!!! Припечатались, вжались в траву, и скорей ползком оттуда. Я глянул назад: точно, где лежали, там мины аккуратненько всё перепахивают! Листья взлетают, как пух в курятнике ...

- ...А ударили они оттуда как! Вы когда-нибудь видели, как испугнутые с теплого камушка, ящерки разбегаются? ...Если уж не наяву, ну так хоть по «телику»? Аналогичное

было зрелище – драп по-пластунски!.. - Подхватил рассказ Ивахно, и образно, под смешок парней, показал, как. - А глаза у «походного» – от натуги ли, аль с перепугу? – как у суслика, попавшего под колесо!.. Это надо было видеть!.. Ха-ха-а!..

- Подождите-ка... - настороженно проговорил стоявший у окна Толик Чалый – запорожский великан. – Да тихо вам!.. - уже рывкнул он на вмиг притихших казаков, сидящих на полу. Враз все, превратившись в слух, уставились на оконный проём, готовые, как пружина, сию же секунду сорваться с места.

- Разгалделыся тут... ржутъ... – недовольно проворчал он. – Послухали б, як вин гарно спиваэ!..

Облегченно выдохнув, казаки аж обмякли. Где-то вдалеке была еле слышна какая-то бубнящая мелодия.

- Тю-ю... Хлопцы, та це ж Розенбаум! Нашу спиваэ!..

«Точно – он. А песня-то какая!.. У-ух!..» Кто-то из казаков вполголоса начал подпевать. За ним второй, третий... И вот, уже не выдержав переполнявших их эмоций, казаки громко и все разом подхватили:

«...Только пуля казака во степи догонит!

Только пуля казака с коня собьет!..»

Та, услышанная ими, песня доносилась квартала за два отсюда из уцелевшего уличного репродуктора. Репродукторы городской радиосети в Бендерах были установлены после апрельских событий. И сейчас их часто включали, передавая сводки, объявления и постановления штаба обороны города и правительства ПМР. Переключали и на «Радио Приднестровья», где кроме прочего транслировали и песни. Но не «попсу», а иной раз такие, от которых в этих условиях зубы сжимались и мороз по коже!.. Жанна Бичевская, «ДДТ» Юрия Шевчука, «Кино» Виктора Цоя, «афганские» группы «Каскад» и «Голубые береты»...

По особому, что надо отметить, казаки относились к песням Александра Розенбаума, да и к нему самому – гуманист, офицер, патриот, талант! И попробовал бы кто-нибудь заикнуться о его происхождении – сразу бы загасили! Потому что, как и «афганцы», многие казаки считают его, еврея, «своим в доску»! И песни его, даже старики-казаки, считают своими. Что это, как не доказательство Божьего промысла? Быть может, в прошлой жизни он и был тем лихим донским казаком?..

...А какое незабываемое, пронзительно-жуткое своей сиюминутной правдивостью впечатление испытали илимские казаки в один из первых дней в Бендерах, когда на улице вовсю грохотал бой, с треском рвались мины, а над головами, как с Небес, из репродуктора речитативом раздавался громкий трагический голос Игоря Талькова: **«Война! Идет гражданская война!..»**

Да, такая вот война. Под музыку. Воевали под песни. И погибали...

«...Только песня казаку во степи подмога,

Только с песней казаку умирать легко!»

Из сообщений, переданных горожанами в штаб обороны г. Бендеры. 29 июня 1992 г.

...«01.06. Интенсивный обстрел хлебокомбината из минометов, гранатометов и стрелкового оружия со стороны кинопроката.

01.10. В районе железнодорожной больницы идет сильный бой. Минометный обстрел СШ №15 со стороны горотдела полиции.

01.15. Начался артиллерийский обстрел завода «Прибор».

01.25. В районе ул. Мичурина - Совхозной горят частные гаражи, там ходят люди с белыми повязками и грабят гаражи и автомобили.

06.15. Интенсивная стрельба в районе ул. Манцева – идет бой.

08.00. С крыши дома №28 по ул. Ленинградской стреляет снайпер.

09.20. Из дома по ул. Тираспольской, 14 стреляет снайпер.

09.25. На ул. Кирова, 36 с пятого этажа, из среднего подъезда два человека ведут стрельбу из автоматов.

- 09.30. В районе горсобеса ведет огонь снайпер.
 10.50. Пожар в пятиэтажном доме по ул. Котовского.
 15.45. Горит сад-ясли №5 по ул. Пушкина.
 22.00. Из детского сада №19 стреляет снайпер.
 22.15. Горит двухэтажный дом на ул. Лазо.
 22.25. На ул. Лазо БТР уничтожил снайпера»... [*1].

Страшно ли на войне, в бою? Об этом парни не говорили. Да конечно страшно!.. Когда сердце сожмётся в комочек и ледышкой скользнет по ребрам вниз – это страх! Страх – нормальное состояние здоровой психики. Только дураку не дано бояться смерти. Посему, к бойцу якобы бесстрашному относились с опаской – что там у него на уме? Будет страх – нормальный, а не животный – будет и осторожность. Но, часто говорили, что в бою как-то не думали об этом, или старались не думать. Независимо от себя. Просто некогда. Одно из двух – или думаешь о деле, или о страхе. Завладел тобой страх – загубил дело.

В бою самое страшное (не считите за каламбур), когда охватывает липкий одуряющий страх, от которого цепенеешь, мышцы сводит ледяной судорогой, лишая тебя возможности хоть что-то предпринять для своего спасения, потому как кажешься себе огромным, неуклюжим и беззащитным, мишенью, по которой просто нельзя не попасть!.. Потом за это бывает очень стыдно. Стыдно перед самим собой. До такой степени, что хочется кого-нибудь убить. *«Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне...»*, – это, кажется, Юлия Друнина написала...

Часто, говорили, что жуткое сознание опасности приходило уже потом, после боя. Что – притупляются чувства? Нет, наоборот – обостряются. Окружающий тебя мир: природа, люди, чувства воспринимаются острее и ярче. Будто всё твоё существо ускоренно пытается вобрать в себя все краски жизни, всё то, что раньше особо и не замечалось, казалось само собой разумеющимся. На войне человек быстрее и, вроде бы, более осознанней делает выводы. Появляется уверенность. Или это «зачерствелость»?.. Просто в душе каждого происходит какой-то надлом. Какой – в этом пусть психоаналитики разбираются. То, что было когда-то само собой разумеющимся, привычным в жизни, отодвигается в сторону, и входит что-то новое. Но что?.. На каждодневном контрасте со смертью – новое восприятие жизни? Или привычка к смерти? Вряд ли... *«Человеку вообще необходимо думать о смерти – от этого он становится лучше. Меняется его отношение к миру, к людям, к самому себе...»*, - сказал однажды Михаил Шемякин, почитаемый Вадимом знаменитый русский художник-изгнанник.

На войне можно привыкнуть к мысли о смерти, но не к самой смерти. Смерть – это отрицание права на жизнь. Это состояние, когда всё случается без тебя, кроме тебя, после тебя. Потому и саму эту мысль гонишь от себя – «...могут убить, лишит меня всего этого огромного живого мира, имя которому Жизнь, где так много красоты, любви, света и звуков? Нет уж, костлявая, извини-подвинься...»

Дело в том, что человек в свою смерть не верит. Странно, да? Каждый, даже ребёнок, знает, придёт его час, как было до него и будет после, он умрёт, как бы ни противился и ни верил в свою неуязвимость. Знает, а представить не может, не хочет, иначе человек жить не смог бы. Нельзя жить, думая о смерти. Даже на войне.

...Как-то под огнём, среди грохота визжащих взрывов, распластавшись и вжавшись в газон, среди зелени густой травы Вадим вдруг обнаружил перед глазами пахнувший далёким детством пряный кустик молодой полыни, по земле, не смотря ни на что, важно спешил по своим делам муравьишка. И на миг, потрясенный, он будто выпал из действительности. Странно, но этот момент дал ни с чем не сравнимое чувство сопричастности с этим вечным миром – дало ощущение ...бессмертия!

Так что, пока мы живы – мы бессмертны!

- Война – это провидение Господнее. Данное нам испытание во искупление грехов, для нашего духовного и нравственного очищения. Кто достойней выдержит это испытание – тому и победа. Посему, там, где нет веры, где страх – победы не будет. Хоть страх – это дар Божий, но

не о смерти надо думать – о Спасителе нашем, о Его заветах нам, – неторопливо рассуждая, говорил братушка-черноморец Саша Селянинов.

Его любили слушать – красиво говорил! Но речь его была отнюдь не речью «вашего благородия», а наоборот – наполнена какой-то, до тоски утраченной нами, неизъяснимой прелестью старозаветной стати русского языка. Если рассказывал что-то смешное, то это был юмор не словечек, а положений – укатывались все! Если делал сравнения, то меткие – не в бровь, а в глаз, – а уж остроте их и перец чили позавидует. Даже когда сорвавшись, ругался – матом, естественно, то это звучало почти высокохудожественно, часто вызывая улыбку. При споре же, доказывая свою правоту, резкие черты Саниного лица ненаигранно приобретали некую батальную картинность, но при этом – не угрожающую, а заставлявшую задуматься...

- ...Смерть ведь, как рождение и жизнь – тоже Божий дар, - продолжал рассуждать Саша. – Но если смерть, то достойная! Как награда за достойную, богоугодную жизнь. А то можно и за стеной гранитной да семью замками помереть со страху... Но ведь, если погиб за святое дело: за Русскую землю, «за други своя» - душа твоя сразу в Царствие Небесное! Верой мы сильны, оттого нас страх и не убивает. Пуля может убить, страх – нет. Да и никакая пуля душу нашу не убьет. Это ведь нам Господь через Святое Писание повелел: «...*Будь твёрд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь Бог твой везде, куда ни пойдёшь*». «С нами Бог!» - так раньше русичи пели, а эсэсовцы уже позднее украли этот клич и на пряжки себе присобачили. Ну и что, помог он им? Потому что ворьё они, на чужое лезли, а Богом и крестами прикрывались. А нам Христос помогал, Богородица... Оказывается, когда немцы к Москве подошли, Сталин распорядился, чтоб вокруг Москвы трижды с Иконой Казанской Божьей Матери на самолёте облетели! Сейчас только узнаём... И отец – он и в Отечественную казаком остался, в кавалерии служил, – говорил мне, что правда – на войне все верили...

До единого. Пусть с криком: «За Родину! За Сталина!», но с Богом в душе. Это и помогало. Даже людям неверующим, не

крещённым, не читавшим Библии. Сие свойственно только нам - славянским народам – не зная Веры, исполнять заветы Господа нашего, даже не осознавая того! Мы же – верим..., но у каждого из рабов Его своя дорога к Храму, каждый в своё время, но приходит к Богу. Как у меня батька говорил: «Кто на войне не бывал, тот и Бога не поминал. Было страшно, но Господь со мной рядом был, и я не боялся». Я только сейчас своего батю понимать начал, а раньше – бесполезно. Мне это вроде и ни к чему было: отработал своё – пей, гуляй, и всё такое! А беда, видишь, как всё переиначила. Всё заставила вспомнить. И поверить. Здесь многие поверили... – Саня замолчал, чуть задумался. – Но ведь это неправильно!.. – «Что неправильно?» - отпрынули,

*«Послушай, Бог... Ещё ни разу в жизни
С Тобой не говорил я, но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь, с детских лет всегда мне говорили,
Что нет Тебя, и я, дурак, поверил.
Твои я никогда не созерцал творенья,
И вот сегодня ночью я смотрел
Из кратера, что выбила граната,
На небо звездное, что было надо мной;
Я понял вдруг, любяся мерцаньем,
Каким жестоким может быть обман.
Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку?
Но я Тебе скажу, и Ты меня поймёшь.
Не странно ль, что среди ужаснейшего ада
Мне вдруг открылся свет, и я узнал Тебя.
А кроме этого мне нечего сказать.
Вот только, что я рад, что я Тебя узнал...
На полночь мы назначены в атаку,
Но мне не страшно: Ты на нас глядишь.
Сигнал... Ну что ж, я должен отправляться...
Мне было хорошо с Тобой... Ещё хочу сказать,
Что, как Ты знаешь, битва будет злая
И, может, ночью же к Тебе я постучусь.
И вот, хоть до сих пор я не был Твоим другом,
Позволишь ли Ты мне войти, когда приду?
Но ...кажется, я плачу. Боже мой, Ты видишь,
Со мной случилось то, что ныне я прозрел!
Прощай, мой Бог ...иду ...и вряд ли уж вернусь.
Как странно, - но теперь я смерти не боюсь».*

*Стихотворение, найденное в 1944 году
в кармане убитого солдата
Александра Зацепы [*14а].*

было, казаки. – ...Почему, для того, чтобы обрести веру, обратить наконец-то внимание на себя, на свои поступки, собственную жизнь, требуется беда, трагедия, драма? Что, «пока гром не грянет, мужик не перекрестится»? Так, как правило, «хорошим» человек становится лишь на время. Ведь известно: от испуга изменение в сознании наступает лишь в исключительных случаях. Нет, чтобы раскрыть сердце добру и любви, глубоко прочувствовать суть единения всего духовного и насущного, требуется работа души. ...Ежедневная и постоянная. Вот тогда Господь и поможет, и силы даст. Своей-то силушки маловато, иной раз не очень-то и надеешься. А Господь даёт, глядишь: и не так страшно, справился... Будет Вера – будет и Победа!

Из сообщений, переданных горожанами в штаб обороны г. Бендеры. 30 июня 1992 г.

...«07.35. Ведется стрельба по детской художественной школе.

10.00. Со стороны села Варница обстреливается хлебокомбинат.

10.57. От полиции в сторону консервного завода начали движение пять БТРов.

11.20. Со стороны ресторана «Русь» из гранатометов обстреливается шелковый комбинат.

11.30. Со складов города в Каушанском направлении подразделениями Молдовы вывозится продовольствие.

11.50. Шелковый комбинат обстреливается минометами со стороны Суворовской горы.

13.15. Из района старой локотарной станции по району ДОСААФ – Мемориал Славы – кладбище ведется минометный огонь.

15.22. ОПОН атакует здание детского сада по ул. Горького.

16.55. На мясокомбинате от обстрела пострадала аммиачная система.

17.40. Продолжается обстрел района шелкового комбината.

18.15. Пожар в СШ №15.

18.20. Горит биохимический завод. Огонь подбирается к емкостям с аммиаком.

*19.00. Со стороны Новых Анен в направлении города прошло двадцать грузовых автомашин с солдатами»... [*1].*

...Но и осознание самой войны к парням пришло не сразу. Не то, поверхностное, а глубинное осознание. Это произошло только на третий день. До этого, как признались, было ощущение, что это происходит не с ними – как будто смотрят замедленное кино, видео-боевик, в котором сами и участвуют. Или присутствуют в виртуальной игре. Но ведь игра и отличается от реальности тем, что ответственность за её исход условна. Только спустя какое-то время поняли, что это - действие адреналина. Но страшно почему-то не было. Может, не успели ещё испугаться по-настоящему?..

...Под конец того памятного для них дня наступило затишье. Видимо, на сегодня «румыны» уже вдоволь настрелялись, даже досрочно закончили свой традиционный вечерний миномётный обстрел.

День был серым и чуть влажным – душно, небо в слабой туманной завесе, потому как утречком наконец-то прошел дождик, хоть мелкий и скорый – так, лишь пыль прибил, но всё же!.. Вечер же выдался теплым и тихим, с мягким закатом, когда солнце не багровым шаром настырно тянется вниз, чтоб поскорее окунуться за горизонт, а как бы в раздумье зависает неподвижно на склоне среди непорочно-белых, легких и прозрачных, как марля, перистых облаков, и терпеливо ждет, всё ли там, на земле, готово к ночи, не застанет ли кого темень южного неба врасплох.

В блаженном состоянии от тишины этого ленивого вечера с щебетанием птиц в листве, угарного аромата роз на клумбе, разомлев от плотного ужина на кухне «Тигины», покуривая, казаки сидели у крыльца штаба. Засмотрелись, как невдалеке, на краю площади по асфальту, распустив хвосты и нахохлившись, курлыча перед голубками, кружила стайка толстых сизарей. Мечтательно провожая умирающий день, удобно облокотившись на гладко отполированное ложе пулеметного приклада, рядом с Михайловым на лавочке сидел Валера Филиппов. Спокойно, но не без удивления они взирали, как через привокзальную площадь, не спеша, с

корзинками и авоськами, смеясь, шли несколько пожилых женщин, и что-то смешное рассказывающий им мужичок. Казаки так никогда через площадь не ходили. Если уж вдруг приспичит, то только бегом, – как говорят: «мухой!», и по одному. Ведь здесь же у «румын» каждый метр минометчиками пристрелян!..

Б. Белокопытов, «За секунды до бессмертия», г. Тирасполь, 2004 г.

«...Привокзальная площадь, да и практически весь прилегающий к железной дороге жилмассив обстреливались ОПОНавцами из минометов, гранатометов и крупнокалиберных пулеметов. Они забирались на пакгаузы, затаскивали минометы на крыши домов и могли обстреливать железнодорожные пути вплоть до вокзала и даже дальше»...

- ...Для этих старушек будто и нет войны. Видимо, с огородов домой идут. Из-за «железки»... - только и успел сказать «Филиппок», отщелкнув окурок кисло-вонючей «Дойны», как вдруг рядом – резкий визжащий треск!.. Голуби с шумом прыгнули в разные стороны. ... Ещё взрыв! И ещё один! Мины!!! В мгновение парни растянулись на асфальте. И тут же – короткий душераздирающий вопль, громкий стон и крик: «Помогите!..».

...Первое, что бросилось в глаза – на асфальте метрах в трёх, судорожно вскидывая крыло, барахтался окровавленный голубь, сшибленный на лету осколком. А там, где только что шли те женщины, медленно оседая, расплзался прозрачно-сизый клочок дыма. Мины попали в середину их беспечной компании. Прямо под ноги. Взрывы раскидали и разорвали их в клочья!.. Даже от крыльца «Тигины» была видна разбрызганная по асфальту кровь... Поначалу казаки будто из реальности выпали – до того опешили. Но вскочив, не думая бросились туда. Впереди, забросив автомат за спину, со своей санитарной сумкой бежал Лекарев...

Кровь убитых и раненых за те первые два дня уже проходила перед глазами парней. Но увиденное сейчас просто шокировало! На всю жизнь запомнилась им та кровь. И свои руки – руки были в крови, тёплой, чужой, скользкие, как в мыле... Тогда на какой-то миг Вадим вдруг ощутил, что если бы на спине у него была шерсть, то она непременно встала бы дыбом!..

...Троим помочь было уже нельзя. Зрелище ужасающее! Искромсанные осколками, распотрошенные окровавленные тела. Оторванная рука в стороне, вырванные взрывом куски тел, вывалившиеся внутренности... всюду кровь, кровь! Кровь!!! С непривычки аж замутило. А когда увидели содранную осколками мины кожу с тела женщины!.. – откуда-то из глубины начал подниматься комок тошноты. Это даже для Лекарева – хирурга-профессионала, привыкшего к крови, поняли, было тяжелым испытанием. Славка в перепачканной кровью – от плеч и до... – «камуфляжке» метался среди тех, кому ещё можно было помочь, делал обезболивающие уколы и всё возможное, чтоб облегчить нечеловеческие страдания, хотя уже знал: многие из них обречены. Несмотря на некоторую торопливость, движения его были уверенны и профессиональны, как в привычной для него операционной. Инструменты из медицинской сумки будто сами выскальзывали и оказывались в его руках, оттуда же белыми бабочками выпархивали заранее приготовленные тампоны, и будто сами ложились под тугую повязку бинта...

У вокзала, недалеко от бывшей автобусной остановки, осколок той мины тоже случайно задел женщину, совсем молодую. Оттуда с каким-то казаком подбежал Смолин – помочь той женщине уже ничем было нельзя... С ходу нагнулись над пожилой женщиной, неестественно раскинувшей руки, и лежащей лицом в настоящей луже крови. Стали переворачивать её на спину, и тут же Влад отшатнулся – прямо из черного отверстия в середине грудины плеснул фонтанчик тёмной густо-вишнёвой крови. В тяжело вздымающейся груди что-то шипело и булькало. Ноги перебиты осколками, а куски ткани платья вбило в разорванный живот, сквозь кровь вздрагивали сизые внутренности. ...Затухающий взгляд, полный ужаса и боли.

Стоны... И тут слух резанул безбожно трёхэтажный громкий мат. Это ругался тот мужичок, несколько минут назад веселивший женщин. Думали, что он погиб сразу – с такими... это даже ранами не назовёшь – нельзя прожить ни минуты! Поняли, был в болевом шоке – вид абсолютной невменяемости. Неистово ругаясь, и скользя по крови, он пытался подняться, но

мешали вывалившиеся на асфальт под ноги кишки, которые он вместе с кусками брюк и багровой от крови посеченной рубахи уцелевшей рукой пытался запихнуть обратно. Но вот он резко стал слабеть, невнятно что-то бормоча, глаза закатились, лицо свело судорогой агонии...

Недалеко от Лекарева Борис с Вадимом, оторвав державшуюся лишь на лоскуте кожи голень женщины, в тот же миг перетянули резиновым жгутом, брызгающую густо пахнущей кровью, культю: – Славка! Промедол давай!!!

Славка сосредоточенно работал. Ошалело показалось, что он не раны живого ещё человека обрабатывает, а ковыряется в учебном манекене, предназначенном для студентов-медиков. Женщина не стонала и не вздрагивала, лишь по сузившимся в две черные точки зрачкам да катившимся по лицу струйкам пота можно было судить, какие нечеловеческие муки она испытывает. Вадим мельком перехватил Славкин взгляд – а в глазах!.. В них застыла и пугающая мольба, и мудрость человека, заглянувшего не только за границу жизни, а за сами пределы Добра и Зла!..

- *«...Падаю среди раненых, начинаю делать внутривенные, – рассказывал Лекарев корреспонденту газеты. – Рядом помогает Саша Ивахно, с другой стороны бежит Смолин. Снова крик о помощи. Бегу туда, вижу – раненая молодая женщина. В болевом шоке. Я всю жизнь работаю врачом, профессионал, всякое видел, но такого... Её живот буквально был разворочен осколками, видны внутренности, печень разорвана. Понял сразу – не жилец. Но сделал всё, как положено. Потом узнал – умерла в «скорой»... Раненых вынесли. Из восьми только двое остались жить».*

...Кого-то из казаков от увиденного, недалеко судорожно выворачивало наизнанку. А у Андрея Колесникова, кажется это был он, сдали нервы – не боясь ни выстрела, ни мины, он выбежал на середину площади и, сотрясая над головой кулаками, в отчаянии кричал в сторону ОПОНовских позиций: «Фашисты!!! С-суки! Бл...! Что же вы делаете, гады?!...». В ответ – тишина. Ни единого выстрела. Лишь легкий шелест листвы...

Этот вот, в общем-то почти обычный на войне, случай, которому ошеломленные парни стали свидетелями, и надломил что-то в душах, выбил из их сознания остатки, казалось, привычных понятий о жизни, войне, смерти, сбросил с глаз некую доселе розовую кисею... И оказалось, что всё не так. Тут у смерти было своё, несколько иное обличье: эти вот кровавые лужи, вывалившиеся наружу посеченные осколками внутренности, окостеневшие удивленные глаза, до тошноты ужасные запахи разорванных тел. ...И вошло ожесточение! Не сколь в сердце – в душу. Грех это. Прости, Господи – не избежали его...

А. Бендерский. «Там, где жили самые гордые русские». WWW. ArtOfWar. RU.

«...Приходит время, когда ты понимаешь, что вокруг происходит то, что не укладывается ни в какие устои, к которым ты привыкал в течение всей прошлой жизни, всё это нереально. И в этот момент происходит самое страшное, самое бесчеловечное и непостижимое. Мир рушится и летит в пропасть. И тогда, кажется, даже Всевышний отворачивается. В такие моменты мы становимся другими, мы меняемся. Жизнь начинается заново. Привычка быть теми, кем мы были до этого момента, тоже пропадает. Всё меняется!!!

Потом Всевышний поворачивает свой лик в нашу сторону, и мы, входя в себя, начинаем по-настоящему осознавать всё то, что произошло. Но уже поздно! Тот момент, когда мы оставались одни, переменял нас навсегда!!!»

...Не прошло и десяти минут, как раскидывая вспышки света из установленных на них «мигалок», подъехали две «скорые». Но и те врачи не были кудесниками – чем они могли помочь уже агонизирующим? Двое раненых скончались по пути в госпиталь. Тела погибших казаки вынесли с площади за угол дома, накрыли простынями, стали ждать труповоза Никифора с его трактором – городским «черным тюльпаном»... К сидящим на крыльце казакам из штаба вышел донельзя взбеленный Притула.

- Сейчас ОПОНовцы звонили, эти менты с-ссученные, и давай на нас наезжать! – Он просто неистовал, оттого и перемежал свою речь блатной «феней». – Вобщем – гнилой базар! Гнали, мол, они всё видели, мазали, что это не они шмальнули. Думают, что этот беспредел на нас можно повесить, с-суки! Вобщем, побазарил я с ними! ...По рабоче-крестьянски.

Телефонная связь с противником была ещё одной странностью этой «непонятной» войны в Бендерах. Городской Дом связи 19-20 июня от артогня и возникшего пожара пострадал, конечно, очень сильно. Но не всё оборудование АТС было выведено из строя, да и ремонтно-восстановительные работы начались почти сразу же, как только прорвали блокаду. Где-как, а в районе вокзала, пусть и не всегда стабильно, телефоны работали. Там, где кабель не перебит. Так что, узнавай, что за здание напротив тебя занимает противник, его адрес, бери телефонный справочник, ищи номер, звони и разговаривай с «вражиной». Мало ли зачем... На некоторых участках так «полевые командиры» сторон и договаривались между собой о временном перемирии, чтоб, например, вынести своих с «поля боя»...

«-...У нас даже «кенты» завелись на той стороне, - уже по приезду домой рассказывал Смолин журналисту местной газеты о той «странной войне». – Днем национал-армейцы звонят по телефону: приходите, разговор есть. Идем. Посидим у них. Конечно, много разговоров. Всяких. И по делу и так. Смотрю на них – ребята толковые, умные. Молдаване, украинцы, русские... Так чего нам воевать друг с другом? Они считают, что во всем виноват Ельцин. Если бы не его политика, был бы подписан Союзный договор. Был бы Союз – не произошла бы эта бойня...».

К. Каранов, полковник, зам. председателя исполкома Бендерского горсовета.

«...Однажды в начале июля ко мне по телефону обратилась жена полицейского Н. Она и муж знали меня. Передала просьбу мужа – он хочет встретиться. Я дал ей номер телефона. Через некоторое время тот позвонил. Я спросил его откуда он звонит. Сказал, что из полиции, что группа полицейских желает уйти оттуда, но они прекрасно понимают, что их так просто не отпустят. У них всем командует ОПОН, хотя официально власть у В.Гуслякова. И ещё он сказал, что, таких как он человек 60, что делать? Я ему ответил, чтобы они окончательно решили, уходить или нет, и тогда мы ещё раз созвонимся. На следующий день, уже имея полную информацию по этому делу, предложил им выходить через улицу Совхозную на яблоневый сад. По моим данным – они так и сделали. Слышал также, что Н. жив, здоров.

Так что, морально-психологический климат даже в полиции был очень тяжёлым. Многие из них поняли, что стали причиной трагедии и являются для всех горожан преступниками». [*1].

Такой случай был не единичным. Для тех, у кого «на той стороне» ещё была совесть, к кому пришло прозрение, осознание содеянного, телефонная линия стала чуть ли не последней надеждой во спасение их души...

Н. Корытник. «Дом Павлова». «Новое время», 1 августа 1992 г., N79(462).

«Улица Калинина, 81. Этот адрес сейчас известен многим бендерчанам. «Дом Павлова» - так называли защитники общежитие обувной фабрики, невольно проведя аналогию с эпохой времен Сталинграда. Таким этот рубеж войдет в историю Бендер. Наши потомки ещё долго будут вспоминать подвиг ребят взвода капитана Чуева.

...Однажды в «Дом Павлова» позвонил некий Саша и предложил встретиться на уровне парламентаров. На встречу согласился Александр Хабиев. Оба Александра, ровно в 17.00 под белыми флагами встретились на углу улиц Кирова-Кавриаго. Закурив, Саша сказал:

- То, что сделали ОПОНовцы с городом, потрясает...

...Молодой человек заверил, что он не поднимет руку на своих. Многие его товарищи поняли, что втянуты в авантюру политиками из Кишинева, и высказываются за мирное разрешение конфликта. Договорились встретиться на следующий день в составе 10 человек с одной и с другой стороны. Настал день, пришло время, а назначенная встреча так и не состоялась.

Потом стало известно, что Саша был кем-то предан и его расстреляли полицейские из Кишинева, которые внимательно следили за местными и не допускали инакомыслия».

(*Как стало известно позже, их – трёх человек – расстреляли во дворе Бендерского горотдела полиции по приказу комиссара полиции полковника Виктора Гусякова и командира 2-й тактической группы полковника Михаила Мамалыги).

...Так что, если есть необходимость, или захотелось от души отmaterить ОПОНовцев – звони. Что иногда и делали. Да хоть Снегуру или Анточу звони!.. Через «восьмёрку». «Межгород»-то тоже работал! Чем, кстати, случайно обнаружив эту «услугу» через пару дней, усть-илимские казаки и не преминули воспользоваться. Только, конечно, не в Кишинев звонили – домой, родственникам. Ох, и переполошили их всех!.. Потом уж сами поняли, что они натворили своими звонками. Это ж какво было женам и матерям слышать голос дорогого им человека, пытающегося как-то приободрить и успокоить их, когда из трубки – рядом с ним! – слышатся взрывы и пулеметные очереди!..

Вадим рассказывал: *«Как-то во время боя накрыли нас миномёты. Укрылись в ближайшей «пятиэтажке». А «румыны» всё бьют без продыху, не дают даже высунуться. Присел под подоконником, смотрю – телефон рядом. Подполз, поднимаю трубку – о, надо же, работает! Дай, думаю, позвоню. Чисто машинально набираю Екатеринбург, сестрёнкин номер телефона. Сглушил, конечно, я капитально! Трубку взяла моя мать – гостила она там. А о чём говорить, я и не знаю - растерялся! Привет, говорю, мама, как там Танюшкино семейство поживает, как здоровье, как дела, как погода?.. Вобщем, так, ни о чём. Тут меня мать и спрашивает, что там у меня за шум, грохот какой-то? Сделай, мол, потише. Рад бы, говорю, да никак не могу – это бой идёт. Какой такой ещё бой, спрашивает меня. Ну, я и отвечаю: так я ж на войне! Помнишь, говорил перед твоим отъездом в отпуск, что скоро и я уезжаю, в Приднестровье. Так вот я сейчас в городе Бендеры. А тут, мол, война идёт с румынами. Мать ещё что-то сказала, но я понял, что она или не поняла, или всерьёз мои слова не восприняла. Тогда я, дурак, взял и трубку к выбитому окошку поднял... Ну, ещё пару минут поговорили – хотя, какой после этого разговор! Но заверил, что всё будет нормально, не волнуйся, пообещал, что скоро ещё позвоню...».*

Три дня подряд, как только выдавалась возможность, звонили парни. А потом на их «базе», в ближайших домах и на вокзале телефоны смолкли – где-то, видимо, кабель перебили. Звонки по «межгороду» прекратились. Вот уж когда переволновались у них дома!.. Но после, хоть раз в неделю, но кто-нибудь из группы, выбираясь по делам в Тирасполь, да обзванивал семьи парней... В штабе же – в «Тигине» - связь продолжала работать. Оттуда и прокинули на вокзал и на «базу» их группы полевой провод. Меж собой и со штабом связь есть – и то хорошо!..

Городской телефон был и большим помощником. Иной раз, полученные от звонивших горожан сообщения, были намного оперативнее и точнее данных, добытых разведкой.

Н. Воробьева, журналист, г.Бендеры.

*«...А чего стоят телефонные звонки жителей микрорайона, их мольбы о скорейшем освобождении! Да не щадите наши дома, говорят они, выбивайте врага поскорее. Мы бы рады, отвечают защитники Бендер, вот только очередное соглашение о прекращении огня не позволяет действовать...». [*1].*

На войне, говорят, быстро ко всему привыкаешь, даже к самому невероятному. Всего за какую-то неделю в Бендерах илимские казаки настолько привыкли к стрельбе и минометным обстрелам, особенно ночью, что, когда «румыны» устраивали «перекур», утихая на несколько часов – не могли сомкнуть глаз. Тишина – явление странное,стораживающее, она пугала, буквально раздирала их, и сколько ни мучились, ничего не помогало. Если тихо – значит, что-то готовится, и скоро жахнет, может даже и с большей силой! И лишь когда привычные звуки заглушат тишину – минометный ли обстрел, или начиналась пулеметно-автоматная

«переключка», пусть даже отдаленная – парни, свободные от вахты, могли спокойно уснуть. Но спали и всё слышали. Потому как *«на войне, даже такой дурной, как эта, как бы тиха и спокойна она в отдельные дни не была, нельзя было ни на минуту забывать, на каком ты пока свете»* [*18]. Так что тоже стало привычкой. Такой же, как ночью, не дай Бог, сомкнуть глаза в дозоре, спокойно переносить «собачьи вахты», как не зря называют на флоте предупредительные смены. Привыкли к постоянному недосыпу – если за сутки вырвешь 2-3 часа на сон, то это хорошо... Привыкли курить «в кулак», и не давать прикуривать от своей спички или сигареты...

Кто-то однажды сказал: бой – это просто работа. И парни старались в этом деле повысить свою квалификацию. Стали понимать и сам бой – вспомните фразу старшины Васкова из фильма «А зори здесь тихие...»: *«Война – это ведь не кто кого перестреляет, а кто кого передумает»*. Учились грамотно организовывать: будь то бой, разведывод или дозор.

Даже походка и та, как сами заметили, изменилась. Выходя в дозор к «переднему краю», которого как такового и не существовало, научились ходить осторожно: не так как раньше – на всю ступню с пятки на носок, а с перекатом по ребру всей ступни – мягко, тише кошки.

Уже знали наизусть, как стучит крупнокалиберный или ротный пулемёт, как летит «Алазань», или пляшет в воздухе смертоносная звезда РПГшной гранаты, как хлопает миномёт, выплёвывая из ствола мину, как она в тишине шуршит в воздухе...

Вскоре привыкли и большой психофизической нагрузке, и даже не так, как прежде, стали обращать внимание на минометные обстрелы – ни в какие большие атаки на этом участке «румыны» более не ходили, видимо, дело шло просто на выматывание нервов, велось, так сказать, психологическое сражение...

Да и многие, казалось бы, странности, но, видимо, кем-то разумно предусмотренные, как то: на улице только-только начался бой, а недалеко в каком-нибудь проулке или за углом дома в ожидании уже стоят машины «скорой помощи» либо реанимобиль московских врачей, ну и, конечно, «черный тюльпан» – стали делом привычным.

А разве на какой-нибудь ещё войне было такое, чтоб через радиоприемники или уличные репродукторы предупреждали, типа: будьте осторожны, в таком-то районе города, на такой-то улице замечена «работа» снайпера?..

Покажется странным, но научились и стрелять. Согласно специфики «работы». Стрельбу вели чаще прицельными короткими – 2-3 выстрела – очередями. Только в ситуации «бой в упор» били очередями – лишь успевай магазины менять. Но и тут учились беречь патроны. При этом дашь очередь-другую – меняй позицию. Как и многое другое, это тоже стало непреложным правилом боя. Привыкли – ещё как! – и к своему оружию. Автомат стал, образно говоря, продолжением тела, его неотъемлемой частью. Во время затишья отложишь его в сторону, и уже через несколько минут начинаешь чувствовать дискомфорт – как инвалид без костылей. Даже спали так, чтоб чувствовать автомат рядом.

Научились и ...убивать. Сквозь прорезь прицела бегущие фигурки в пятнистых «комбезах» или в черной форме были вряд ли в полном смысле этого слова живыми. Это были не люди – просто мишени! ...Научились. Но не привыкли – побойтесь Бога!..

Со временем несколько привыкли и к этой безжалостной погоде. Хотя многодневная жара по-прежнему страшно изматывала парней – она мешала даже думать! – и заставляла при малейшей же возможности стремиться к прохладе, искать спасительный тенёк в пространстве, до краев затопленном жгучей, невесомо-прозрачной лавой. Ещё бы, если на солнце – под сорок, а то и больше, в тени же – хоть немного, но «дешевле». И кругом, несмотря на буйство зелени – пышущий жаром камень домов, раскалённый и, казалось, плавящийся асфальт, и ни малейшего дуновения ветерка. А если к этому добавить ещё и прогорклый от растворившегося дыма влажный воздух!.. Утром было ещё ничего, к полдню же на улице становилось невыносимо находиться. Духота обволакивала, постоянно вышибая испарину, мешала дышать, будто сдавливая виски мокрыми горячими ладонями, каплями кислого пота оседая на коже, выступая белым солевым налетом на ткани пятнистой формы. Но несмотря на безумство жары, жить всё же очень хотелось!..

Синоптики по радио каждый день с маниакальной настойчивостью обещали к вечеру дождь, но день проходил, и вождеденную свежесть, с оговоркой: «возможно», они переносили уже на завтра. А жара, казалось, даже и не думала сдавать своих завоёванных позиций.

- ...Ну, что за жизнь поганая пошла! – балагуря, сокрушался «Лекарь». – Была страна Советов, превратилась в страну обещаний. Мало того, что правительство всё время что-то обещает, а обещанное выполнять, видимо, и не собирается, так ещё и синоптики вслед за ними такую же моду взяли. Мне каждое утро кажется, что ещё один день такой жары – и всё, хана! Куда же хлеще – сегодня «за бортом» сорок пять по Цельсию!!! Нет, лучше б холодно было. Но по-летнему, как у нас дома. Градусов так двадцать. Даже во сне мечтаю о прохладе. Но просыпаюсь и понимаю, что мечта моя была дурацкой, погода – опять эта раскалённая мерзость, а синоптики, которые уж какой день подряд обещают грозу да крепкий ливень – сволочи! Здесь и без этой жары жарко, а они нас лишь байками кормят!..

- Да, сейчас бы искупаться, - мечтательно простонал Иосиф, обмахиваясь воротом расстёгнутого чуть ли не до пупа камуфляжного «комбеза». – Вот вернёмся, братаны – все ко мне на дачу! И в Ангаре накупаемся – дачка-то у меня прямо на берегу, – на рыбалку за хариусом сходим, в шарабане испечём, а можно и шашлычок под коньячок...

- А я домой приеду – и сразу в тайгу, - подхватив тему, сказал Ивахно. – И вдоль бережка каменистой, бурлящей, всегда холодной горной речушки. Летом там хорошо, всегда свежо...

Вообще-то к вечеру жара спадала, но не духота. Прохладней становилось лишь ближе к рассвету. Даже промозгло – это из-за влажности. Уходя «в ночное», парни часто брали бушлаты, телогрейки...

Хреново, что у группы не было настоящей карты – город не знаком, с оперативной обстановкой знакомились «на пальцах». Но немного спасала лежавшая на столе у Притулы, перекопированная, оттого и немного нечеткая, большая план-схема города – «стометровка» образца 1985 года, пошарканная, уже подрисованная и изрядно почерканная. Хоть и имела она гриф «Для служебного пользования», но своими обозначениями больше напоминала карту туриста.

Это уже потом, где-то ближе к середине июля, начштаба раздал командирам взводов и групп копии этой карты, сделанные на допотопно-советском копировальном аппарате «Эра».

Качество – на «два с плюсом». Так что, вспомнив уроки черчения, и вооружившись линейкой, ручкой и канцелярской «замазкой», пришлось Михайлову немного покорпеть, доводя карту до уровня относительной читаемости.

Парням же, уходящим с заданием куда-либо за «железку», иной раз выдавал план-схему того района, «самопальную», от руки нарисованную им на обороте фирменного бланка станции Бендеры, коих на «базе» было, как говорил Кот Матроскин: «ну просто завались» – как гуталина на гуталиновой фабрике... На эти же бланки, приходя в штаб, наносил свежие данные обстановки. Утомительное это дело – разведанные менялись, и приходилось вносить коррективы постоянно, читай: схему перерисовывать заново. Но и к этому занятию он тоже привык...

Ко многому можно привыкнуть. Но только не к людскому горю. Нет, не к убитым – к трупам, как ни странно, привыкли: нагляделись и приняхались до отупения.

***«А мы – стоим. На смерть, а не на жизнь,
И наша кровь убийцам отольётся.
Ты только в моём сердце не остынь,
Любовь, которая в плечо прикладом бьётся,
Любовь к земле, к друзьям и к матерям,
Что рядом с нами здесь легли в окопах.
И мы назло всем нашим палачам
С любовью этой прошагаем пол-Европы!
Тогда вернется в каждый дом покой,
И встанут тихие днестровские рассветы
Над искалеченной, израненной страной -
Пусть не увидит нам салюта той Победы!
Пока же вьётся изумрудно-алый стяг
Под пулями, как песня пред расстрелом.
А мы – стоим. И не пройдёт здесь враг,
Но мы – пройдем, такое наше дело!***

А. Крылов, июль 1992 г.

У настоящего горя – женские глаза. Это глаза матерей. Отчаянные, и полные боли – выдержать их взгляд невозможно!!! Ведь когда сталкиваешься с чужим, но таким концентрированным, массовым горем, оно становится тяжелее, чем личное...

Выезжая по делам, парни пару раз останавливались около горисполкома – и больше они этого делать не хотели! Ни в какую! Лучше сделать изрядный крюк, чем снова оказаться на той площади. Там, на стене одного дома висят исписанные листки с фотографиями. Их наклеили люди, ищущие своих родных, близких. Таких объявлений там много – сосчитать никто не брался – их сотни! Они тянутся в твою душу своими отчаянными строками – жутко! – а ты чувствуешь полное бессилие чем-то помочь.

Но не это самое страшное. Там в ожидании чуда стоят потерявшие своих детей матери, осиротевшие дети, старики с иссохшими глазами. Они бросаются к каждому вновь появившемуся на площади военному в надежде хоть что-нибудь узнать о своих... Видеть полные мольбы и надежды глаза, когда тебе нечего им сказать?!.. И цепляющиеся за тебя руки не оттолкнёшь... Всё это ужасно!!!

А однажды, в один из тех первых дней несусветной неразберихи, Михайлов был послан Притулой с неким важным пакетом к начштаба ЧКВ, и чтоб заодно сам там им всё по-свойски объяснил. С собой Вадим взял Сашу Ивахно. В Тирасполь выезжала машина, на которой Лекарев и медсестра Танюшка сопровождали тела погибших казаков. По пути заехали в Бендерский ОСТК, именуемый рабочим комитетом, чтоб забрать тела ещё двух казаков. Увиденное там просто потрясло!..

А. Бендерский. «Там, где жили самые гордые русские». WWW. ArtOfWar. RU.

«...Носилки с убитыми выставлены в ряды, они находятся в тени деревьев. По этим же рядам, между носилками ходят женщины с детьми, разыскивая своих отцов и сыновей. Тех, о ком нет вестей. Смотря с надеждой в глаза, каждый из них называет фамилию, а если в ответ слышит о том, что она неизвестна, пытается описать внешность. В надежде, что ответа не будет, что тот, кого они разыскивают, жив и с ним всё в порядке. Временами со стороны носилок доносится женский вопль - это означает только одно: «его» нашли, и горе родственников безгранично.

Всё это ужас, нет человеческого понимания всему тому, что происходит до сих пор. Убитых так много, что носилки, на которых они лежат, заполняют почти весь двор за ОСТК. Это лица смерти. На каждом из них застыли боль и страх. Они все застыли, и почти каждый кричит, но кричит молча...»

Да и вообще, война – это вовсе не сплошь бои и атаки с горами трупов и реками крови, как думают наивные вьюноши. И уж тем более не романтика. В первую очередь – это бытовая неустроенность и отсутствие элементарных удобств. Электричества у них не было. А вода была только в душевой: холодная и мутно-желтая, с каким-то затхлым запахом, потому как очистные сооружения на городском водозаборе не работали. То есть для питья и приготовления пищи вода была явно непригодна. Да и подавалась-то она очень уж редко. Было ещё одно существенное неудобство: канализация-то тоже не работала!..

Решение множества проблем по хозяйству взял на себя «Лях» – Саня Шляхтуров.

Это был неунывающий парень, казалось, постоянно, не смотря ни на что, пребывавший в отличном расположении духа, и в то же время довольно хозяйственный проныра – как говорится, из топора кашу сварит. Именно ему, при отсутствии напряжения в сети, принадлежала абсолютно сумасбродная по её технологии идея зарядки батарей радиостанций от реквизированных на автобазе аккумуляторов. И, вроде как мимоходом, придумал ещё массу всяких-разных полезностей, необходимых при обустройстве сурового военно-полевого быта. И так получилось, что уходя на «работу», казаки всё чаще стали оставлять Саню «дома». «Зам по тылу», «комендант базы», «старшина», «вечный дежурный» - как только шутейно, но в то же время и уважительно, ни называли его казаки группы, понимая, что без этой его работы им не обойтись. Работы хватало, но она ему была вроде бы как и не в напряг, всё успевая, делал

спокойно и обстоятельно: пополнял боезапас группы и, расконсервируя, готовил его к бою, заботился о сухпайке, кое-что из него выменивая на овощи, фрукты, зелень, варенье, компоты и прочее. Будучи весьма общительным, он чем-то, видимо, очаровал и быстро снискал некую благосклонность у оставшихся работать в кафе «Тигина» поварих, чем порой небескорыстно и пользовался: несмотря на дефицит продуктов, женщины иной раз готовили по его заказу для иркутян отдельные блюда! Но иногда Саня и сам готовил что-нибудь горячее съестное, предварительно принеся питьевой воды из обнаруженного неподалёку на каком-то подворье колодца, раздобыв дров: сухих веток, разбитого штакетника, или в худшем случае наломает из остатков мебели; развести костёр, да так, чтоб ни огня и ни дыма видно не было – враз корректировщики засекут. Но и боевой работой занимался: улучшением укреплённости «базы», дежурил на «узле связи», заряжал батареи радиостанций, подменял парней на постах, часто ночью, что парни удивлялись: когда же он вообще спит? Потому как и сам наравне со всеми по графику «работал» наблюдателем... Впрочем, много чем занимался «Лях», но главное: он полностью прикрыл «тыл» группы.

Грешны... но на этой войне стали верить во сны и приметы. Найденный как-то толстый буклет с гороскопами для каждого знака зодиака на каждый день этого года, замусолили до безобразия. А как же не поверишь в приметы, если?.. Искупаться в Днестре, равно как сфотографироваться перед боем – убьют, как пить дать. Многие часто ходили небритыми, потому как перед выходом на «работу» этого делать тоже нельзя – есть такая примета. Ну а чтоб снять с себя охранный пояс или потерять натальный крестик – да Боже упаси!..

...Долго ещё казаки группы вспоминали почти анекдотичный, случай, произошедший как-то с Вадимом. В то прекрасное, в отличие от прошедшей ночи, тихое утро – по крайней мере, в районе вокзала не стреляли, и стояла така-а-я тишина... – когда день только начал распалиться, на «базу» из «ночного» вернулся дозор. Уставший, грязный и злой. Потому как «отработали» без «новостей». Пока парни «добывали» «сухпай» на завтрак, Михайлов, дабы не растащило от бессонной ночи, пошел в душ. Освежиться, смыть с себя да с «камуфляжки» кислый пот, грязь отстирать. А то так недолго, как бомжу подвальному, и завонять, а то похлеще – завшиветь. Вода в городскую сеть подавалась очень редко, и под весьма слабеньким напором. В тот день с этим немного повезло...

Душевая, с маленькими окнами-бойницами, заложенными мутными стеклоблоками, находилась на первом этаже их «базы». Сбросил с себя все «железо», стащил влажную от пота одежду. Подумав: постирать, что ли? – развязал узел уже изрядно засаленного охранный пояс «Живой в помощи», заодно зачем-то снял натальный крестик, и, предвкушая блаженство, вошел в душевую кабинку. Но недолго длилось то блаженство. Только он встал под тугие, бодрящие прохладой, струйки душа, взбивавшие пену от пригоршни шампуня, как... В первый миг Вадим и не понял даже, что произошло. Лишь услышал отдалённый стук «крупняка», и тут же... Всё в одно мгновение: громкий треск, визг, грохот, звон стекла... Лейка душа, что была в верхушке над ним, срезанная напрочь, падает на голову, вся душевая заполняется известково-кирпичной пылью и чем-то палёным... Он упал на пол и по грязи, осколкам стеклоблоков, мокрым отвалившимся кускам штукатурки одним махом – «Атака?! Скорей наверх!..» – вылетел в «предбанник», схватил в охапку «железо» и всё снятое с себя тряпье, и за секунды взбежал на второй этаж!.. В коридоре, как ни в чем не бывало, стояли казаки. Увидев его, опешили.

- Ты откуда, Михалыч? – тихо и ошеломленно спросил Лекарев, поверх стекляшек своих очков вытаращив глаза.

- Из душа... - тяжело дыша, только и ответил Вадим.

...Взрыв смеха!!! Это был не гомерический, а истерический смех! До изнеможения.

И тут до Вадима дошло, в чём дело: стоит голый, мокрый, волосы включены, весь в грязных красно-коричневых подтёках, перемешанных с пеной шампуня. Ну, ни хрена себе помылся!.. Прямо – дебют клоуна в заштатном цирке: «Впервые на арене!.. Музыка, туш! Занавес!».

Самое интересное, что эта очередь из КПВТ за всё утро была единственной! И опять тишина.

- Это тебе Господнее предупреждение было, - говорили потом казаки. - Не смей снимать ни креста, ни пояса!..

Вадим понял. Ведь та очередь прошла над его головой всего сантиметров в десяти!..

Хоть война и скупа на улыбки, но, несмотря на весь трагизм, юмора парни не растеряли, иначе точно можно было бы свихнуться или совсем озвереть. А смешное, как ни странно, всегда было рядом. Ведь человек, которому довелось испытать настоящий страх за свою жизнь - страх оглушающий, парализующий, - видимо, независимо от себя обретает способность ежеминутно радоваться тому, что жив, не убит.

...Хотя бы случай, услышанный в один из тех первых, наиболее тяжелых для парней дней от дежурной по станции - вот где была ржачка! Эта колоритная хохлушка, про которых говорят: палец в рот не клади – по самую майку отхватит, своим неповторимым одесским говорком, как у героини рассказов Клары Новиковой – в «красках» рассказала, как 20-го вечером к ней в «дежурку» ворвался запыхавшийся молдаванин с автоматом, в черной форме и каске...

«-...Телефон работает? – чуть ли не с порога прокричал он, хватая трубку.

- Пока вас, чертей, не было – всё работало,- отвечаю ему.

- Н-но-но!.. Поговори ещё тут!..- пригрозил мне, а самого, вижу, колотун бьёт. Поднял трубку: - ...Почему не работает?! – заорал уже в гневе, лязгнув затвором.

- Да ты, дурак, каску-то хотя бы снял!.. – То было, когда наши в город ворвались и попёрли их. Вот этот запаренный с перепугу муть трубку к каске и приложил...» – слушая эту бендерскую «тётю Соню», парни ржали до изнеможения, до колик в животе, так, что смех грозил разорвать их рты до ушей.

И вообще, «молдавские» анекдоты тут были в ходу! Но это не со зла и презрения – не дай Бог, а для «прикола». Причем, сами молдаване, что были в сотне, абсолютно не обижались, а наоборот – считали за честь рассказать «свеженький»... И сами презрительно называли молдаван-националистов не иначе как «муль».

«Идёт урок в молдавской школе. Учительница спрашивает: - Петрикэ, скажи, что означает синий цвет на нашем родном румынском флаге?»

Петрикэ встаёт и говорит: - Синий цвет на нашем флаге изображает прекрасное небо, которое ярко засинеет над нашей Румынской Молдовой, когда мы прогоним отсюда всех проклятых русских!

- Молодец! «Пять»! Дети, а кто знает, что означает красный цвет на нашем флаге?

Ионел тянет руку.

- Ну, Ионел, говори!

Ионел встаёт и говорит: - Красный цвет на нём обозначает реки крови проклятых русских оккупантов, которую мы прольём, когда будем изгонять их из нашей э... не помню точно, то ли Румынии, то ли Молдовы!

- Правильно, Ионел, молодец, но нехорошо так путаться в названиях. Садись, «четыре». А кто скажет, что означает жёлтый цвет на нашем прекрасном национальном флаге? - снова спрашивает учительница. И видит, что все молчат, потупились, и только Вовочка Сидоров тянет вверх руку. - Как, никто больше не знает?! Ну, и что же может сказать о нашем флаге оккупант Сидоров?

*Вовочка встаёт и говорит: - А жёлтый цвет на вашем поганом флаге означает, что когда отсюда уйдут все русские, то вы будете жрать лишь одну свою жёлтую мамалыгу, и её будет так мало, что не хватит даже для той недоципанной курицы с пустой бычьей головой, которая намалёвана на нём посередине!» [*18].*

Да что там анекдоты! Чуть ли не каждый день случались такие хохмы! – анекдоты отдыхают...

Как-то парни рассказали: как-то разведчики гвардии взяли с поличным мародёра – шарил в брошенном доме, уже огромный мешок набил награбленными шмотками. Сам был в «камуфляже» и при оружии. Но увидел гвардейцев – опешил, и как язык проглотил. Ни на один вопрос не ответил, будто по-русски ни бельмеса... «Чем чёрт не шутит, а вдруг это румын, настоящий!?» - подумали разведчики, и приволокли его в штаб батальона. Допрашивать его

доверили одному гвардейцу-молдаванину, который ещё немного знал и румынский язык. Допрос вышел на славу. С его гневных реплик и тягостного мычания мародера гвардейцы чуть со смеху не угорели. А особо, когда он, тыча пальцем в мешок, по-русски спросил: «Это что такое?! Ты что, охренел?!» Пленный молчит. «Видимо, совсем от страха одурел». Тот, выпучив глаза, продолжает молчать. Но потом видит, что «дело пахнет керосином» – а вдруг возьмут и расстреляют! – и по-русски отвечает: «Нэт... Я не охренэл. Я не одурэл. Меня зовут Дариэл.» ... Взрыв смеха был такой силы, что звякнули уцелевшие в рамках осколки стёкол!

И пошли острословы разносить по Бендерам свежую шутку о том, что «одурел», «озверел», «охренел», «ох...ел» – это теперь, наряду с «Ионэл», «Виорэл», «Дариэл», «Микаэл» – новые румыно-молдавские имена. Но – только для самых тупых и национально озабоченных...

Или вот Влад Смолин рассказал: как-то пробрались они почти к самым ОПОНовским позициям – к перекрестку Комсомольской-Пушкина, то на подходе, в сквере у какой-то школы, увидели на постаменте памятник Пушкину. Дыр от пуль в его груди и руке было с лихвой. Но, несмотря ни на что, Александр Сергеевич в знакомой нам задумчивости гордо и величественно возвышался над всей этой «суетой» ... с букетиком цветов у ног и ... в каске, надетой на голову! Надо сказать большое спасибо, видимо, кому-то из гвардейцев - символично и с юмором!..

«...Ну, вот уже и вечер. Вот и завершается этот «странный» день, казавшийся таким бесконечным. Наконец-то...»

Рдевшее солнце, чуть подкрасившее кисейно-белые пёрышки появившихся к вечеру редких облаков, бессильно ворочилось где-то над молчавшими ОПОНовскими позициями, не желая уходить за горизонт. Его лучи всё ещё отражались в уцелевших стеклах серо-голубого здания вокзала, в этот час больше походившем на роскошный помещичий дом дворянского имения из тургеневских повестей. Жара отступала. Было тихо. Только лишь легкие дуновения теплого ветерка и нарушали тишину этого мягкого вечера, лениво шурша зеленью листвы...

Михайлов с Будуновым, присев у крылечка и неспешно перекуривая после ужина, разговаривали. Так, обо всём и ни о чём.

- ...Как я понял, ты так и не нашёл своего армейского командира? – спросил Борис.

- Увы, и, видать, не суждено. Его адрес ещё давно, при переездах, затерялся. В здешнем городском телефонном справочнике три десятка фамилий Кузьменко, есть адреса, но больше половины их «на той стороне». По каждому номеру звонил, но!.. Человек пять только ответило – «дубль-пусто»! Остальные телефоны молчат – или связи нет, или хозяева ушли из города, а может, и домов-то тех уже нет. Дай Бог, чтоб живы остались...

Вадим как-то рассказал Борису, что срочную служил в Забайкалье, в авиационной «учебке». Вообще, авиацией он заболел ещё в детстве, грезил стать офицером. Но после школы подавать документы в военное училище не стал – зная, какие в то время были туда конкурсы, решил поступать со службы, тем более, что до призыва оставалось совсем ничего. И по комсомольской путевке уехал работать на Всесоюзную стройку в Усть-Илимск. Упросить офицеров военкомата, когда получил повестку, послать его служить в авиацию, особого труда не составило. Так он стал курсантом Лугинской 89-й военной авиационной школы механиков, что стояла на станции Бада, в закатой сопками каменистой лощине Яблонового хребта. Как иронично солдаты прозвали это суровое, продуваемое всеми ветрами, Богом забытое место – «Бадесса». После окончания курса обучения стал механиком СД – «самолет и двигатель», и на его голубые погоны легли две серебристые «лычки». ВАШМ закончил с отличием, что давало право выбора места службы, и он уже видел себя на пропахшем керосином аэродроме среди остроносых новейших МИГов или СУшек, либо стоящим у края «взлётки», взглядом провожая подготовленный им в дальний полёт грозный стратегический бомбардировщик, уходящий на боевое дежурство куда-нибудь к северным берегам Америки. Но!.. Несмотря на слабые протесты – в армии-то особо не попротестуешь! - начполитотдела его конкретно «прессанул»: «Или остаёшься здесь, или я отправлю тебя служить «через день – на ремень» в роту охраны в Монголию – есть там в пустыне Гоби один аэродромчик...». Впрочем, остался Вадим в

«учебке». Но сделал по-своему – этакий финт в три колена: заручившись поддержкой начальника строевого отдела, упросил начальника учебного аэродрома – а он с командиром части дружил семьями, и пошел служить к нему авиамехаником-инструктором. Посчитал это лучшим, чем якобы при политотделе, в Доме офицеров «служить» художником-оформителем – эти его способности командованием не остались незамеченными. Вадим же считал это делом попутным. Главное – военная специальность. Он ещё не понимал, что этим в лице полкового «комиссара» нажил себе врага – частые придирки и недовольства не в счёт, но пройдёт чуть больше полугода и начпо отыграется на нём «по полной программе»... А пока стал младший сержант Михайлов проводить занятия, обучая курсантов техническому обслуживанию бомбардировщиков. Старшим их инструкторской группы был майор Кузьменко. Специалист от Бога – мало того, что Ту-16 и Ту-22 знал, как батюшка «Отче наш...», но ещё и преподавать умел. Требовательный офицер, но и добрейшей души человек – курсанты и сержанты его очень уважали, промеж себя называя Кузьмичем, потому как и обликом, и душевностью он был очень схож с авиатехником из фильма «Хроника пикирующего бомбардировщика». Михайлов никогда не забудет, когда пришло тяжелое известие из дома, как по-отечески отнесся к этому его наставник, он был очень благодарен майору. А потом на Вадима обрушились «черные дни». Через «подставу», особо не разбираясь, по обвинению участия в драке и прочих неуставных отношениях, начпо буквально вышвырнет его из кандидатов в члены КПСС, и, как ещё со сталинских времён научились это делать партийные функционеры, организует позорную травлю. Было очень обидно, главное – за что? Многократно обидней то, что всё это зарубило мечту Вадима о военном училище – с такой-то характеристикой!.. Озlobиться на Систему и её армию, на всех и вся, сорваться, и главное – с честью перенести всю эту грязь, Вадиму не дал именно майор Кузьменко. Скоро, узнав истину, с майором стали солидарны ещё несколько офицеров – не «сдав» своего сержанта-инструктора, поддержали его, вдохнули уверенности в себе. Через некоторое время и командир части понял суть той «подставы». Вадим служил, и как итог – на «дембель» ушел старшим сержантом, «Отличником ВВС», авиамехаником 1-го класса. Но та «чернуха» в личном деле так и осталась. И она напомнит о себе через несколько лет, когда после окончания авиаучилища, но уже не военной, а гражданской авиации, он, офицер запаса, подаст рапорт в авиацию погранвойск КГБ СССР, а там, видимо, решили подстраховаться...

Он навсегда запомнил ту душевную боль, причиненную ему, без вины виноватому, тем официальным «проводником политики партии». Но помнил и офицеров, кто верил в него, дал душевной силы. Особенно майора Анатолия Кузьменко. Именно с той поры между ним, младшим сержантом, и майором установилась верная солдатская, мужская дружба. Несмотря на разницу в возрасте и звании. Не надо удивляться – в ВВС свои неписанные законы взаимоотношений. Сдружился Вадим и с его семьёй, частенько был в гостях, заодно помогал чем мог по хозяйству – дома офицерского состава, как впрочем и казармы, штаб, склады и другая недвижимость части, были старыми, бревенчатыми – ещё пленные японцы строили. Отопление в ДОСах, естественно, печное, а горячая вода – титан. А потом получилось так, что на «дембель» они уходили почти в одно время – майор увольнялся «вчистую», как по выслуге, так и по возрасту. И уезжал с семьёй в свой родной южный город ...Бендеры – как же они с женой расхваливали его! Во время прошлого отпуска уже купили там дом с садом. Конечно, приглашали Вадима в гости – непременно приезжай! ...Да-а, вот и приехал. Но не в гости. И свидеться не удалось, как бы ни хотелось...

- Кстати, Славку на вокзал вызывали, что там случилось-то?

- Да там всё в порядке. Одному казаку царापину заштопал – осколком зацепило.

Хмыкнув, Вадим с улыбкой сказал: - А мне вчера Славка пожаловался: хотел было казаков пятого взвода подучить оказанию первой помощи при разных, как он любит блеснуть латынью «casus belli» – военных случаях, мотивируя тем, что если не только кого-то, но и меня самого зацепит, что, мол, тогда делать будете? А казакам, говорил, лишь бы поржать – всю учебу на хохму перевели: мол, если тебя, Славка, вдруг зацепит, то мы тебя вначале промедолом обколем, чтоб очухался, а уж потом говорил нам, что с тобой и другими делать. Шибко он на них обиделся...

Щелчком отбросив «бычки» в сторону вагонов пожарного поезда, стоящего за перроном, Борис с Вадимом встали, и только повернулись к двери, как в этот момент где-то за Варницей протяжно и грохотно заколотился воздух...

- А это ещё что?..

- Это... Это форсаж, Боря! – вскрикнул ошеломленный Вадим.

- Что-о-о?..

- Рацию!.. Притулу скорей!!! Форсаж, Боря, это... - Михайлов не успел договорить – хрипя, откликнулась радиостанция. – «Миксер», я «Филин»! – прокричал Вадим. – Срочное сообщение штабу обороны. В направлении Варница – русло Днестра, курсом на север, слышу удаляющиеся раскаты работы реактивного двигателя на максимальном режиме!.. Да, похоже!.. Нет! Я семь лет в авиации!..

- ...Да не «грузись» ты, Боря. Притула и сам пока ничего не знает. А я тебе сейчас могу только одно сказать: это был истребитель. И шёл он на максимальной тяге. Ну, да хрен с ним! Потом узнаем, что там случилось...

«ДЕНЬ ЗА ДНЕМ». «Днестровская правда», 30 июня 1992 года, N147(7834).

*«В минувшие сутки (*29 июня) была предотвращена попытка уничтожения нефтебазы Тирасполя силами ВВС Молдовы. В момент выхода двух МиГ-29 на цель, службы ПВО 14-й армии дали команду «Пуск!». Самолеты тут же ретировались. Один, предположительно, получил повреждения».*

Угроза авиаударов по городу, как это произошло 22 июня, снята ещё не была. Поэтому все «держали ушки на макушке». И не зря. Невидимые для горожан, но прекрасно различимые средствами ПВО, военные самолеты и вертолеты кружили, как ястребы, вокруг города. Ими ставились активные и пассивные помехи, помехи в радиосетях. Причем, для полетов боевых самолетов часто использовались гражданские авиалинии. Чуть ли не каждый день «Радио Приднестровья» и газеты в оперативных выпусках новостей, со ссылкой на информацию из штаба 14-й армии, сообщали о попытках прорыва авиации ВВС Молдовы к Бендерам и Тирасполю. Службы ПВО ежедневно обнаруживали от сорока до восьмидесяти целей на малых и средних высотах. А как по этому поводу шумел МИД Украины! – его ноты протеста без смеха и слёз читать было просто нельзя...

Е. Бершин, журналист, г.Москва.

*«...Когда молдавские МИГи, отбомбившись над Парканами, совершили вираж где-то в районе Ближнего Хутора, они, что абсолютно естественно, пересекли воздушное пространство Украины. Военная авиация в небе над Приднестровьем - нонсенс. Не успеваешь взлететь - ты уже за границей. Но протест, как легко догадаться, был опять адресован приднестровцам!» [*9].*

«Кого ужалила «Оса» - так тираспольская газета «День шестой» назвала статью о двух молдавских вертолетах, сбитых из ЗРК «Оса» в районе Бендеры – Парканы в ночь на 25 июня. Днем 8 июля в газете «Трудовой Тирасполь», что принесли казакам на позиции, они прочитали: «В течение последних трех дней в зоне конфликта осуществляются интенсивные полеты авиации ВВС Республики Молдова и Румынии. Средствами противовоздушной обороны зафиксированы полеты до 30 воздушных объектов с направления аэродрома Маркулешти и до 10 воздушных объектов со стороны Румынии. Эти факты начисто перечеркивают протест МО РМ о неиспользовании ВВС в конфликте с Приднестровьем... Отмеченные 24.06.92 г. полеты не оставляют сомнений в том, что ведется планомерная и целенаправленная разведка целей и подготовка массированного применения ВВС Молдовы в зоне конфликта, что многократно увеличит и без того многочисленные жертвы среди мирного населения».

Кроме того, для полета боевых самолетов используются гражданские авиалинии. До настоящего времени над Бендерами и Тирасполем продолжают осуществляться пролеты самолетов и вертолетов ВВС Молдовы».

А три дня назад, среди бела дня казаки сами стали очевидцами, как в районе Варницы был подбит, задымил и, развернувшись, пошел со снижением вертолет Ми-8, атаковавший позиции приднестровцев. «Восьмерка», не сменившая даже своей «аэрофлотовской» раскраски, с высоты, примерно, ста метров вела огонь из установленных на ней пулеметов... «Известно, что в конце июня все того же 1992 года один Ми-8 совершил вынужденную посадку недалеко от Кишинева с 42 пулевыми пробоинами. Оба его летчика были ранены и в срочном порядке госпитализированы», - это через несколько лет написал в своей монографии военный историк, исследователь той «неизвестной» войны Михаил Жирохов. Быть может, как раз о том, увиденном парнями, случае это он и написал. Кроме того, говорили, что сбили ещё два вертолёта, и что один из них грохнулся прямо на край военного аэродрома 14-й армии, что на окраине Ближнего Хутора, мол, его обломки уже показало тираспольское телевидение.

«...Военный совет ещё раз уведомляет, что средства ПВО 14-й армии не позволят нанести варварские удары с воздуха по мирному населению Приднестровья», - напрасно в Кишиневе отмахнулись от этого предупреждения. Вот и результат...

М. Жирохов. «Авиация в конфликте в Приднестровье». Из Интернета.

«...Когда молдавские МиГи попытались атаковать нефтяной терминал около п. Ближний Хутор, их ждал неприятный сюрприз. Находившийся на КП ПВО армии полковник Добрянский получил доклад одного из командиров батарей ЗРК С-125 об обнаружении на удалении 30 километров скоростной цели. Так как никаких сомнений в принадлежности и намерениях самолета не было, был отдан приказ: уничтожить. Через несколько минут после пуска с батареи доложили: "Взрыв на высоте 3000, отметка цели с экрана исчезла".

Хотя после этого случая налетов на территорию Приднестровья не было (что косвенно свидетельствовало о победе российских зенитчиков), в то же время получить подтверждение сбития оказалось весьма непросто, так как самолет упал на территории Молдовы, а в Кишиневе все привычно отрицали. Но вскоре бойцы отряда специального назначения 14-й армии из одного спецрейда "на тот берег" принесли обломки самолёта, которые были идентифицированы специалистами как фрагменты антенны МиГ-29. Уже после окончания боевых действий молдаване официально признали потерю одного "двадцать девятого" (естественно, о причине ничего не сообщалось), и есть все основания полагать, что этот истребитель на счету зенитчиков 14-й армии».

- Боря, а куда у нас Иосиф делся? - спросил Михайлов, когда они поднимались по лестнице. - Что-то я его не увидел. Или ты отослал куда?

- Да он в «арсенале» с Виталькой. Ленты пошли набивать. Я заглянул, а они, - Будунов коротко хохотнул, - сидят там, философствуют: какова судьба каждой из этих пуль, чью же ниточку жизни оборвёт остриё вот этой?..

Осмотрев как-то их «базу», и оставшись довольным её укрепленностью, Притула, не без подсказки «Ляха», принял решение переместить сюда из «Тигины» весь имеющийся боезапас, устроив, таким образом, в подвале, мощном как убежище, склад – пункт боепитания сотни. С недавних пор «арсенал» у них стал богатый. Десятки ящиков с гранатами, патронами, несколько охапок выстрелов к РПГ-7, а «Мух» было!.. – кроме тех, что были в ящиках, из остальных сложили небольшую «поленницу». Принесли туда и диковинки: несколько гранатометов «Оса», переделанных тираспольскими умельцами под выстрел ПГ-7, и гранатометы РПГ-7, изготовленные на одном из «гражданских» заводов Тирасполя – обработка грубая, наспех, и без оптики, но стрелять из этой «шайтан-трубы» - одно удовольствие!.. Правда, встречались такие, что из-за погрешности в обработке металла всё же имели дефекты спускового механизма – не фиксировалась граната. Но казаки и в этих случаях исхитрялись – подматывали бумагу или натягивали резинку, и – пошла, родная!..

Долго не знали, что делать с танковым пулемётом ПКТ: ствол и коробка со жгутом электроспуска – как из него стрелять-то? Ни станка тебе, ни крепления!.. «Может приспособите куда?..», – пожал плечами, сказал Притула. – А куда?! ...Хоть и патронов к нему – немерено. Пару дней к этой железяке вообще никто не подходил, пока на досуге им ни заинтересовался Брагинович. Разобрался в устройстве пулемета, привел его в порядок, и обмотал ствол полосой асбестового полотна, найденного в аккумуляторной – мало ли что, накаляется ведь! После приспособил широкий брезентовый ремень для удобства переноски, и заправил в пулемёт ленту. Когда с таким «пугачом» наперевес, и с лентой, переброшенной через плечо, этот здоровяк предстал пред очи казаков, все, ахнув, прыснули от смеха – «Рэмбо» да и только!..

Казаки станицы «Илимской» были в своё время несколько удивлены, когда с просьбой поверстать его в казаки обратился кряжистый парень с покатым говором, «мулявинскими» усами и... несколько непривычным для русского фамилией и именем. Это и был Иосиф Брагинович. Рассказал о себе: отец – белорус, мать – казачка с Дона. Там в донской станице и провёл он всё своё детство, впитав через многочисленную родню и станичников не только уклад жизни и традиции, но и сам вольный дух казачества. Окончил институт, и попросился в Усть-Илимск, на Всесоюзную комсомольскую ударную стройку, как она тогда называлась.

Обстоятельный, уравновешенный и практичный, он, казалось, вообще не торопился жить. Он как бы смаковал каждую переживаемую минуту. И от этого рядом с ним было очень спокойно и уютно. Как со старшим братом. А для Иосифа все казаки и были словно братья, и обращался он к ним только так – «брат». Из-за этого своего словечка-приказки и получил здесь такую кличку.

- ...Слышь, «Брат», а как ты собираешься стрелять-то из него? – насмеявшись вволю, спросили его. – Ведь станковый, тяжелый, да ещё и с электроспуском!..

- А вот тут, брат, с торца есть пимпочка. Нажми её посильней какой-нибудь блямбочкой – пальчиком-то не получится! – да и стреляй из этой дрындошки, – шутейно ответил он. – Только в руках его держи покрепче!..

...И ведь стрелял! Уже несколько раз. И как! С рук и от пояса!.. Точность стрельбы, конечно, была, приблизительной – «плюс-минус трамвайная остановка». Но это было не особо и важно – он бил по площадям; стрельба, так сказать, на испуг. «...*Огонь с бедра из пулемёта (по примеру Рэмбо) ... смысл такой стрельбы только в том, что она заставляет противника уткнуться в землю*», – так о нечто подобном (но только из ПКМ) было опубликовано в журнале «Солдат удачи». ...Это был шквал огня – три в одном: камнерезка, древожуйка и газонокосилка – мог им и просеку выстричь, а то и закрыть наряд на земляные работы!.. А как он этот пулемёт в руках удерживал – о том особый разговор. Во-первых, силушки в Иосифе было ого-го!.. Про таких, как он, говорят: «кулак с голову пионера». А во-вторых: приспособился – упрёт затыльник пулемета в стену или дерево, да короткими очередями. Иногда на пару с Брагиновичем «работал» Лекарев, для этого, ну прямо, как революционный матрос Железняк – парням уж очень на это было потешно смотреть – опоясывался пулемётными лентами... Причем, патроны для «пугача» – 7,62-мм, называемые винтовочными – в «арсенале» оказались лишь бронебойно-зажигательными – и где их только отыскивали?! Вскоре именно из-за этого, когда к всеобщему удивлению и неописуемой радости «Брат» смачной очередью поджог, облюбованную вдруг ОПОНовцами, какую-то пристанционную избушку, «пугач» переименовали в «зажигалку»... Недолго этот пулемёт был у группы, пока «Беня» не расчухал – забрал на какую-то МТЛБшку.

Как-то в пятиэтажке по улице Федорова – одна из позиций 5-го взвода, парни увидели подобный пулемёт – танковый, но... станковый! На массивном станке – регулируемой треноге, и с ручками у гашетки, как у «Максима» - «Made in Tiraspol», шутили казаки. Данное изделие народных умельцев, впику легендарному «Максиму», тоже имело имя – «Машка».

Как тут не упомянуть и про личное оружие – автоматы?

Пристреляли их парни в первый же вечер. Были у них «Калашки» калибра 5,45x39мм – АК-74. Хорошая машинка. Несколько легче АКМа (калибр 7,62x39 мм). При стрельбе

очередями ствол не задирает, как у АКМа – вверх и вправо, отдача слабее, рассеивание меньше. При стрельбе короткими очередями на сотню метров – пули ложатся, можно сказать, одна в одну. И ствол перегревается не так быстро. Но есть и минусы. Главный из них – это рикошеты. Это из-за того, что уменьшенный калибр ствола повлѣк и более слабый заряд в патроне, и пуля стала меньше и легче. Второй минус – потеря пробивной и останавливающей силы. Если случалось и пробивала мягкие ткани навывлет, то, даже будучи смертельно раненым, боец мог по инерции ещё метров двадцать пробежать. Третье: траекторию полета такой пули мог изменить любой, попавшийся на пути, кустик-листик – в условиях города это ужасно! Но – по этой же причине – при попадании в тело человека она, кувыркаясь внутри, могла такого понатворить! – ливер-фарш, одним словом... Поэтому её и прозвали: «со смещенным центром тяжести».

АКМ – предшественник АК-74 и прямой потомок АК-47 – машина-зверь! Влад Смолин, у которого был такой автомат, называл его «машинкой «Зингер» или «дур-машинкой». Действительно, дури (в хорошем смысле слова) в нём было – хоть отбавляй! – срезал любой куст, и бетон выкрашивал, и легкую броню мог запросто «просверлить»!.. При попадании же пули в тело – тут и говорить много не надо – часто пробивала навывлет. При этом, в отличии от 5,45, не только останавливала противника, но даже и отбрасывала, отшвыривала его назад. Это если патроны советского производства. Запас их у Влада был, но поначалу малый, и то не всегда. На первых порах его «машинку» казаки «подкармливали» трофейными патронами, часто советскими, но попадались и румынского производства – пуля в мягкой металлической оболочке. Такая при попадании в тело – гораздо страшней нашей 5,45...

АКМ Влада имел ещё и свойственный лишь ему особый «голосок» - грохотал, хоть уши затыкай. *«У меня 7,62, - рассказывал Влад Мише Корневу («Тираспольские дневники», «Русский Восток» №11, 1992 г.). - Он вообще – четко! Надѣжный, как машинка «Зингер». И любое дерево прострочит. Грохочет – ужас! «Румыны» уже распознают его. Услышат – ага, чешет, и давай в ответ концерт устраивать – в то место из минометов, пулемѣтов бьют. На! – меня уже там нету!..»*

Бывало, иногда из боя, в качестве трофея, казаки приносили и «Калашы» румынского производства. Хоть и калибр у них хороший – 7,62, и рукоятку удобную придумали на цевье, но из-за множества причин – дерьмо, а не оружие. Автомат тяжелый, почти как первые «Калашниковы» – АК-47. Какой-то неотбалансированный, и детали подогнаны чуть ли не на глазок – внутри него постоянно что-то брэнчал. А отдача – просто ужас! И ствол при стрельбе задирался невероятно – даже намотанный на руку ремень не помогал. Да ещё румынский «ствол» очень плохо приспособлен для стрельбы очередями: норовил захлебнуться, перекосив патрон, а в хорошем бою начинал «плевать» уже после пары отстрелянных магазинов – пули, как из рогатки, шлѣпались на асфальт метрах в тридцати!.. Видимо, металл такой хреновый – быстро нагревается, а тут ещё и жара!

Видели, что некоторые казаки попарно «валетом» соединяли изолентой свои автоматные магазины – вроде бы так удобней в бою, мол, быстрее перезаряжаешь. Вопрос спорный, но усть-илимским казакам так не показалось – первый патрон мог подвыскочить и перекосить, а в магазин набиться земля. И тут уж... сами понимаете. Впрочем, поэкспериментировали немножко и больше не стали.

Очень позавидовали (но белой завистью!) Толику Малых, когда Валера «Филиппок» поделился с ним одним, якобы лишним, магазином от своего РПК-74М (ручной пулемѣт, калибр 5,45), длинным – 40 патронов в «коробочке»! А у одного из казаков Атаманской сотни на его АКМе как-то увидели – лишь облизнулись! – барабанный магазин от РПК – в нём аж 75 патронов 7,62!..

Пистолет ТТ венгерского производства, который «по благу подогнал» ещё в Тирасполе «баталер» ЧКВ, Вадим так ни разу по «делу» и не использовал – и слава Богу! Хотя и сам, и парни группы опробовали эту «пушку» – не наврал тот «баталер», сказав, что «дырокол» отменный – с полсотни метров пули укладывались в мишень с ладошку!

Пока не разжились «лифчиками», гранаты – Ф-1 и РГД-5 – кроме тех, что были в нагрудных кармашках (для себя), парни носили в подсумках: разряженными, вместе с запалами

и пачками патронов. Но после одного бешеного боя поняли, что это несколько ...неудобно. И хоть одну-две гранаты стали носить снаряженными, то есть с прикрученными запалами. Всего четыре нарезки резьбы и два куса металла стали смертью, в любую секунду готовой к броску. Поначалу гранаты носили на ремне, иной раз подвязывая за-под запал бумажной бечевочкой. Конечно, носить их так ...чутко опасно. Но на войне, как ни странно, везде опасно...

Трофейными гранатами румынского производства из-за их старых, ещё немодернизированных, запалов приднестровцы пренебрегали пользоваться. Казаки говорили, что срабатывали, когда хотели: секунд через пять, может и вообще не взорваться, а самое неприятное – секунды через две после броска! Потому, при необходимости на румынскую РГ-42 наворачивали наш запал УЗРГМ – так надёжнее...

Как-то в «арсенале» в одном из ящиков обнаружили и трофейные ручные противотанковые гранаты РКГ – те, у которых при броске из ручки выскакивает лепестковый парашют-стабилизатор. Документы были на латинице, поэтому попытались освоить их «методом тыка», и как следствие, одну из них, пока изучали устройство, превратили в бесполезную железюку – потеряли капсулю. Вообще-то, они и не нужны были, их и не трогали больше...

Ну, и никак нельзя не рассказать ещё об одном оружии – особом виде оружия! – казачьей «ракетной» артиллерии.

Все знают, что в годы Великой Отечественной у нас были гвардейские миномёты – мобильные установки БМ-13, БМ-8-48, наземные с реактивными снарядами М-30 и М-31 – легендарные «Катюши». У немцев тоже появились реактивные миномёты, шестиствольные – «Ванюши», как прозвали их наши солдаты. Потом уж на вооружении Советской Армии появились: «Град», «Смерч», «Ураган»...

На Приднестровской же войне обе стороны использовали, в основном, один подобный вид – когда-то мирные, использовавшиеся в интересах сельского хозяйства, но ныне поставленные на «военные рельсы», установки противораковых ракет «Алазань». В большинстве своём, шести- и двенадцати «ствольные» установки монтировались на грузовиках. Илимские казаки видели как-то такую штуку – целый пакет «рельсов» в кузове оранжевого КАМАЗа-самосвала. Но вот чтобы переносную, да на спине!..

...Поспешая, сколь могли, несколько человек в руках несли небольшие ракеты. Чуть впереди шёл казак с армейской катушкой провода и какой-то коробкой. А вот рядом с ним – поначалу и не поняли: двое других несли на спине, на широких ремнях-лямках, как рюкзаки, какие-то большие и тяжелые закопчено-грязные короба, а за головой, там, как туристы поверх рюкзаков носят «спальники» - скатки толстого войлока.

Задолбали «румыны» казаков своими миномётными обстрелами! Но всё же обнаружили их позицию – они миномёты аж на крышу пятиэтажки затащили! Самим не достать, вот Притула и вызвал «алазаньщиков» - пусть «загасят»...

Это надо было видеть: пусковые установки – на спине, а огонь – с короточек. Скинут войлок вперед до земли, чтоб пламенем не обжечь «установку», и, понятно, прицел – на глазок... Но «алазаньщики» «работали» спокойно и уверенно – видать, навык велик: глаз – алмаз, и «руку набили».

...Ракета выскочила из короба, сначала на доли секунды как бы замерла на месте, а потом, неожиданно распустив веер пламени, как глухарь свой хвост на току, и оставляя за собой дымную трассу, стремительно унеслась в сторону ОПОНовских позиций. Впрочем, как ни странно, всего несколькими пусками «отработали» они «на ять» – крышу и верхний этаж превратили в небольшой вулкан: грохот, пламя, облако дыма и пыли, откуда полетели куски строительного мусора. Разнеслось дружное: «Любо!», «Ура!!!». Но потом...

В.В. Иванов, казак-«ракетчик». (От тяжелой контузии и ранения в голову, полученных в г. Бендеры, 4 мая 1995 года скончался в Тираспольском госпитале инвалидов войны).

«...Ракеты «Алазань» запускали «со спины»: обыкновенный швеллер, на нём розетка, два провода и «адская машинка». Тогда «двенадцатистволок» было мало. Среди бела дня казаки

перетаскивали «двустволку» и снаряды на новое место. Иногда противник это обнаруживал, и открывали огонь снайпера.

...И вот шестой день – самый несчастливый. Прибежал Борис (*вахмистр Поспелов – командир батареи) и объявил команду: «Приказано открыть огонь «Алазанью» - ОПОНовцы «лупят» миномётами».

... - Первая – пуск! Ложись! ...Пошла! Заряжай! Вторая – изменить угол и азимут!.. Вот так! Пуск! Пошла! – командует Поспелов.

Следом восторженный крик: - Любо!!! – это казаки заметили попадание.

И тут... преждевременный пуск первой – ракета выкидывает из себя 4 метра огня, эта струя ударила Бориса в грудь, откинула метров на 5. Снесло защитные очки, фуражку, опалило волосы, лицо, он бьётся в судорогах от ожогов, но тихо говорит: «Забери «эФки». Разбросало автоматные «рожки» - сожгло «лифчик», он еле болтался на тесёмочке, но в кармашках – две гранаты Ф-1. Что было бы с батареей, если бы они взорвались? Но есть Бог – Иисус Христос! ...Некогда было делать заземление, а может, ракета была с дефектом.

...Мысль не о себе – о других!» ... [*4].

- ...А ты куда?! Почему пост связи оставил?! – увидев быстро спускающегося по лестнице «Махно», «наехал» было на него Вадим.

- Да меня там «Лекарь» ...это ...подменил сейчас. Я это... - Гриня перевел дух – он аж запыхался. - «Беня» сейчас звонил. «Непонятка» у них: с вокзала за путями в нашу сторону какую-то группу заметили. Ополченцев за «железкой» у депо они уже известили. Нас предупредил, чтоб смотрели. Сказал, что хлопцы с 5-го взвода сейчас к виадуку выйдут, тоже глянут, что там...

Вроде бы обычное дело, но почему-то это сообщение Вадима встревожило. И хоть в их районе по-прежнему тихо, но где-то с южной окраины города опять стало доноситься уханье взрывов. Видимо, гаубицы бьют...

- Боря, связь с «Тигиной» есть? – узнай, что им известно, может там всё же наши?.. Кто у нас сейчас в «секрете» на автобазе? – им тоже сообщи, чтоб смотрели в оба. Гриня! Слетай-ка, хлопец, к нашим соседям-ополченцам, заодно «на всякий пожарный» и их предупреди...

Проходя по коридору, Михайлов глянул в открытую дверь «кают-компании». «Дебаты» там шли полным ходом – расслабились парни на безделье...

- ...Мало этого, так в конце 91-го – помните? – с дозволения «царя-Бориски» они свою хануку отпраздновали – прям, как свой День Победы! – и где бы вы думали? – в Кремле! В самом сердце России! Среди православных храмов! ...Наших святынь! Это ж какое оскорбление национальных чувств, и чувств верующих? – плевков в души православных!.. Провокатор он! ...И предатель!

Сколько уж раз Вадим слышал эти разговоры – изо дня в день об одном и том же...

Бывало, от нечего делать, лениво перекидываясь в картишки да попивая кисленькое винцо, начнут с любого пустяка – да хоть с анекдота – и не успеешь оглянуться, как, вспомнив какой-нибудь случай, все уж опять завелись про политику да про войну – причины, первопричины, положение в городе... Потом, естественно – «Горбач», Ельцин, да Гайдар с Чубайсом, прицепив к ним заодно всех известных «перестройщиков». Да как обычно, не забудут и о пресловутых жидо-масонах, для кого-то «от большого ума» извечно виноватых во всех бедах «матушки-Расеи» – это, мол, их рука, их заговоры (как у «западенских хохлов» – во всём «москалии» виноваты! Ведь кому-то так проще жить: не знаешь как решить проблему – ищи врага!). После, как калеными шипами, обязательно пройдутся и по доморощенным новодворско-сахаровским демократам-правозащитничкам. Постепенно, утомившись, дойдут до Буша, ООН и миссионеров ОБСЕ. Ну, и закончат, как всегда, бабами – а чем же ещё заканчивать?..

- Эко вас, господа, разобрало... - Вадим нервно сверкнул очками. – Закрывай кухонные прения. Всем по местам стоять! У нас какая-то «мутная» группа в тылу! Северное, северо-западное направление – готовность «ноль»! ...С плюсом!

Уловив нотки беспокойства в голосе «походного», казаки разом встали и спешно похватав «стволы» и «Мухи», на ходу клацая затворами, побежали по этажам к своим оборудованным «кубрикам»-дотам.

- ...Сигналы прежние! В оба смотреть! – уже вдогонку прокричал он парням. Сам же, ускорив шаг, пошел в комнату архива, чтоб заменить на этой «точке» натерпевшегося сегодня «Ляха», до сих пор ещё полуоглохшего. – Саня, давай-ка на второй этаж, к «Лекарю» на усиление. У него северо-восток – сектор большой. Да, и подменишь его, коль чего...

Сумерки сгущались медленно. Вначале связали на востоке небо с горизонтом, заштриховав его серыми тенями, потом под грязно-синим маревом, наползающем на небосвод, исчез темневшийся вдаль Гербовецкий лес. «Ещё полчаса и темень будет - хоть глаз выколи!..- думал Вадим, привалившись плечом к стене и разглядывая стоявший невдалеке на путях пожарный поезд, изрядно посеченный пулями. - Юг, одним словом. А что железнодорожные фонари мы сами порасстреляли – жаль, но другого выбора не было – их синий свет очень уж нас слепил...».

Доносившийся издали грохот взрывов стал более плотным. «Да-а, где-то у шелкомбината несладко сейчас приходится гвардейцам. Это по ним, должно быть, гаубицы...». Что такое удар гаубиц, казакам на вокзале ощутить, слава Богу, пока не довелось. Но представить можно. Вадим вспомнил увиденные в первый день на газоне у исполкома раскрытые ящики с длинными толстыми сигарами снарядов – судя по калибру, явно не для «Рапиры». Говорили, что их бросили на позиции артиллеристы, когда вечером 20-го июня «румыны» драпанули из города. Мол, жаль, что пушки они успели-таки увезти. Поразила длина снаряда – если поднять стоймя, то по плечо будет...

- Я узнал у Притулы – никого из наших на путях сейчас не должно быть, – ввалившись в комнатку архива с «шайтан-трубой» РПГ-7 в руке и зелёным «тубусом» «Мухи» за спиной, сказал Будунов. - Соседей тоже...

Не успел он договорить, как где-то справа – совсем рядом! – дружно «заговорили» автоматы. «...Это автобаза! «Румыны» там!..» - поняли оба. Те парни, что сегодня в «секрете», никак не могли бы обознаться!

Огонь тут же многократно усилился. Где-то за путями. «Должно быть, и ополченцы засеки этих гостей непрошенных... Ох, сейчас им... да с двух сторон!..». Михайлов мельком обернулся к приоткрытой двери и со всей силы, что аж у самого в ушах зазвенело, свистнул – «приготовиться!». Зная по опыту, что обнаруженные, «румыны» вряд ли примут бой, и чтоб не попасть в «клещи», наверняка уже ломанулись назад, как раз в их сторону – вот-вот будут здесь, Вадим сказал Борису, уже прижавшегося щекой к прикладу своего «Калаша»:

- Боря, а может, встретить «гостей» у перрона – «торжественно»?

Будунов аж встрепенулся, искра азарта сверкнула в его глазах: – Точно! Я даже знаю, где... – и рванул из комнаты.

- «Брата» возьми с собой! И хлопчика-махновца!.. – уже след ему крикнул Вадим, взвёл оставленный ему Борисом РПГ-7 и, чуть отступив назад, нацелил остриё гранаты через окно – бой быстро приближался...

«Приднестровье: ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА». «Днестровская правда», 1 июля 1992 г., N148 (7835).

«Бендеры. ...В понедельник (*29 июня) относительно затишью пришел конец: город вновь стал фронтовым. Нарушив договоренность о прекращении огня, примерно около семи часов вечера, начался массированный обстрел из минометов и гаубиц его жилых кварталов и промышленной зоны. ОПОНовцы и национал-армейцы «добивали» полуразрушенные предприятия, оборудование которых им не удалось вывезти. Вспыхнули пожары. Объятыми пламенем оказались комбинат «Фанеродеталь», хлопкопрядильная фабрика, склад шелкового комбината, детсад N5 и школа N15, пострадало много жилых домов. Противник обстреливал из минометов железнодорожный вокзал, здание ДОСААФ, ремзавод. Ожесточенные перестрелки завязались в районе вокзала и отделения полиции. Артиллерия республиканской

гвардии в ответ на бомбардировку Бендер открыла огонь по местам скопления боевой техники противника. Результаты артогня уточняются. Ночью огонь стих, отмечались лишь редкие и короткие перестрелки. Ряды защитников Бендер понесли потери: семь человек убиты, тридцать пять ранены. Количество жертв среди мирного населения уточняется».